

1961

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

8

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЦА

1961

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания пятый

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СЕРГЕЙ САРТАКОВ. Любовь. Часть вторая . . .	3
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. По следам Руставели. Стихи	19
КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Часы. Бессмер- тие. Новеллы	21
СЕРГИ ЧИЛАЯ. Константи́не Гамсахурдиа . . .	30
ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Мать. Драматическая поэ- ма. Продолжение	34
ЭЛИЗБАР ЗЕДГИНИДЗЕ. Солнце в дороге. Рас- сказ	46
РЕВАЗ АСАЕВ. Слово о Грузии. Волга. Стихи . .	58
ВАНО ЦХОВРЕБОВ. Колыбельный мастер. Стихи.	59
ХАДЖИ-МУРАТ ДЗУДЦАТИ. «В ореховых деревь- ях...» Стихи	60

НАВСТРЕЧУ XXII СЪЕЗДУ КПСС

МИХАИЛ ДАВИТАШВИЛИ. Зерна жизни. Очерк	61
--	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Герои и современность .	67
ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Памяти Эрнеста Хемингуэя	72
Г. БЕБУТОВ. Грузия в творчестве Ольги Форш .	73

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

ВЛАДИМИР АСАТИАНИ. Наши лекарственные ресурсы	75
--	----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

УШАНГИ ОБОЛАДЗЕ. Новое о Луначарском . .	80
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ. Коминтерн и педагоги .	81

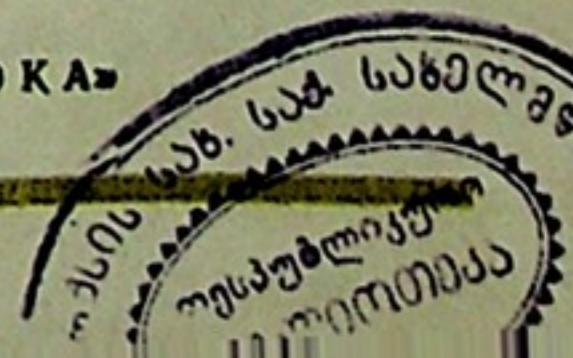
См. на обороте

АВГУСТ
1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ «ЗАРЯ ВОСТОКА»

67005-

8

СРЕДИ КНИГ

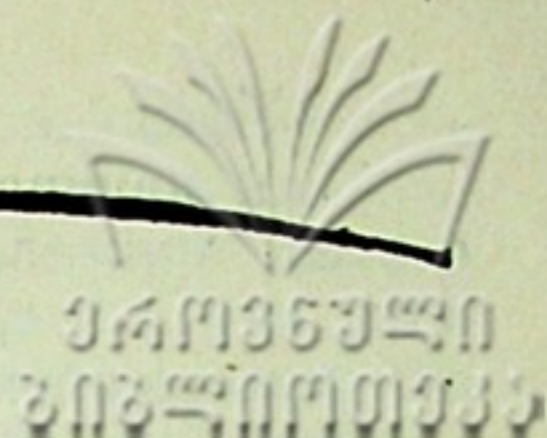
Т. ДОБРОВА — Всегда в строю; А. ГРЕВНЕВ —
След поэта; Н. КАРАШВИЛИ — «Земля большая»;
М. ЭСАКИЯ — Горение поэзии; Н. ЧХЕИДЗЕ —
О теории художественного перевода . . . 86—95 ✓

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗАВЕРИН, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ,
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.
Заместитель редактора Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

«Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека».

(Из проекта Программы Коммунистической
партии Советского Союза)

Сергей Сартаков

Л ю б о в ь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гармонь звала.

Сначала в самом верхнем конце поселка она запела протяжно, раздумчиво, запела прерывающимся, тоненьким, словно бы жалующимся на одиночество девичьим голоском, с которым лишь изредка кто-то спорил густым, хриповатым басом: «Тай-на! Тай-на! Тай-на!» Потом неторопливо ушла к лесу, за жердевые ограды дворов, в глухую черноту ночи, и там уже с отчаянной мужской откровенностью поведала вслух и всем, что делает с сердцем парня любовь. От лесу пересекла улицу поперек, постояла над торосисто взбугренной рекой, на крутом обрыве берега, размышляя о необъятных просторах родной земли. Тихо-тихо по берегу удалилась в самый нижний край поселка, к дороге на Покукуй, где начинались сплавные сооружения рейда, — там заявила весело и твердо, что «лучше нету того цвету, когда яблоня цветет». И вернулась в центр, остановилась у конторы, рассыпая озорные частушечные припевки, которые тут же обросли живыми, смеющимся словами:

Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица.
На тебе, моя подгорна,
Милая балуется...

Первая часть романа напечатана в журнале «Литературная Грузия» № 4 за 1960 г.

Всплеск ладоней, дробный топот ног...

Так начиналось всегда. С далекого, волнующего зова гармони и с этих припевок, может быть, и очень старых, но никогда не стареющих, как и все, что безмянно сложилось в народе, округлилось и обкаталось временем, высветилось, словно речная галька.

Все уже знали: Женька Ребезова запела. Это у нее первая буква в азбуке — «милая балуетца...» Милая-то, милая, ничего не скажешь, действительно — милая. И что балуется — тоже ничего не скажешь. В меру! Но ведь и меры бывают разные...

Сейчас, по неписаному уставу, подпоет ей Феня таким же бойким, но только более тонким и еще озорнее звенящим голоском. Феня не подпела — врезался крепкий басок:

Лес зеленый, лес зеленый,
Выше крыши не дорос.
Наши девушки не смеют
Показаться на мороз.

И сразу повсюду захлопали двери, замигали на опущенных инеем стеклах окон желтые огоньки, одни гасли, другие вспыхивали.

А гармонь звала и звала, не уходила погреться, словно на дворе и мороз был не за двадцать пять и не голые пальцы гармониста нажимали на ней клавиши.

Максим выжидающе смотрел на Михаила. Постучал кулаком себе в грудь, покрутил указательным пальцем вокруг сердца. В который раз проговорил:

— Пошли, Мишка. А? Тянет, понимаешь...

Наконец Михаил снисходительно улыбнулся, лениво забрался всей пятерней Максиму в волосы, давнул ему голову книзу.

— Ну, пошли, так и быть! Ради тебя, Макся. Только.

Его и самого тянуло, на улицу не меньше, чем Максима. Но тот со своей прилипчивой просьбой очень кстати выскочил первым — теперь можно было малость и покуражиться.

— Черт-те его знает — холодно... Давай лучше спать ляжем.

— Спать? Да ты что! Ты же сказал...

— Мало ли говорится! Куда идти? Чего там? Слушать ехидства Женькины? Не люблю!

— Да ну, Мишка... Пойдем...

Максиму от Женьки доставалось больше. Но он помалкивал. В издевках Ребезовой для него была даже какая-то своя приятность. Она тянула из дому так же, как гармонь.

За окном звонко похрустывал снег. Можно было точно определить: с охотой идет, торопится или просто от скуки тащится человек, девушка или парень, или кто-то такой уже категории, когда, ей-богу, лучше бы дома ему посидеть — да что делать дома? До красного уголка ноги как-нибудь донесут. А поглядеть на молодое веселье все-таки интересно.

— Ну, пойдем же! Пойдем. Сколько надо просить?

Михаил поломался еще немного, но все же потихоньку стал одеваться: «Только для тебя, Макся».

В красном уголке и курочке клюнуть было негде, даже все скамейки вытащены в коридор. Девчата между танцами отдыхали стоя у стены. Старики забрались на сцену, сидели, подвернув ноги калачиком, а кой-кто весьма удобно даже и растянулся на шубе, подложенной под бок. На сцене же сидел и Гоша, гармонист, распаренный от ду-

хоты, с взлохмаченными, проволочно торчащими волосами. Он уже не столько играл, сколько трудно работал, силой заставлял свои пальцы ползать по клавишам, то и дело ошибался на голосах, но тут же заглушал фальшивинку могуче ревушими басами.

Наши друзья протиснулись в дверь как раз в тот момент, когда только что закончилась удивительно залихватская полечка, и девчата со середины комнаты сыпались горохом, чтобы успеть захватить получше местечко у стены. Гоша, устало повиливая широко разведенными мехами гармони, проигрывал какую-то смесь, не то коленце из «Подгорной», не то из «Страданий» самый начальный запев. И в этот путаный, беспорядочный наигрыш вдруг очень ловко и пронизывающе сильно вплелись слова:

Реки, камни и кусты,
Всюду сломаны мосты.
Где-то Миша мой идет,
Максю за руку ведет.

Михаила так и передернуло. Он рванулся назад, чтобы не оказаться сразу у всех на виду.

— Я тебе говорил, — зло прошипел он в ухо Максиму.

Но Женька Ребезова об руку с Лидой уже стояли перед ним.

— Здравсьте! — закричала Женька так, словно Михаил был совершенно глухой. — А мы тут все истосковались без вас, измучились, разу топнуть ножкой было не с кем. Гоша, дай немножко «Иркутяночку»!

И рассыпала частую дробь звонкими каблучками, пятясь пошла к центру круга, который моментально образовался возле нее.

Ни Михаил, ни Максим танцевать вальсы, фокстроты и разные «полечки», можно сказать, совсем не умели. В школе отдельного обучения умение танцевать считалось среди мальчишек чуть ли не позорным. В армии вечера с танцами бывали большой редкостью, и Михаил всегда кривил губы: «Смыгать пятками? Казенную обувь драть? Нет, брат Макся, она и в походах нам пригодится». Но пляска, лихая солдатская пляска их сердцам была дороже казенной обуви. И тот и другой любили «ударить». Кстати сказать, в поединках между собой Максим, как правило, переплясывал Михаила, побивал удивительным разнообразием «колен» и «выходок». Он, словно инженер-изобретатель, месяцами вынашивал и обдумывал конструкции своих новых «коленцев». И чтобы после блеснуть на народе, тоже по целым неделям и месяцам, в тихих уголках, в одиночку, тщательно отработывал каждое движение руки или ноги. Михаилу он не раз предлагал сотрудничество, но тот неизменно отказывался: «Это, брат, не цирк. У тебя, Макся, нос картошкой округлился, а у меня он редькой вытянулся. Станем плясать с тобой совсем одинаково — только по носам и различать нас будут».

Женька Ребезова секла пол каблучками, покачивалась словно на ветру, лучисто смеясь большими серыми глазами, тихонько и обжигающе повторяла: «Ну? Ну?», а Михаил все стоял и не мог решиться — принять ли ему вызов девушки, которая только и ищет, где и как бы его осмеять, или презрительно отвернуться, сделать вид: «С вами я не желаю». Он знал, что Ребезова пляшет здорово. Сбить ей спесь! Но велик ли окажется срам, вдруг, наоборот, Женька его перепляшет? Искусство свое Михаил на Читаутском рейде пока еще никому не показывал, силами ни с кем не мерялся.

А гармонь требовала ответа. Она прямо-таки насильно отрывала ноги от полу. И уже стучали не только Женькины каблучки. В такт

забористой музыке, все до единого парни и девушки покачивали плечами, готовые сорваться в пляс. И только лишь у одного Михаила, казалось, на подошвах была смола. Каждая секунда промедления работала уже не в его пользу. Еще чуть-чуть — и Женька с полным правом выкрикнет: «Кисло!» Влепит, как пощечину, ему это слово. Парень — просто кваша, кислое молоко... Надо решаться!

И вдруг, обойдя его, выступил Максим. Потом он объяснял Михаилу: «Не знаю как, сами ноги вынесли». Вышел и ударил тяжелыми сапогами, сразу, словно стаю воробьишек, спугнув мелкую дробь Женькиных каблучков. Ударил, помедлил и пошел чесать, на носок и на пятку, выстилая на полу незримую дорожку, которая так и потянулась за ним набором звонких щелчков, легких подшаркиваний подметками и тугих ударов всей ступней. Он обошел полный круг, и гармонист прибавил скорости. У Максима теперь заработали и ладони, но пока еще очень реденько и осторожно. Словно крадучись, внезапно, он иногда выхватывал руки из-за спины и делал ими такой неуловимо быстрый всплеск перед собой, что можно было подумать — еще Максимовы ладони и не встретились, а хлопнул в это время вместо него кто-то другой.

У Женьки широко раздулись ноздри. Она едва дождалась, когда Максим закончит первое свое колено. Не вышла, а вылетела в круг и полуоборотами вправо, влево понеслась, не шевеля даже пальцами, нарочито напоказ выставив перед собой слегка согнутые в локтях руки. Носочки ботинок у нее мелькали быстро-быстро, и ноги то перекрещивались, то как бы обгоняли одна другую. И ни малейшего звука! Только чуть шелестел ветерок. Словно и впрямь Женька летела, не касаясь вовсе половиц.

Второе колено Максим отработал еще чище. Теперь он уже не выстилал чечеточную дорожку, а стоял на месте. Похоже — на одной ноге. Только попеременно то на правой, то на левой. А сыпал дробью, все такой же ровной и сильной.

Ответила Ребезова ему крупным шагом и на этот раз с полными поворотами, но так же беззвучно летя по кругу.

Максим расплескал продолжительную чечетку только руками, не отрывая даже носка сапог от полу. Он начал с голенищ, пробежался ладонями по всему телу, звонко ударил себя по шее сзади, а большим пальцем, засунув его за щеку, словно бы выдернул пробку.

Женька завертелась на одной ноге, меж тем двигаясь все же и по кругу. И опять-таки не стуча каблуками, а только лишь слегка шелестя юбкой, надувшейся, как колокол.

Обхватив руками колени, Максим прошелся в самой низкой присядке, когда кажется — вот сейчас человек опрокинется навзничь. В присядке — и все же выбивая чечетку!

Девчата заволновались, что-то шепнули гармонисту. Тот переменял наигрыш. И Женька сразу откаблучила такую тонкую и бисерную дробь, словно простучала ее карандашом по стеклу.

С притопом двинулся Максим, отщелкивая у себя за спиной и под коленями новый ритм пляски. Его это несколько не сбило. Трясаясь от волнения, ему подсказывал Михаил: «Солнышко! Сделай солнышко!».

А девчата тонкими голосами кричали Женьке: «Гребеночку!» И кто-то бросил ей прямо к ногам гнутую роговую гребенку. Женька к ней повернулась спиной, лихо запрокинула голову и заходила, заплясала, то чуть откидывая гребенку в сторону легким толчком каблука, то перескакивая через нее — и все не глядя в пол, точно гребенка была живая и сама подсказывала Женьке, куда ступить ногой.

Максим, дождавшись очереди, прямо выпрыгнул в круг, сделав «солнышко» на руках, один раз, другой и третий. Он плясал теперь, то и дело касаясь ладонями пола, почти не выпрямляясь во весь рост, но непостижимым образом раскидывая удивительно широкий шаг.

Леонтий Цуриков восхищенно басил: «Это, родные мои, прямо из ансамбля. Солист!» А девчата занозисто отзывались ему: «Ну и пожалуйста, Евгения — из балета!»

Максим с Женькой между тем оба покраснели так, будто пилили толстую листовницу. Гоша-гармонист уже, как карась на сухом берегу, ртом глотал воздух и разводил меха гармони не только руками, но как-то и подталкивая их ногой. А пляска все продолжалась, и трудно было предсказать, за кем останется победа.

Казалось, все же счастье скорее улыбнется Максиму. Но тут в красный уголок, раздвигая девчат, столпившихся у двери, вошли Баженова, Цагеридзе и Феня. И сразу как-то все качнулось, смешалось, гармонист, измученный, рванул в последний раз меха и отпустил их, дрожащей рукой поправляя мокрые волосы: «Баста!» А Женька Ребезова, внутренне радуясь, а вслух сердито фыркая, пошла искать местечко, где можно было бы присесть.

— Да я этого парнишечку...

* * *

Феня после болезни появилась на вечеринке первый раз. Ее прямо-таки силой утащил Цагеридзе. Больной она себя не считала ни единой минуты. Были жар, лихорадка — подумаешь! А вот лицо разбарабанило, это — да. Стыдно на люди показаться, не лицо — морда.

Десяток рук тянулся к Фене, десятки глаз смотрели на нее, и от этого делалось страшно неловко. Правда, все здесь свои, все прибегали ее навещать, хотя она и ворчала: «Чего? Слона не видели?»

Вот Саша Перевалов. Улыбается. Хороший парень. Первый пришел попроведать, жалеть не стал, а просто рассказал, посоветовал, как держать себя на морозе потом. Вот Лида к ней пробивается, Сашина грусть, а для Лиды парень никто, просто — Перевалов. Леонтий Цуриков гудит из-за спины: «Фина Павловна, здравствуйте!» Стеснительно поглядывает Максим и все поправляет, растягивает воротник — задала человеку хорошую баню Женька Ребезова. Максим тоже славный парень. Несколько раз заходил к ним, докладывал: «А мы с Мишкой уже сюда, на Читаут переехали». Но «Мишка» этот, между прочим, не показывался.

И Феня вдруг поймала себя на мысли, что никого другого, а именно Михаила ей хочется сейчас увидеть, что, может быть, именно ради него она и поддалась настойчивости Цагеридзе — пошла сюда. Девушка повернула голову вправо, влево. И вдруг глаза их встретились. Она не очень хорошо запомнила Михаила. Тогда, в домике на Ингуте, было полутемно, да и злость туманила зрение, а в лесу закоченевшая Феня и вовсе уже не видела ничего, кроме бесконечных сугробов снега. Теперь она спрашивала себя: «Этот, что ли, Мишка и есть?» А отвечал ей взгляд Михаила, прямой, в упор, презрительный и слегка насмешливый: «Да, конечно, я самый». Но к Фене Михаил не подошел. Заговорил с Павлом Болотниковым о том, как здорово Макся подсек занозу Женьку Ребезову.

Вниманием Фени в свою очередь завладела Лида, и тоже рассказом о том, как превосходно плясал Максим. Феня слушала, но уголком глаза все время следила за Михаилом, ей казалось, что он, разговаривая

с Павлом, беспрестанно бросает быстрые взгляды в ее сторону. И от этого делалось как-то радостно и тревожно. Он очень сильный, наверно. И решительный. Да и красивый вообще-то...

— Ты не слушаешь? — обиделась Лида.

— Почему? Нет, я слушаю, — сказала Феня. — Ты говоришь, он заносчивый?

— Кто?

Из-за плеча у Фени высунулся Максим, и Лида страшно сконфузилась, покраснела. Она сейчас чуть-чуть не отчитала подругу резко и громко за то, что та совсем не вслушивалась в ее рассказ о таком парне... А он — ведь надо же! — стоял где-то рядом. Вот было бы! Лида сразу точно растаяла, исчезла в кругу девчат.

— Добрый вечер, Фенечка, — сказал Максим. — К вам тут никак и не проберешься. Как ваше здоровье? Хорошее? Замечательно! Вон там в «ремешки» играть собираются. Пойдемте?

— Не люблю в «ремешки», — сказала Феня. — Парни больно дерутся.

— А я не дам, — горячо сказал Максим.

Он чувствовал себя героем, был убежден, не помешай ему Цагеридзе — и он заставил бы Женьку Ребезову признаться: все, не могу больше, выдохлась. Ну, ничего, если этого она сейчас не сказала — скажет в другой раз. Теперь он знает свою силу. Максим видел, как сразу внимательнее стали к нему все девчата. Да и парни очень уважительно заговорили: «Молодец!» Вон чем, ногами, оказывается, легче всего славу себе заработать.

— Не дам, — повторил Максим и утащил Фению на круг, где Виктор Мурашев уже расхаживал, помахивая широким кожаным ремнем и приглядываясь к девушкам: какой бы из них врезать покрепче.

Максим добросовестно выполнял свое обещание. Насколько это возможно в такой игре, как «ремешки», он старался быть поближе к Фене и даже один раз, когда удар был явно предназначен ей, сумел очень ловко подставить свою спину. Впрочем, девушку все берегли. Или не трогали вовсе, или только слегка касались ремнем. Она, как и Максим, тоже была героем вечера. Но если Максиму это льстило, то Феня, наоборот, сердилась на такое большое внимание. Ну почему? С какой стати? Что она по глупости своей замерзла в лесу да недомерзла? Или что все лицо у нее до сих пор еще в красных пятнах? Не надо ее жалеть! Не хочет она. Ей это просто неприятно.

Михаил, когда черед «голить» выпадал ему, пробегал мимо, словно бы вовсе не замечая Фени. Он все время охотился только за Женькой Ребезовой. И без успеха. Девушка всякий раз с невероятной быстротой увертывалась от занесенного над нею ремня. Но самому Михаилу однажды вцепилась так, что он аж застонал от боли, а все играющие дружно захохотали.

Настроение у Михаила испортилось совершенно. И хотя сюда вообще-то он пришел по доброй своей воле, покуражившись дома только для виду, теперь он злился на Максима уже всерьез: и за то, что Максим позвал его на этот дурацкий вечер; и за то, что Максим выскочил вместо него, ответил на Женькин вызов, когда Михаил и сам уже готов был это сделать; и за то, что Максим все время вертится возле Фени; и за то, что «Федосья» первая не подошла к нему, будто и не он тащил ее на своем горбу по черной, морозной тайге; и за то, наконец, что Женька Ребезова оказалась в беге по кругу куда проворнее, чем он сам.

А игра между тем продолжалась, азарт все нарастал, и беззабот-

ный смех уже все чаще обрывался жалобными девичьими вскриками, особенно когда по кругу с ремнем в руке носился Виктор Мурашев.

— Жестокая забава, товарищ председатель месткома, — сказал Цагеридзе Баженовой. — Сейчас это больше походит на джигитовку с рубкой лозы. Я не уверен, что только лишь танцы да танцы и есть самое лучшее, но во время танцев все же не плачут. Почему в месткоме не подумают, каким образом можно бы интереснее проводить вечера?

— А это, по-видимому, не намного легче, чем начальнику рейда придумать, как нам спасти замороженный лес, — не поворачивая к нему головы, отозвалась Баженова.

— Ага! — сказал Цагеридзе. — Понимаю. Джигитовка с рубкой лозы перебросилась и сюда. Я уже не могу быть джигитом, но не хочу быть и лозой. Даже под вашей саблей.

Он захлопал в ладоши, что означало — пора кончать игру в «ремешки», надоело. И сразу девчата его поддержали, захлопали дружно и горячо.

— Танцы! Танцы! — выкрикнула Лида. — Гоша, давай! Отдохнул! Танго!

— К свиньям! — перебил ее Павел Болотников. — Гошка, снова жги «Иркутянку». Ребезова с Максимом не доплясали.

— Нет, если можно, — сказал Цагеридзе и встал, — если можно, я прошу сперва сыграть вальс. Любой, какой хотите. Танго я танцевать не умею, «Иркутянку» тоже, а стоять столбом у стены очень тяжело.

Ему по-юношески хотелось войти, влиться в общее веселье, войти не зрителем, не наблюдающим, а ловким, озороватым заводилой. И еще: хотелось проверить как следует свой новый протез, к которому он все же привык постепенно. Настолько привык, что в последние дни перестал брать с собой даже палку. Костыль он вообще вынес в сени: «Пусть стоит здесь. И только на случай, если сломаю здоровую ногу».

Гоша несколько раз пробежался по клавишам, пробуя то одно, то другое, и наконец тихо, медленно заиграл «Амурские волны». Цагеридзе вышел на середину, постоял в недоумении и протянул руки вперед.

— Почему оказался я первым? И вообще совершенно один? Разве вальс — это плохо?

Он помолчал, выжидая. Все как-то переминались.

— Могу я выбрать девушку? — заговорил он снова. — Или меня девушки выберут сами?

В эти слова, сказанные легко и шутливо, он хотел вложить самый простой, безобидный смысл: «Я не знаю, гожусь ли я в кавалеры?» Но девушки этого не поняли. Для них слова Цагеридзе прозвучали грубее: «Кто хочет покружиться с хромым начальником?» И Цагеридзе стоял один посредине, Гоша прилежно играл «Амурские волны», а девушки перешептывались и словно бы отодвигались к стене все дальше и дальше. Прошла тяжелая минута. Другая...

— Очень точный ответ, — сказал Цагеридзе, поворачиваясь, чтобы уйти. — Я всегда преувеличиваю свои возможности.

И было это на грани между его обычной шутливостью и живой человеческой обидой.

Возле Цагеридзе вдруг оказалась Баженова. Молча положила руку ему на плечо, и они закружились. Сразу составились многочисленные пары, зашаркали по некрашеному полу ногами. Стало тесно. Цагеридзе на своем протезе все время запинался, сбивался с такта, морщась от внезапно возникающей боли в ноге, налетал спиной на соседние пары и не столько вел Баженову, сколько сам опирался на нее. Так он

сделал пять-шесть кругов и остановился. Баженова на него смотрела встревоженно.

— Спасибо, Мария, — сказал Цагеридзе. — Оказывается, я совсем не Мересьев. О вас я тоже кое-что узнал дополнительно. Еще раз большое спасибо. Веселитесь. А мне правильнее будет пойти домой.

— Нога? Ну зачем вы так? — с тихим укором спросила Баженова. — Может быть, вас проводить?

— Если бы вы не сказали «проводить», я бы ответил: «нога». Но теперь я говорю: докладная записка. Не провожайте.

Он сжал Баженовой руку чуть выше кисти и, среди танцующих, стал незаметно продвигаться к выходу.

* * *

Правда заключалась в том, что нога действительно не очень-то была послушной. Цагеридзе казалось, что вот-вот он зацепится за какую-нибудь неровность пола и смешно повалится вместе с Баженовой. Да и побольнее это было, чем простая, обыкновенная ходьба. Вторую правду он тоже назвал. Незаконченная и не отправленная в трест докладная записка не давала Цагеридзе покоя, и, главным образом, потому, что он не знал, как ее закончить. А не в его характере было отдаваться на волю времени. Третью правду Цагеридзе спрятал в словах «не провожайте», которые казались вроде бы и совершенно ясными — «я чувствую себя великолепно и дойду сам», а на деле таили иное: «не нужно, Мария, чтобы о вас лишнее говорили». И эта, третья, правда, была, пожалуй, самой главной, заставившей Цагеридзе одного, и потихоньку, оставить красный уголок.

В коридоре он натолкнулся на Василия Петровича. Бухгалтер стоял, как всегда, с папиросой, прилепленной к нижней, отвисшей губе. Засунув руки в карманы, он дымил, не вынимая папиросу изо рта. Его отношения с начальником рейда оставались по-прежнему неопределенными. Точнее, они были неопределенными с обеих сторон. Оба присматривались, оба не любили друг друга, а почему — с полной отчетливостью не смогли бы сказать. Может быть, Василию Петровичу просто не нравилась молодость Цагеридзе и то, что с его приездом бухгалтер снова становился лишь вторым «главным лицом». И хотя при Лопатине существовала эта же должностная лесенка — годами своими Лопатин больше подходил для старшего. А есть все же разница в том, кто отдает распоряжения: ровесник ровеснику или мальчишка старику. Может быть, Василию Петровичу не нравилось в Цагеридзе еще и настойчивое, фанатичное желание обязательно что-то выдумать с этим замороженным лесом, который там, «наверху», по существу уже и забыт. Начальнику рейда Василий Петрович не нравился прежде всего как человек. Тяжелый, не очень опрятный и с неизменным оттенком цинизма во всех своих суждениях.

— Василий Петрович, вы подготовили мне справку о фактических потерях древесины на сплаве за последние десять лет? — спросил Цагеридзе.

Бухгалтер пожал плечами, не вынимая рук из карманов, некрасиво выгнулся животом вперед.

— А для какой холеры? Лето без дождей, сплав без потерь не бывает.

— Но я вас еще утром просил подготовить такую справку. Она мне нужна для докладной записки. Справка не о летних дождях, а о

бревнах, не доставленных нами потребителям. Я знаю, вас не тревожит судьба замороженного леса. А меня все время тревожит.

— Принести? Куда?

— Принесите. Я подожду у себя в кабинете.

Он не собирался оставаться здесь, но теперь приходилось менять свое решение. Цагеридзе вошел в кабинет. Сквозь неплотно прикрытую дверь шум из красного уголка, дробный топот ног доносился и сюда. Цагеридзе это сейчас не мешало. Под веселую музыку в голову приходили и веселые мысли. Замороженный Миллион, словно какое-то сказочное диво, улыбался всеми своими шестью нулями. А Василий Петрович при этом казался той значащей цифрой впереди, без которой и шесть нулей не составили бы миллиона.

Но гармонь вдруг заиграла, запела какое-то грустное и тревожащее «раздумье», и с Цагеридзе постепенно слетела полуребяческая беззаботность.

Ему вспомнился разговор в Покукуйской больнице с парторгом рейда Косовановым. Недели полторы тому назад Цагеридзе съездил навестить его, справиться о здоровье и, в первую очередь, познакомиться с ним. Ехал он в той же кошеве, и тот же Павлик кучерил, помахивал вместо кнута хворостиной, пел «Жгутся морозы, вьется пурга», но Цагеридзе дорога до Покукуя показалась уже вдвое короче, а мороз совершенно не «жегся» и только лишь приятно пощипывал щеки.

Парторг лежал в четырехкочной палате один. «Больница не выполняет плана», — шутя сказал Косованов где-то в самом начале их разговора. И этой шутливостью сразу расположил к себе Цагеридзе. Они тут же договорились, что будут на «ты», хотя Косованову было уже за полсотни. В прошлом кадровый лесоруб и мастер лесозаготовительного участка, он на рейде работал механиком.

«Когда отсюда я выпишусь, и не знаю, — на вопрос Цагеридзе об этом сказал Косованов. — Скоро не обещают. Это, оказывается, такая штука, инфаркт, — сразу не помер, потом долго не помрешь. Разве только от скуки, потому что главное лечение — лежать и лежать. Спасибо, хоть читать сейчас разрешили. Строго по норме. Но здесь я втихаря переделываю. И знаешь, сколько ни читаю романов, вижу, что жил я неправильно. Парторг, а не конфликтовал, не дрался с директором. Давай, друже, готовься теперь к борьбе со мной. Ты есть каков? Косный? Деляга? От масс оторвавшийся?»

«А я вообще ничего еще не умею: ни руководить, ни конфликтовать, — и Цагеридзе коротко рассказал Косованову о себе. — Но если с кем все же крепко я и столкнусь, так, кажется, скорее всего с бухгалтером нашим».

«С Василием Петровичем! — удивился Косованов. — Ну, никак не подумал бы. Хотя, конечно, к нему привыкнуть надо, понять его. Тоже, вот тебе жизнь человека. Из самых бесхлебных бедняков. Был совершенно неграмотным. Во времена колчаковщины командовал партизанским отрядом. Простреленный насквозь и так и этак. Черт знает, какие рискованные штуки выкидывал. Прогнали Колчака, пошел на хозяйственное выдвижение. Ликбез — вся его грамота. А посты занимал. Не очень высокие, но все же посты. Управлял, распоряжался. Даже одно время в районе банком заведовал. На курсы бы поехать — нет, прилип к семье, к дому. Тогда и посты ему давать не стали. Учись. Не могу, не хочу. Спустился ярусом ниже, в мелкие хозяйственники, потом и просто в кладовщики. Да вот, самоучкой, постепенно, лет за двадцать в бухгалтера вышел. Пишет с ошибками, а считает правильно».

В тресте его работой довольны. Нет поводов менять, человек заслуженный, свой. А образ мышления, манера говорить, ну что же — теперь уже не придашь ни гладкости, ни тонкости, ни красоты. Об уходе на пенсию слышать не хочет — самое это тяжкое для него оскорбление. Да и я вот думаю со страхом: неужели меня до пенсионного возраста вторым инфарктом не скосит, и будут мне намекать — пора на отдых, Косованов? Нет, ты к Василию Петровичу приглядишься получше».

Вошла дежурная сестра и заявила, что свидание пора прекращать, больному нельзя утомляться. Косованов подал руку Цагеридзе.

«Прощай! Часто не ездил. Уход за мной хороший. А лес, это точно, пропал — Василий Петрович правильно говорит. Цена за него и так большая заплачена: Лопатин в яму, а я сюда».

Вот такой был разговор. Странно: и Косованов, и Баженова защищают этого человека. «Заслуженный», «свой»... Конечно, «свой», привычный, словно камень на дороге, иной и двадцать лет лежит, как будто не мешает, а убери его — и сразу станет ясно: давно бы следовало это сделать.

Из красного уголка теперь доносился беспорядочный топот ног и девичий визг. Опять, наверно, играют в эти жестокие «ремешки». Для девчат больше страха, чем удовольствия. Но молодежи нужно двигаться, озоровать. Он, Цагеридзе, и сам готов вскочить и снова пойти туда.

Визг прекратился, вздохнула гармонь, и сразу прорезался звонкий голос Ребезовой:

Лед растает, не растает,
Но не высохнет вода.
Без начальства было плохо,
И с начальником беда.

Ах, негодяйка! Откуда только она узнала о его фантазии растопить лед в Читауте? Ладно! Пусть себе издевается, веселится на его счет. Но неужели он должен будет сегодня закончить свою докладную записку все же такими безрадостными выводами: «Отстой леса не обещает благополучного исхода. Пробная выколка и вывозка на берег показала, что затраты по спасению леса почти в три раза превысят его стоимость. Поэтому я нахожу единственно целесообразным всех рабочих, свободных от подготовительных работ к новому сплаву, переключить полностью на жилищное строительство».

* * *

Бухгалтер принес справку. В течение последних десяти лет ни одного года без потерь на сплаве не было. Сто двадцать две тысячи, семьдесят восемь тысяч, сто пять тысяч и так далее, и так далее. Этот год рекордный, сулит, оказывается, даже не миллион, а почти два миллиона. В тресте неверно определяли ассортимент замороженного леса. Конечно, в бюджете всего народного хозяйства один или даже два миллиона — величина сравнительно небольшая, но и Читаутский рейд тоже ведь не гигант. Что будет, если все предприятия станут работать подобно Читаутскому рейду!

— Василий Петрович, вы как считаете: мороз сильнее человека?

— Глядя какого. Феньку вон не одолел. А Лопатина одолел.

— Мы пробовали выкалывать лес и вывозить его на берег. В объезд, на лошадях. А если прямо против запани обстроить берег по-

катными сооружениями и потом на тросах трактором выкатывать бревна?

Бухгалтер весело шлепнул толстой нижней губой.

— Пробуй. Деньги на жилстроительство есть. Отчитаться так: строен двадцатипятиэтажный дом да опосля опрокинулся, завалился в реку. Графа та же: стихийное бедствие. И по времени. Как раз к ледоходу обстроим берег. Хитрей теленка: выкалывать лес не надо. Бревна сами оттают... где-нибудь в окиане.

Цагеридзе закрыл лицо руками. Вот привыкни к такому, вникни в него, как советовал Косованов. «Василий Петрович очень честный человек», — говорила Баженова. Честный — честный, но разве назывешь это честностью, когда человек лишь только не вор и не жулик, но совершенно равнодушен к тому, что у него на глазах гибнет народных богатств два миллиона! Нет, нет, понятие честности много шире. Есть честность пассивная. Человек живет и держит себя строго в рамках закона, все делает точно, как предписано правилами, не переступает границ и норм установившейся общественной морали. И есть честность активная. Она сама для себя добровольно поднимает эти нормы и создает новые нравственные законы, суть которых — человек готов делать не только то, что он обязан сделать. Он готов отдать всего себя, если это нужно, если это полезно обществу, народу. Что же, под эту категорию, что ли подходит «честный» Василий Петрович? Цагеридзе медленно отнял руки от лица.

— Моя бабушка, — сказал он, — в молодости часто брала мотыгу и заступ и уходила копать землю под стенами старых башен. Бабушка надеялась найти клад. Ей очень хотелось стать богатой, княгиней быть. Ах, хорошо найти мешок с золотом! Что сделали бы мы с вами, Василий Петрович, если бы нашли?

— Загадка? — спросил Василий Петрович. — Кросворт? Про самого себя? Или про другого?

— Вообще, — сказал Цагеридзе.

Бухгалтер неторопливо вытащил из кармана брюк помятую пачку «Беломора», щелкнул в донышко ногтем так, что из пачки, кувыркаясь в воздухе, вылетела одна папироска. Он поймал ее, дунул в мундштук, толчком всунул в рот и покатал на нижней губе, не закуривая.

— Загадки люблю, — сказал он. — Два кольца, два конца, а посерединке гвоздик.

Уселся на диван, закинув ногу на ногу, повертел носком широкого, подшитого валенка, потянул за голенище, вверху разлохматившееся от долгой носки.

— До весны, сволочи, не додюжат, — объяснил он. Еще покатал на губе папиросу, стал искать спички. — На реке Енисей, в верховьях, в самых Саянах, над Моинским порогом в скалу белый крест вбит. Свежий. Кому — крест? Тоже кросворт. Загадка.

— Не понимаю.

— Глушь, тайга похлеще нашей. До села Означенного без души живой, не помню, около ста, однако. Километров. А над порогом всего дом один. Лесников. Имей: крест в скалу вбит. Не в землю. Не кладбищенский. Но по всей форме, мастером сработанный. Без рубанка топором. Вот загадка, кросворт: кому — крест?

Цагеридзе смотрел по-прежнему непонимающе.

— Не умею разгадывать такие кроссворды. Объясните.

Василий Петрович закурил, набрал в легкие дыму, все прихватывая,

и прихватывая, а потом, в один шумный выдох, выпустил его весь. Закашлялся, замахал руками.

— Послушай тогда... кха, кха... Начало — до войны. Госграница с Танну-Тувой... кха, кха... сечет Енисей как раз поперек. По самому Саяну. Но куды выше Моин — порога, где крест. В Танну-Туву, по договору, наши золото разрабатывали. Государственный договор. Лесник у порога Моинского живет. С бабой-красой. Никого более. Не служба — курорт. От кого лес охранять? Рубить некому. А пожары все одно не погасишь. Даже с бабой-красой. Но должность установлена, получай деньгк. Вообще, ерунду. Главный жир — зверя и рыбы пропасть. Бей, лови, продавай в Означенном. Подле дома огород. Своя картошка, всякая овощь. Купить — только пороху, муки, да себе на портки и бабе-красе на юбку. Определили интерес человеческий? Капитал, мильен не наживешь. Только пожрать вдоволь. Охота, огород — тоже труд. И тяжелый. А руки не чужие, свои. Как считать — пролетарий? Или капиталист? Но возьми клещи, оторви леснику голову, а из тайги этой не вытащишь. Все равно, и бабу-красу.

Цагеридзе слушал теперь уже с любопытством. Он любил всяческие необычные истории, побывальщины. То, что рассказывал Василий Петрович, обещало быть необычным. И Цагеридзе даже забыл, с чего, на какой его же вопрос отвечая, начал разгадывать свой «кросворт» Василий Петрович. А бухгалтер сидел, с влажным причмокиванием потягивал папиросный дым и рассказывал, упорно ведя туго развивающуюся мысль к какой-то, известной пока только ему, одной цели.

— С Большим порогом Моинский никак не равнение. Ежели по волне. Но камень в Моинах ужасный. Высокий, острый. Прямого хода нету. Это теперь там подорвали. Водят и пароходы. Даже в самый Кызыл. Тогда ничем, плотами только пользовались. Лоцманов знающих три на все верховья — академики! Изба лесникова над порогом. — Василий Петрович поплевал на папиросу, отшвырнул ее в угол, к шкафу. — Плот из Танну-Туву пустили. Государственный плот. С песком золотым. — И грубо, смачно хохотнул: — Вот вроде нашего лесу, тоже на мильен. Только в чистом золотом счете. Смекаешь, какая денежная сила? Ушито в кожаный мешок, зашнуровано. Пломба свинцовая, печать сергучная. Четыре охранника на плоту. Сверх лоцмана. Пистолеты, винтовки, гранаты-лимонки. У Означенного автомобиль дежурит, ждет. Также с винтовками, гранатами. Мильен! Вырежется плот из тайги — золото сразу в машину. Далее, куда следует. Телсграф из Танну-Туву отбивает: «Такого-то дня, столько-то часов, плот из такого-то пункта отправился». И все! Более связи нету. Тайга. Глядеть за плотом некому. Стой в Означенном на берегу и жди, согласно расчету времени. И вот тебе драма: истек расчет времени, плота нету.

— Понимаю, — сказал Цагеридзе, — плот разбился в Моинском пороге.

— Разбился. Но — как? Сутки, двои сверх время прождали. Уже и розыск готов. Вдруг — лоцман. Сплыл на салике, два бревна. Еле жив, связать слова не может. К нему: где золото? Утопло. Где люди? Утопли. Ты как жив? Чудом. Вот, начальник, драма. Ты бы как? •

— Н-не знаю, — сказал Цагеридзе. — А лоцман что -- раненый?

— Лоцмана сразу в кружку. Черта ли в его ранах! Где мильен? Подай золото! Это ведь на дураков: все утопли и золото утопло — один только он жив. На холеру ему самому тогда было спасаться. Через неделю одного охранника выловили. Труп. Голова пробита. Чем? Лоцман: «О камень в пороге». Врачи: «Скорей, обухом». Сообрази: утоплен не

собачий хвост — мильен золотом. Как без подозрений? Закон: в тюрьму обязательно. Доказывай — не верблюд. Своим чередом розыски, экспедиции. Не ограбил лоцман, случилась, поверить, беда в пороге — золото тяжесть же! Не листок березовый, водой не снесет далеко. Тем более, мешок. Ко дну сразу прижмет. Привезли на место лоцмана. Под свечками. Вопрос ему: «Где?» Показывает точно. А ну-ка, сунься в пороге на дно! Черта смеет! Давай кошками драть дно, железные сети закидывать. Сказать, идиетство! На стальном канате водолаза спустили. Куды! Тот же миг убило. Вихрь, ураган водяной! Притом еще муть, видимости никакой, полая вода не скатилась. Лесникова изба над порогом. Мысль прокурора: «Мог быть тут сговор с лоцманом?» Обязательно! Проверка. Не получается. Оба с бабой-красой еще за день до плота были в Означенном. Двадцать человек видели. Вот, начальник, счастье! А? Гнить бы им тоже в тюрьме. Как докажешь? Мильен!

— Да, это счастье, — сказал Цагеридзе, — а золото, что же, так и не нашли?

— Два месяца драли дно енисейское. Дери хоть два года. Лоцману суд, в лагеря. Грабеж не доказан. Просто за гибель охраны, людей. И тоже — золота. «Академик» не сумел доставить, спасал себя. На двадцать лет. Строгий режим. Как — правильно?

— Мне трудно ответить, — сказал Цагеридзе, — я не отвечу. Мне кажется, вы тут какую-то загадку загадываете.

Василий Петрович хрипло засмеялся, потер кулаками отекающие, припухшие веки, стал закуривать новую папиросу.

— Крессворт! — проговорил он с удовольствием. — Понятно, ответ дальше. Золотой мильен казне не легко забыть. Достоянье республики. Мысль такая: в воде золото — поиск зимой повторить. Через лед. Сечь проруби сподряд и просматривать. Извести хоть сто тысяч, а мильен выручить. Другая мысль: на берегу, в земле лоцманом золото спрятано — оно себя тоже покажет. Без сообщников прятать не станет, не дурак, знает — сидеть в тюрьме. Гепеу, чекисты в работу. Потайной надзор всюду, где золото это самое может явиться. Даже в Означенном фельдшер — от чека, гепеушник. Месяц за месяцем нигде, ничего, ни тинь-тилилин. А в конец зимы — слушай! — приходит к нему лесникова баба-краса. Енисей между тем и над, и под, и в пороге самом весь иссечен прорубями. Каждый вершок дна ошупан. Пусто! Деньги влупили в проруби зря. Отступились, бросили. А баба-краса к фельдшеру с женской болезнью. Он поглядел, говорит: «Излечимо. Только в лекарство, в мазь надо золото растворить». Смекаешь? Ход чекистский. Ну, баба засияла, рвет из ушей серьги золотые, подарок свадебный. Ради здоровья ничего не жалко. А фельдшер: «Нет. В серьгах сплав. Надо лишь самородное, песочек обязательно. Самый пустячок». Баба: где взять? Захочешь — достанешь! Охала, охала, а верно — через неделю снова в Означенном. Достала все же, шепот самую малую. Фельдшер ей мазь сготовил: «Поправляйся, краса!» А на восьмой день — раз! — лесника с бабой в кружку. Как так? Анализ на химию сделан. Знай: золото разную примесь шлиха имеет. Каждая партия в книгу добычи записана. Золото бабы-красы с утопленным точно совпало. Куды денешься? Прижали в гепеу лесника — открылся. Дело так. Поздней осенью рыбу лучил, с острогой. Заплыл в тихое улово, десять верст ниже порога, где никто не искал, глянь — у камня, на дне мешок кожаный. Клад! Не твой, ледяной. С бревном от плота, должно, туда его подтащило. Баба-краса на корме с веслом, не видит. Промолчал ей лесник. В другую ночь один сплавал, вытащил. Спрятал в мох, пони-

мал — мало не будет. Вопрос — зачем спрятал? Куда бы он с милье-ном в золоте? И вот тебе баланс. Дебет: десять крупниц бабе-красе на мазь, и то обманную, не лечебную. Кредит: тюрьма самому, без заче-тов — двадцать лет.

— Двадцать лет! — покрутил головой Цагеридзе. — Женщине тоже? Ах, это золото! Но лоцмана-то оправдали?

— Двадцать лет — норма. А как? Мильен же! Бабу-красу не поса-дили. Не способничала. В тайке от нее лесник занимался золотом. А лоцман к тому времени загнулся уже. В лагере.

Василий Петрович пересел поудобнее, растянул посвободнее вяза-ный шарф на шее. И вторая докуренная папироса, смятая, сдавлен-ная в комок, полетела за шкаф. В красном уголке опять визжали девча-та, стучали подкованные сапоги парней. Цагеридзе глянул на часы.

— Да-а, история...

— Черт, могут! — бухгалтер завистливо покосился в сторону красного уголка. — Хоть до утра. Как со скипидару. Куды он пропада-ет, свой скипидар? А бывало — и сам тоже так. Ты как понял — конец? А этим только на твой кросворт не ответишь.

— Никаких кроссвордов я вам не загадывал и никаких ответов от вас я не жду, — сказал Цагеридзе. — Но я с очень большим удоволь-ствием слушал вас. Люблю замысловатые истории. Если это еще не ко-нец, пожалуйста, — что дальше?

Василий Петрович прищурился, еще пошире растянул свой вяза-ный шарф. Потянулся рукой в карман, за папиросами.

— Не ждешь ответа... Зачем тогда спрашивать? Жди. Ответ будет. А далее так. Идет война. Лесник за проволокой колючей, за стальны-ми решетками. Последний сукин сын — грабитель государства. Куда хуже? На мильен покусился! А людей, тоже мильены, между тем на войне головы свои кладут. Собери всю кровь в одно — другой Енисей выйдет. Брат лесников убит. Брат бабы-красы тоже. В ближней, даль-ней родне, серед всех знакомых половину мужиков война выкосила. Дру-гие, кто жив, — в орденах, в медалях. Сопоставь. И лесник сопоставляет. Тут мир, Берлин взят, радость общая. Лесник тоже празднует. За ре-шеткой. Сукиным сыном празднует. Указ: амнистия. Кому гибель, а ему удачу война принесла. Понимает и это. Но куды из тюрьмы? К дому! На его должности баба-краса. Не работа — должность. И ей не зарпла-та, главный жир — зверь и рыба. Все, как было. Только теперь он к бабе-красе в иждивенцы. Приняла. Хотя — грабитель государства. И еще на совести лоцманова смерть. Еще — всех братьев. сватьев своих, которые за Родину головы клали, пока он не под пулями грех свой от-рабатывал. Но, ладно, вернуться — вернулся. Рыбу ловит, капусту сажает. Год проходит, второй. А у бабы-красы радости нету. Не в нее, в себя глядит мужик.

— Как — «в себя»? А! — сказал Цагеридзе.

— Зима перехватила дороги, — не останавливаясь, продолжил свой рассказ бухгалтер, — на Означенное, кроме на лыжах, не выбе-жишь. Белым снегом все устелило. Уходит утром лесник, ружье на пле-че, топор за поясом. Надежда: сохатого завалить. Дело привычное. День весь кончился — нету. Ночь опустилась. Нету. Баба-краса с крыльца в воздух палит: заблудился мужик — услышит. Нету. И до утра нету. Где? Холера знает, может, и медведь задрал. В Саянах их пропасть. Светает. Баба-краса на лыжи, по следу. В снегу, как напеча-тан, никем не пережден. След впрямую к Моинскому порогу. На берегу лиственница срубленная, щепки чистенькие. Обтесанный ствол унесен.

Баба дальше. Скала в самый порог выдалась. Наверху скалы свежий крест стоит, в трещину накрепко вбит, раскреплен клиньями. Все по-хозяйски. Крест чисто сделанный, под шатровой накладкой. От дождей. Со скалы след кружит к реке. Баба дальше. По льду. Прорубь. Морозом уже остеклило ее. Следы только до проруби. Ружье лежит, топорик заиндевел...

Василий Петрович грубо выругался, вскочил на ноги. Щелчком выбил из пачки папиросу, вздрагивающей рукой поймал ее на лету. Посмотрел на Цагеридзе угрюмо и тяжело.

— Подходит для кросворта? Кто поставил крест — ясно. А кому?

— То есть, как — кому? — спросил Цагеридзе, несколько недоумевая, отчего так и вдруг переменялся Василий Петрович, стал какой-то особенно колючий и жесткий. — Может быть, я не понял, хотя слушал очень внимательно. Лесник поставил крест сам себе.

Бухгалтер медленно поднял палец кверху. Палец толстый, заскорузлый и кривой.

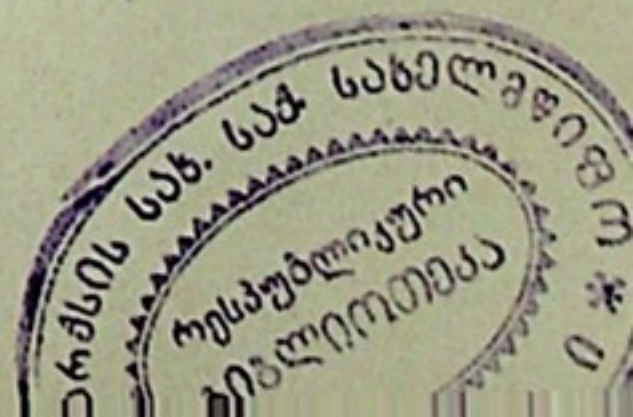
— Богов у лесника в доме не было. Неверующий. Это учти. Крест на земле — смерть, крест на скале — гибель. Вот что хотел он обозначить. В сторону — чего он думал, когда не на бабу-красу свою, а в себя глядел. В сторону — какая сила его потянула прорубь в реке просечь: тоска по золоту или стыд перед людьми, перед Родиной. Конец его правильный. Сюда гляди, вникай. Он мильен этот не из банка украл, он из реки поднял его. Век бы там не нашли. Как этого сокровища — «Черного прынца», что ли. А конец мужику законный, гибельный. И не от посторонней руки. Разложил судьбу свою направо, налево. Жить бы мог. А он — в прорубь. Ты мне вопрос. Я тебе ответ. Кроссворт твой был обо мне. Не дурак я. Вот так, начальник. Ну, что? Пошли искать золото? Ты спрашивал: куды мы денем его?

Возле порога оглянулся на Цагеридзе, левой рукой подергал шарф за концы, чтобы он плотнее прилег к шее, правой рукой пощупал дверную скобу.

— У тебя нога, у меня четыре сквозных, навывлет. Враг не горохом кидается, — сказал, рубя слова. — А крест себе в скале я ставить не стану. Не дойду.

И вышел, ударив дверью.

Взгляд Цагеридзе упал на справку, принесенную бухгалтером. Какие мысли в докладной он собирается развить, опираясь на эту справку? Что ежегодный «утоп» древесины явление нетерпимое? Но это все равно, что написать — Волга впадает в Каспийское море. Докладная записка должна быть вовсе о другом, о том, каким образом он, инженер Цагеридзе, предполагает... Что предполагает? Ничего он не предполагает! И ничего он не может, совершенно ничего не может. Бухгалтер, второе «главное лицо», великолепно это понял. Он оскорбился тем, что его заставили составить совершенно не нужную сейчас для дела справку. Он разгадал и «кроссворт» о золоте. И тоже оскорбился: «Пошли, начальник, искать золото... Крест себе в скале я ставить не стану...» Присказка была длинная, зато суть в ней достаточно ясная: «Думаешь, начальник, я подлец — возьму золото, оберу свое государство. Я-то не возьму, я берегу его. Это ты возьмешь. Ты расточить государственное золото хочешь, готов миллионы на ветер пустить ради глупой идеи — спасти невозможное». Да-а... Вот и столкнулись два понимания честности: сделать большее, чем ты обязан, и делать только то, что разумно. Косованов посмеялся над какой-то «роковой обязательностью» конфликта директора с парторгом. О неизбежных столкно-

67005

вениях между директором и бухгалтером Цагеридзе тоже слышал не раз. Что это, все его разговоры с Василием Петровичем — уже такой конфликт и есть?

И ему, Цагеридзе, нужно будет отныне вызывать Василия Петровича, хмуря брови? Спорить с ним, стуча кулаком по столу, приказывать жестко и безоговорочно, писать какие-то повторные резолюции. Что это было сегодня, «кросворт» этот: туманно поговорили о деле два должностных «главных» лица, или открыто враждебно столкнулись два дьявольски разных характера?

Цагеридзе скатал бумаги в трубку, засунул в карман пальто и вышел, с удовольствием вслушиваясь в беспечное шарканье ног, доносившееся из красного уголка под совершенно усталую и с непрерывной фальшивинкой музыку. Василий Петрович желчно сказал о них: «Черт, могут!» Да, они могут, они все сделают, эти парни и девушки, мужики, женщины и старики, только отдай им точный, разумный приказ. Не сфальшивь так, как фальшивит сейчас гармонист, выскивая новые переборы. И как продолжение этой мысли, сверлящий голос Женьки Ребезовой с ядовитой ласковостью проговорил: «Гошу — на мыло!» Цагеридзе усмехнулся: «А парень играл весь вечер. Ну, что же... Правильно!»

Он шел домой писать докладную записку, но почему-то вдруг очутился на обрывистом берегу Читаута, там, где темными пятнами на серой глади застывшей, завеянной снегом реки обозначались места пробной выколки леса. Сто бревен... Кто-то из ребят, Павел Болотников, кажется, сострил: «Такие штуки из цельного камня легче вытесать, чем изо льда». И это бревна, взятые сверху, а доберись до тех, что поглубже и, как попало, стоят торчком, — сразу начнет выжимать воду и тогда броди по колено в ледяной каше с ломом в руках. Мороз сегодня двадцать четыре градуса, а завтра может быть снова и все пятьдесят.

Чепуха! Конечно, прав Василий Петрович, никакое подъемное сооружение у такого высокого и обрывистого берега не поставишь, не тратя на один миллион два миллиона. Сдавайся, Николай Цагеридзе! «Лед растает, не растает, а не высохнет вода...»

В бухгалтерских отчетах очень глубокомысленно названа графа: «потери от стихийных бедствий». Василий Петрович показывал инструкцию, в ней перечисляются виды стихийных бедствий: ураганы, лесные пожары, наводнения и другие непреодолимые силы природы. Непреодолимые силы... Прямой путь замороженному лесу в эту графу. А Ной, между прочим, если верить библейской легенде, все же преодолел очень крупное стихийное бедствие, и даже не какое-нибудь простое наводнение, а всемирный потоп. Он не списал по бухгалтерскому отчету все живое на земле в графу «потери от стихийных бедствий». А Ной не был инженером, он не имел диплома Красноярского лесотехнического института.

Продолжение следует

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურის
და გამომცემლობის
სამსახური

Ираклий Абашидзе

ПО СЛЕДАМ РУСТАВЕЛИ

Ты здесь —
тысячелетних этих врат,
Ты здесь —
ветрами сточенного камня,
Ты здесь —
деревьев чахлых и оград
Коснулись мы сыновьими руками,
Врата скрипят который век подряд —
Они открылись тяжело перед нами.
Здесь со всевышним люди говорят,
А мы — с тобою
в полутемном храме.

О, где тебя я только не искал!
Я потерпел десятки поражений
По берегам, в лесах и возле скал,
В монастырях и на полях сражений.
Я находил тебя — и упускал,
И снова загорался —
неужели?..
Печален был и долог мой рассказ,
Но вот оно —
рассказа разрешение.

Из края в край я истоптал Восток,
Где города цветасты и шумливы.
Моря проплыл,
пустыни пересек
И вопрошал гробницы:
— Чьи вы? Чьи вы?
Мне был в пути поводырем — восторг,
Концом пути — мечты моей приливы.
О, сколько в мире пройдено дорог,
Но все они, казалось, молчаливы.

Константиңэ Гамсахурдиа

ЧАСЫ

Перевод с грузинского Б. Гасса

Рис. З. Церетели

Часы! Большого символа я не мыслю себе.

Перед глазами стоит увядшее лицо глубокого старика — белое, как луна, круглое, плоское. Увлажненные ресницы дремлют в забытьи. Трепетно, осторожно подкрадываются к нему два розовых крошечных пальца внука. Они нащупывают морщины на лице деда, разглаживают их. Маленькие пальцы шарят по щекам.

Перед моими глазами возникают:

Часы. Часы на куполах церквей, часы на площадях больших городов, часы с расширенными зрачками на станциях железных дорог, когда мчишься вперед на экспрессе, и во тьме они выглядят унылыми, будто зеркальные глаза отшумевших времен.

Часы, не смыкающиеся глаза вечности!

В долгие бессонные ночи, в одиночестве, на чужбине часы бьют, бьют, словно провожают дорогое и любимое существо в последний путь по темным улицам города.

Один, два, три... По мановению волшебной палочки дирижера дребезжат все часы города двенадцать раз. Тогда мне кажется, что таинственные люди обулись в сандалии, зажгли девять факелов и выносят тело покойника.

Часы на стенах комнат, часы на площадях, часы на станциях железных дорог, часы на куполах церквей, часы на триумфальных арках. Бьют, звонят колоколами, грохочут громами, погребают времена закатного солнца. Эти времена берут с собой все, похищают у нас все,

что мы любили и ненавидели. Наши высокие чувства и наши большие надежды, нашу большую радость и маленькое счастье. Наши невзгоды и волнения, наши улыбки и слезы. Все, все уносят с собой часы, часы на стенах домов, часы на площадях городов, часы на триумфальных арках...

Бессмертие

Перевод с грузинского Ф. Твалтвадзе

1

В одной цветущей приморской стране был большой и счастливый город. Его основал в незапамятные времена Микел Тарингзел.

С тех пор прошло много лет. Городом и его окрестностями управляла царица Магдана.

Странная смерть выпала на долю ее мужа Ростома.

Много лишений перенес он в борьбе против Гога и Магога, но всегда возвращался невредимым с поля битвы. «Львиное сердце» — называли Ростома, так как не ведал он страха.

Уже в преклонном возрасте царь нечаянно убил на охоте родного брата. Воспользовались этим монахи и принялись твердить ему о страшном суде, об адских муках... Горю царя не было конца. Кручина свела его в могилу.

Царица Магдана строго-настрого приказала скрывать причину смерти мужа от царевича Ростомелла.

Дядьке и духовнику царя, придворным дамам, всем-всем было запрещено даже вспоминать при наследнике престола о старости, о страхе и о смерти.

Строжайшее табу наложили на эти три слова в приморском городе и во всем царстве.

Даже если умирал кто-нибудь во дворце или стольном граде, никто не смел облекаться в траур. Монахам было запрещено справлять поминки, возносить молитвы за упокой души усопших, и никто не смел вспоминать покинувших этот мир.

2

Царица исполняла все желания избалованного Ростомелла.

Подросток Ростомелла, стал сильным, как левенок, лицо его светилось, как само солнце. Золотистые кудри ниспадали на лоб этого юноши — несравненного стрелка и искусного музыканта.

В стране царили мир и благополучие.

Только царевич грустил постоянно о чем-то, не притрагивался ни к отцовскому луку, ни к лютне, не развлекался ни верховой ездой, ни джигитовкой, ни пирами на лоне природы со сверстниками, ни игрой в кости.

3

Горевала Магдана:

Как узнать, не влюбился ли тайком юноша в какую-нибудь придворную даму и не скрывает ли в душе свою тайну?

Дивилась царица:

«Кто из моих подданных отказался бы от счастья быть супругой златокудрого царевича?»

Расспрашивала царица придворных дам и царедворцев. Но никто не мог сказать ей слов утешения.

Тогда старые царедворцы, весьма опытные в любовных делах, посоветовали созвать всех прекрасных дев приморских и заморских царств, дочерей и невест князей и дворян.

И устроила царица в месяце цветения роз великий пир.

Ударили в кимвалы музыканты, сладко запели под широкими сводами мраморного дворца лютни и арфы.

Весь вечер не сводила царица глаз с Ростомелла, но ни с одной из девушек даже не заговорил юноша.

Сидел он в конце стола хмурый и с печальным видом пил вино...

4

На второй день предстал перед царицей охотничий:

— Я знаю средство, как развеять хандру царевича, — сказал он. — Страстным охотником был некогда сам царь Ростом, возможно, в отца пошел и сын. Возьму с собой на охоту царевича — может развею сердечную тоску его.

Визири согласились с охотничим, но царица отвергла его совет.

Позволить охотиться царевичу? Как можно, ведь тогда он познает страх, увидит смерть!

И решила наконец царица спросить у сына о причине его затаенной грусти. Покраснел Ростомелла и ничего не ответил.

5

На третий день Ростомелла вошел в опочивальню царицы и сказал:

— Хочешь узнать, о чем я грущу? Дай слово, что откровенно ответишь мне на вопрос.

Царское слово дала повелительница.

— Тогда скажи мне, куда исчез мой отец?

— Твой отец умер, дитя.

— Умер? — удивился юноша. — Теперь объясни мне, что значит «умер».

— Мы похоронили твоего отца, зарыли в землю. Это и называется на нашем языке «умер».

— Вернется ли когда-нибудь отец?

— Нет, не вернется он никогда. Смерть удел нас всех. Когда-нибудь и мы превратимся в прах, так как всякое живое существо является должником земли.

Сын опять спрашивает мать:

— Неужели и я умру и меня похоронят?

— Не дай господи, дитя, — ответила царица, но ничем не могла утешить она юношу.

Смятение овладело царевичем.

— Я не хочу умирать, матушка, я же не просил жизни у бога, так зачем же отнимает он свой дар? Теперь же я должен отправиться в путь и найти такую страну, куда не заглядывала еще смерть.

Так сказал Ростомелла, вывел из царской конюшни горячего коня, сам оседлал его, надел латы, в колчаны заложил стрелы.

Наказал: если не вернусь я через три года, вывесьте траур на мраморном дворце, оденьте вретище и вознесите молитву за упокой моей души.

В тот же вечер покинул он приморский город и владения свои.

6

Ехал, ехал, ехал...

Три степи проскакал, три горы одолел и все же не добрался до страны бессмертных.

Ехал он по степям, по ущельям и кручам, много зверей и диких птиц встречал по дороге, много раз спускал стрелы Ростомелла, но так как он ничего не ведал о чувстве страха, то при виде лесных зверей поднимал такой крик, что сам же спугивал их.

7

Прошло три года и облеклась царица Магдана во вретище. Вынесли любимую охотничью куртку Ростомелла с галунами, меч и доспехи позолоченные, шлем и седло серебряные. Вывесили траур на белых колоннах мраморного дворца. Монахи возносили в храмах молитвы за упокой души царевича.

8

Все меньше оставалось стрел у молодого охотника. Но Ростомелла не унывал. Питался дикими яблоками и конским щавелем и все шел и шел в поисках страны бессмертных.

В одном лесу повстречал он черную лису.

Подумал: хоть ее убью последней стрелой.

Поняла его намерение лиса и сказала:

— Выслушай мой совет: не выбрасывай зря последней стрелы, она тебе еще пригодится.

Но царевич остался глух к ее совету. Последнюю стрелу спустил и вновь не попал.

Остался Ростомелла с пустым луком и колчаном. В первый раз в своей жизни почувствовал он страх.

Пришпорил коня и, вверившись ему, скакал целый день.

Измотался конь, копыта потрескались у него от щебня.

А всадник все погонял, мчался вперед. Наконец упал конь, испустил дух...

В белых зрачках лошади увидел Ростомелла в первый раз смерть.

Усталый и потрясенный смертью коня, брел он по лесам и горам, шел по дорогам и тропинкам...

И нигде вокруг ни еды, ни воды.

Вконец измученный, потерявший всякую надежду, свернул он с дороги и глазам своим не поверил. В тени ясно журчал ручеек. Припал Ростомелла к ручью и удивился — с гладкой поверхности воды смотрел на него седой человек.

Теперь и старость познал Ростомелла.

9

Прошло семь лет. Дороги уходили в бесконечность.

Ложбины, горы, опять ложбины...

Наконец добрал Ростомелла до пустынной степи.

Куда ни посмотришь, везде голая, сухая степь.
И только где-то далеко-далеко виднелась маленькая черная точка.
Ростомелла пошел к ней навстречу. Долго шел он и наконец увидел: стоит на лугу олень, преклонив колени и свесив голову. Слезы текут у страждущего, а рога его упираются в облака.
Поднял голову олень и говорит:
— Что ты повесил на бок пустой колчан, зачем не сохранил последнюю стрелу для меня?
Поразился Ростомелла, как это — есть на свете живое существо, которое желает смерти.
— Откуда ты идешь или куда держишь путь? — спросил царевича олень.
— Из стран приморских, брат, из владений царя Ростома. Отец мой умер от разрыва сердца, я же ищу такую страну, которую пощадила смерть!
— Слава богу, — ответил олень, — что нигде не существует такой страны, где бы не слыхали о старости, о страхе и о смерти.
— Отчего тебе опостылела жизнь, братец? — спросил Ростомелла у оленя.
— Надо мной висит тяжелое проклятье: я должен жить в этой безводной пустыне, пока рога не дорастут до неба. Оставайся, если хочешь, со мной, будем жить вместе.
— Нет, мой дорогой, я не хочу постоянно смотреть на твои страдания и сам дрожать в ожидании смерти. Я хочу найти такую страну, в которой еще не гостила смерть.
Так сказал путник и пошел дальше.

10

Скитался царевич, скитался, пока не увидел вдали голубые горы. Это была страна скал и глубоких ущелий.
Пошел Ростомелла по тропинке и дошел до горы, окруженной с трех сторон пропастями.
Нигде не было видно ни человека, ни зверя, лишь слабое карканье доносилось с горной вершины.
Напряг зрение Ростомелла, видит: сидит ворон на скале и клюет камень.
— Зря ты таскаешь с собой, охотник, этот серебряный лук и пустой колчан, лучше бы приберег последнюю стрелу для меня, — говорит ворон путнику.
Удивился Ростомелла, неужели и этот ворон желает смерти?
— Откуда ты идешь или куда держишь путь? — спросил ворон.
— Из приморской страны, иду туда, где не вспоминают о старости, о страхе и о смерти, — ответил Ростомелла.
Ехидно улыбнулся ворон, услышав это.
«Безумец! — подумал он, — дожил до седины и ни разу не пожелал себе смерти!»
И сказал ворон царевичу:
— Сколько веков я живу на этой горе и никогда не слышал о такой стране, которую ни разу не посещала смерть. Если хочешь, оставайся со мной, будем жить в мире.
— До каких пор ты думаешь сидеть на этой горе, ворон? — спросил царевич.

— На роду написано у меня: пока я не склюю эту гору и не заполню щебнем ту пропасть, не дождусь желанной смерти.

— Нет, это не то, чего я искал до сих пор, — ответил ворону Ростомелла. — Что за радость мне день-деньской сидеть с тобой и ждать, когда ты выклюешь эту гору и заполнишь ту пропасть щебнем. Что за радость мне знать, что каждый удар твоего клюва приближает ко мне смерть.

Так он сказал и покинул скорбящего ворона.

II

Девять лет ходил Ростомелла и дошел до царства тьмы, где нет ни дня, ни ночи, ни снега, ни ветра, ни травы, ни зверей.

Только странный лязг раздавался где-то наверху. Посмотрел Ростомелла и увидел спускающуюся сверху золотую цепь.

Проследил глазами, видит: стоит скала высокая-высокая, до самого неба.

На скале алмазный замок. Сверкает он странным блеском.

Поднялся Ростомелла по этой цепи.

Легко открылись медные двери алмазного замка.

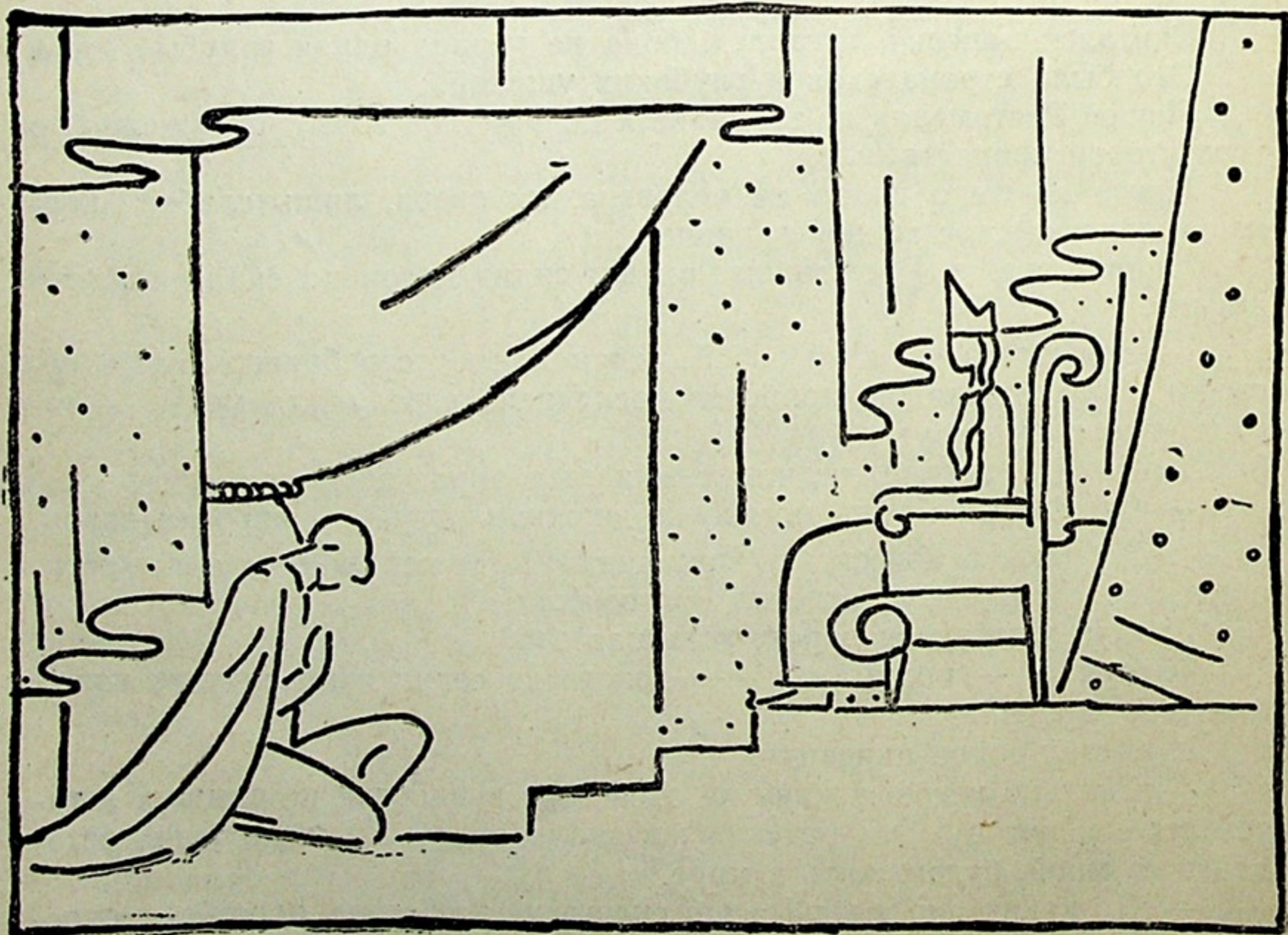
Снял головной убор пораженный царевич и вошел в замок.

Некто, спрятавшийся за дверью, грубо крикнул гостю:

— Не издавай ни звука, старец, не говори ничего, человеческий язык бессилён описать то, что своим блеском затмевает сияние солнца. Иди налево, не оглядываясь, и открой двери из слоновой кости.

Приоткрыл Ростомелла двери из слоновой кости.

Громадный золотой трон стоял в чертоге, писаная красавица сидела на нем.

Улыбнулась красавица и сказала гостю:

— Что тебя привело сюда, юноша?

Удивился Ростомелла:

— Как это—юноша? Ведь твой привратник назвал меня старцем?

— Всякий, вступивший в эти палаты, становится юношей, ибо в моих владениях еще никто не слышал о трех вещах: о старости, о страхе и о смерти. Если не веришь, посмотри на себя в зеркало.

Ростомелла подбежал к серебряному зеркалу, висевшему на стене, и обрадовался, когда увидел вновь свои золотистые кудри.

Ободренный, приблизился он к красавице и говорит:

— Я не знаю твоего имени, прекрасная, но о тебе я грезил всю жизнь, о тебе тосковал, по тебе грустил. Из-за тебя покинул мраморный дворец, бросил и скипетр, и венец.

— Если ты искал бессмертия, юноша, то ты нашел его. Все сотрет и проглотит время, все цвета и все звуки унесут дожди и ветры. И только я останусь неприкосновенной, ибо имя мое — красота. Такова я со дня сотворения мира и такой останусь во веки веков. Я — само счастье и неувядаемая прелесть бытия. Если хочешь, оставайся со мной навсегда, но...

— Что же? — нетерпеливо воскликнул Ростомелла.

— ...Но поверь мне, смертный, если я тебе и дарую бессмертие, когда-нибудь ты сам отречешься от него.

Удивился Ростомелла:

— И престол, и венец бросил я в поисках бессмертия, столько лет бродил по лесам и оврагам, старость, страх и смерть видел своими глазами. Неужели я могу пожелать себе смерти?

Улыбнулась красавица и ответила царевичу:

— Непременно пожелаешь, юноша, мечтать будешь о смерти и земле в этом алмазном замке, потому что ты создан из праха и зов земли не минет тебя. Если хочешь, оставайся со мной, только не вспоминай о страхе, о старости и о смерти.

Ростомелла пал к ногам красавицы.

12

Тысяча лет пробежала, словно мгновение.

— Солнцеликая, — говорит однажды Ростомелла красавице, — не спрашивай никогда меня о причине моей тоски. Как мое сердце может радоваться, когда я столько времени не видел любимую мать, ни друзей, ни близких, ни владений моего отца, где я родился и провел отрочество. Позволь мне на самый короткий срок отлучиться, потом я вернусь и навеки останусь с тобой.

С улыбкой ответила ему красавица:

— Знала я, с какой силой влечет к себе земля. Иди, несчастный, и приобщись к неизбежной судьбе всякого человека и всякой твари. Только помни: ты пробыл тысячу лет в алмазном замке, одну тысячную долю мгновения вечности. Сомневаюсь, чтоб твои близкие были еще живы. Вот тебе два цветка, возьми их с собой в тот мир, авось, пригодятся тебе.

Так сказала красавица и протянула ему два цветка: один алый, как кровь, другой — белее снега.

— ...Если, находясь в своем царстве, ты вновь захочешь жить

тысячу лет, вдохни аромат алого цветка, если пожелаешь принять смерть, вспомни о белом цветке. Не ошибись только.

Так сказала красавица Ростомелла.

13

Когда Ростомелла вновь спустился на землю, поднялись чайки с моря, закружились над землей, летели за ним и кричали:

— Прощай, прощай!

Шел Ростомелла, шел и подошел к тому месту, где когда-то была гора.

Оказывается, сровнял ее ворон с равниной, заполнил пропасть щебнем.

Сам ворон, казалось, отдыхал на маленьком камне, заложив голову под крыло.

— Добрый вечер, ворон! — приветствовал путник.

Но тот не ответил.

Прикоснулся Ростомелла к ворону, и тот рассыпался в прах.

Прошел Ростомелла безлюдную степь и нашел лишь кости оленя, разбросанные по земле. Видать, и над ним смилостивилась смерть.

14

Сильно волновался Ростомелла, подходя к границам своих владений.

Вот показались и земли родной страны.

По старому руслу бежали потоки с гор к морю.

Болотные птицы с шумом взлетали в небо. Стада диких коз и серн с ревом спускались к источникам. С лугов и камышей взлетали фазаны. Стаи куропаток ковыляли у края обрывов.

Здесь все осталось таким же, как в дни его юности.

Но приблизился Ростомелла к городу и понял — здесь все изменилось.

Вспахали люди поля и степи, вырубил леса, в степях и на пустошах развели сады. Над реками построили мосты, а в заповедниках, где любил охотиться царь Ростом, пахари с песнями шли за плугами.

А стоящие на склонах пастухи на незнакомом Ростомелла языке перекликались между собой.

Поразился Ростомелла одежде и поведению их.

Неузнаваемо изменились люди.

Только горы не изменились да эти источники, эти серые обрывы и черные пасти пещер.

На этом поле некогда было ристалище, тут играл в мяч Ростомелла, соревнуясь со сверстниками.

В этой реке он купался, с этого утеса смотрел, как заходящее солнце золотило своими лучами мраморный дворец, окруженный боевыми башнями.

Где же счастливый город его, где гордый замок, над которым некогда развевалось знамя с изображением льва?

Ростомелла спрашивает у прохожих, что случилось в его царстве, где царица Магдана, ее свита, ее близкие?

Но никто не понимает его речи. Люди смотрят удивленно и отходят от назойливого незнакомца.

Исчезло с лица земли все старое.

Филин оплакивал развалины. Ящерицы шмыгали по руинам царских дворцов. Плющ обвивал полуразрушенные колонны храмов.

Только одна колокольня с обвалившимся куполом каким-то чудом уцелела.

Старый монах сидел на камне возле нее и перелистывал пожелтевшую рукопись.

— Скажи мне, отче, куда девался мраморный дворец царя Ростомма, где царица Магдана и ее свита? — обратился царевич к монаху. — Я обошел весь город, никто не понимает моих слов.

Поднял голову монах, протер глаза и удивленно уставился на путника.

— Я и то с трудом понимаю твою речь, как же могли понять тебя жители этого города?! Ведь так говорили наши предки тысячу лет тому назад, язык этот знаком нам, ученым, лишь по древним рукописям!

— Что ты читал, отец? — спросил Ростомелла монаха.

— В этом фолианте я вычитал такую историю, сын мой: тысячу лет назад, до того как Гог и Магог разрушили этот город, из дворца в поисках бессмертия исчез царевич Ростомелла....

Ростомелла напряженно вслушивался в бормотание монаха, трудно ему было понять речь старца.

Когда же Ростомелла поведал ему свою историю, то старец удивился, как крику вещей птицы в лесу.

— Это я и есть Ростомелла, — трижды повторил ему царевич.

В глубоком изумлении старец воздел руки к небу.

— О, суета сует! — воскликнул Ростомелла. — Сокрушен мой город родной, уничтожен престол отца моего. Кто же я, как не тень, призрак, пришедший на эту землю, где все изменилось, все, кроме гор...

Взял царевич белый цветок и с упоением вдохнул его аромат...

Потрясенный смертью юноши монах стал кричать.

Собрался народ, и старец поведал ему:

— Сидел я и читал легенду об исчезнувшем царевиче Ростомелла. А герой легенды ожил, стал передо мною и заговорил языком наших предков...

Константи́нэ Гамсахурди́а

Константи́нэ Гамсахурди́а исполнилось 70 лет. Вот уже более полувека служит он грузинской литературе, создавая неповторимые, полные жизни произведения. Книги Константи́нэ Гамсахурди́а любимы не только в Грузии. Известность писателя давно преодолела национальные рамки: произведения его, переведенные на русский, армянский, украинский и другие языки нашей многонациональной Родины, а затем — на французский и английский, стали доступны всесоюзному и зарубежному читателю, с волнением и радостью открывающему в его книгах новый и интересный мир.

Путь, пройденный писателем, не был ни прост, ни легок. Внимательный исследователь без труда обнаружит на этом пути заблуждения, противоречивость творческих устремлений, взлеты таланта и ошибки, не исключенные для художника, который стремится самостоятельно, на своем собственном опыте проверить устоявшиеся истины и открыть новые. И если этот трудный путь привел писателя к заслуженной славе, принес ему признание народа, причина этого, прежде всего, в неизменной искренности Гамсахурди́а перед судом своей совести, в его горячей сыновней привязанности к родной земле и сознании своей ответственности перед народом, во имя которого он и хочет жить, действовать, творить.

• • •

Далеко не всем известно, что первые шаги К. Гамсахурди́а в грузинской литературе связаны с поэзией. Первое его произведение — стихотворение, подписанное псевдонимом К. Абашиспирели (Абаша — село, в котором он родился), было опубликовано в 1909 году. После этого в течение двух с лишним лет он пишет и публикует стихи, пафос которых определялся идеями борьбы за социальное и национальное освобождение народа.

В 1911 году Гамсахурди́а едет в Европу. В Италии, Германии и в других странах знакомится он с модными тогда модернистскими литературными тече-

ниями и, попав под их влияние, уходит от реализма.

Как в русской и западно-европейской, так и в грузинской литературе между модернизмом и реализмом шла в те годы острая и принципиальная борьба, в которую немедленно включился возвратившийся к тому времени на родину Константи́нэ Гамсахурди́а.

Еще в 1916 году, находясь за рубежом, Гамсахурди́а написал и опубликовал на немецком языке свои первые прозаические опыты — новеллы «Фотограф» и «Наполеон». По возвращении в Грузию он полностью переключается на прозу.

Ранние его новеллы — «Порцеллан», «Встреча с мертвецом», «Лысый Гаху», «Колокольный звон в бурю», «Табу», «Большой Иосиф» и другие носят ярко выраженный импрессионистический характер. Герои этих произведений, в основном, люди, оторвавшиеся от родной почвы, не связанные ни социально, ни интеллектуально с той новой жизнью, которая пришла в Грузию после победы Советской власти. Одна их часть — это интеллигенты, чуждые народу, другая — осколки дворянства и его духовные единомышленники, которых революционный переворот лишил всех прав и привилегий, лишил привычного места в жизни. Гамсахурди́а рисовал этих людей сочувственно, но было бы огромной ошибкой и непониманием его творческой позиции отождествлять на этом основании духовный мир писателя и его героев.

В новелле «Колокольный звон в бурю» передана трагедия маленького человека, оставшегося верным отошедшему в прошлое старому миру, который не дал ему испытать ни счастья, ни особой радости. Автор жалеет этого маленького человека, он даже сочувствует ему и, в то же время, великолепно понимает его обреченность.

Своеобразна форма этих новелл. Гамсахурди́а сосредоточивает свое внимание не столько на развитии сюжета, сколько на живописном слове. Отсюда — строжайший отбор языкового материала, своего рода культ музыки слова, характерный, как известно, для модернистских школ.

В то же время писатель не отказывается от важнейших принципов реализма. В одной из своих новелл он замечает: «В то время я искал темы для новых рассказов. Вы считаете писателя счастливецом? Он всегда в роли наблюдателя изучает страну, природу, людей и больше всего самого себя, чтобы что-то заметить, подстеречь, запомнить. Писатель не может забыться даже в момент наивысшего наслаждения и экстаза. На ложе возлюбленной, на суше, на море, на лоне природы, всегда, везде наблюдает он за миром и за самим собой». Пристальное внимание к действительности, верность ей — разве это не характерные черты реалистической литературы? А Гамсахурдиа написал эти строки в наиболее декадентской из своих новелл «Лысом Гаху». Не ясно ли, таким образом, что возвращенный на великих реалистических традициях грузинской литературы, Гамсахурдиа не отказывался от них даже в пору своего наибольшего увлечения модернизмом. Это и дает нам право говорить о своеобразном «примирении» модернизма и реализма в его ранних произведениях. Особенно ярко и отчетливо проявилось оно в известном романе «Улыбка Диониса», опубликованном в 1925 году. Правда, модернизм здесь явно преобладал, и мы вправе считать «Улыбку Диониса» первым в грузинской литературе романом, созданным по принципам именно модернистской литературы. В то же время этот роман был направлен против войны (хотя и с пацифистских позиций), и при изображении картин и событий, связанных с разоблачением милитаризма, писатель твердо стоял на почве реализма.

Уже в 30-х годах Константинэ Гамсахурдиа написал свой второй роман — «Похищение луны», в котором впервые попытался противопоставить друг другу представителей различных социальных группировок. Один из героев, Тараш Эмхвари — последний могикан старой, феодальной Грузии, осколок разгромленного революцией дворянства, другой, Арзакан Звамбайя — комсомолец, строитель новой жизни. Их сложные взаимоотношения изображены на фоне социалистического строительства в деревне. Действие романа происходит в период, когда партия взяла курс на ликвидацию кулачества, как класса, на коллективизацию всей страны. Это был период революционного переустройства деревни, равный по своим результатам революции. В полную силу своего большого таланта показывает писатель в этом романе и трагедию уходящих классов, и те ростки нового в общественной жизни, которые принесли трудовому крестьянству счастливую и зажиточную жизнь.

Подобно Константину Саварсамидзе, герою «Улыбки Диониса», и Тараш Эм-

хвари, разочаровавшись в капиталистической действительности, возвращается с чужбины в Советскую Грузию, где хочет найти поле для своей деятельности. Тараш Эмхвари просвещеннее Константина Саварсамидзе, он смирился перед свершившимся фактом, но все же оба они люди одной социальной категории и их идеалы, их психология, в целом, одни и те же.

Антиподом Тарашу Эмхвари, как мы уже сказали, должен служить, по мысли автора, воспитанник Красной Армии и комсомола Арзакан Звамбайя. Борец за новую, Советскую Грузию, Арзакан очень хорошо понимает и то, что его предки «тысячелетиями служили» дворянам, и то, что революция дала все права бесправным, обездоленным труженикам, сделала их хозяевами своей жизни и вершителями судеб своей страны. Но он сознает, вместе с тем, и то, что уходящие классы, все эти князья, дворяне и прочие господа, нелегко уступили свои позиции и приняли приговор революции. Именно поэтому Гамсахурдиа и показывает нам своих героев в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Место действия романа — Тбилиси, Абхазия, Мегрелия, Сванетия, где и происходят столкновения Тараша и Арзакана. Следует сказать, однако, что сюжет произведения двигают, главным образом, любовные переживания этих персонажей, и именно по этой линии пытается Гамсахурдиа показать борьбу нового и старого. Главное, из чего мы должны исходить при оценке этого романа, заключается в том, что характеры большинства персонажей, обрисованные глубоко и сильно, свидетельствуют о зрелости таланта писателя. Правда, это относится, в основном, к образам представителей старого мира, которые больше удалась автору, чем люди новой Грузии. Но, несмотря на этот и некоторые другие недостатки, роман «Похищение луны» остается талантливым произведением, явившимся непосредственным откликом на гигантские социальные сдвиги, происходившие в те годы в нашей стране. На сложном творческом пути Константинэ Гамсахурдиа роман «Похищение луны» замечателен и тем, что он стал первым произведением, приобщившим этого выдающегося писателя к советской литературе и утвердившим за ним место большого художника нашего времени.

Трудно преувеличить значение, которое занимают в творчестве Гамсахурдиа исторические романы. О том, что интерес писателя к полной трагических событий истории своего народа далеко не случаен, свидетельствуют и роман «Десница великого мастера», и тетра-

логия «Давид Строитель», к завершению которой приступил писатель.

В «Деснице великого мастера» Константинэ Гамсахурдиа воскресил одну из интереснейших страниц истории Грузии — конец десятого и начало одиннадцатого века, царствование царя Баграта III, приступившего к объединению грузинских земель в единое государство, блистательно завершеному во второй половине двенадцатого века царем Давидом Строителем. Дальновидную политику Баграта III успешно продолжил его сын Георгий. Прогрессивным устремлениям этих царей мешали не только усилия Византии и других захватчиков, которым невыгодно было иметь соседом сильную, объединенную Грузию, но и происки феодалов, каждый из которых хотел быть «царем» подвластной ему территории. Борясь за единую Грузию, Георгий сумел сокрушить непокорных феодалов и подчинить их себе. Но в романе Георгий не только могущественный государь и бесстрашный рыцарь. Он еще и страстно и безнадежно влюбленный, так же решительно расправляющийся со своими соперниками в любви, как и с политическими противниками. И хоть эта решительность не помогает царю завоевать Шорену, она придает его образу законченность.

В романе целый ряд сложных, интересно задуманных и великолепно воплощенных характеров. Среди них выделяется образ великого мастера Константина Арсакидзе, выражающего основной пафос романа. Константин Арсакидзе — художник в лучшем смысле этого слова, способный во имя утверждения своих идеалов вступить в единоборство не только с людьми, но и с богом. Искусству, величайшему делу своей жизни — храму Светицховели он готов принести в жертву и свою любовь к прекрасной Шорене, и саму жизнь.

Роман Гамсахурдиа написан возвышенно и в то же время просто, течение его подобно полноводным и широким рекам, таящим в себе неведомые глубины.

«Десница» — песнь о бессмертии великого мастера, великого художника. «Только мастера не постигает смерть», — утверждает Арсакидзе, и автор разделяет эту мысль. Но здесь идет речь не о бессмертии одного мастера, одного человека, а о бессмертии народа. О бессмертии дела, которому отдал себя великий мастер и художник.

Арсакидзе отсекли десницу. Но детище великого мастера — храм Светицховели — остался в веках. Остался как символ бессмертия, как выражение народного гения, духовной мощи грузинского народа.

Ту же тему, но в другом плане, в другом аспекте предлагает нам Константинэ Гамсахурдиа в своем большом художественном полотне — тетралогии «Давид Строитель».

В треволнениях затянувшейся, нескончаемой войны, в сомнениях, которые Давид не всегда умеет преодолевать, в сражениях, в которых он участвует не только как стратег и военачальник, но и как солдат, он не теряет уверенности в главном — в правоте дела, которому посвятил всего себя. Трудом, борьбой, кровью — своей и чужой, строит он единую Грузию, прочное государство, все более крепнущее и набирающее силы.

Величественные фигуры Арсакидзе и Давида Строителя — великолепное доказательство отношения Константинэ Гамсахурдиа к истории, которую он понимает не как холодный пантеон теней мертвых героев, а как историю жизни и борьбы вполне реальных персонажей.

В грузинской литературе немало исторических романов, однако некоторые из них переносят читателей в туманную даль, в страну призраков, где нет человеческих чувств и страстей. И какое бы благоговение не испытывал читатель по отношению к персонажам таких романов, он не может избавиться от тягостного ощущения того, что авторы этих романов изображают Грузию как страну, история которой уже закончилась. Все это абсолютно чуждо романам Константинэ Гамсахурдиа. Герои его бессмертны своими делами. Именно поэтому и удается писателю преодолеть расстояние, отделяющее современность от давно прошедших времен, и оживлять историю.

Вникая в духовный мир героев Гамсахурдиа, видишь во многих из них людей, близких тебе по своим внутренним качествам, нравственному облику. Эти герои — люди с живой плотью, горячим сердцем, пытливым умом — служат высоким примером. Именно этим, думается, и объясняется то признание, которое получил роман Гамсахурдиа «Десница великого мастера» во французской прессе. В частности, в перепечатанной грузинскими газетами и журналами статье из «Леттр франсез» отмечалось, что «роман Константинэ Гамсахурдиа «Десница великого мастера» показал духовно опустошенной европейской литературе новые источники жизни, чувства и неустанной деятельности».

В настоящее время писатель работает над четвертой, заключительной книгой «Давида Строителя». В уже вышедших трех книгах этого монументального художественного полотна читатели ощутили дыхание больших исторических со-

бытий, увидели борьбу крупных человеческих характеров, приобщились к чувствам, двигавшим перо замечательного писателя. В «Давиде Строителе», оживившем волнующие события грузинской истории, снова проявился огромный гворческий потенциал: трудолюбие и неиссякаемый талант Гамсахурдиа.

За последние годы Гамсахурдиа опубликовал еще один роман — «Цветение лозы». Воспроизводя картины современности, или, еще точнее, период Великой Отечественной войны, Гамсахурдиа продолжает идти по тому пути связи с жизнью, который он избрал еще в начале своего литературного поприща. Это путь отображения современной писателю действительности. Так, на современные темы были написаны «Улыбка Диониса», «Похищение луны» и, как мы уже сказали, роман «Цветение лозы». Изучая эти произведения, нельзя не увидеть в них различие позиций автора в отношении к современности. Эти романы — вехи на том сложном пути, по которому прославленный мастер грузинского художественного слова пришел к позиции реалистического отображения действительности.

«Цветение лозы» — это роман о новых людях новой социалистической деревни. Сравните героев «Похищения луны» и «Цветения лозы». Какие резкие изменения в психологии героев, представляющих одну и ту же среду, какой перелом в отношении к ним самого писателя! Годердзи Эланидзе из «Цветения лозы» многим может напомнить Арзакана Звамбайя. Но в лице Годердзи читатель видит действительно передового человека, сначала рядового члена сельхозартели, затем колхозного вожака, а еще позже — бойца, проявляющего на фронте мужество и героизм.

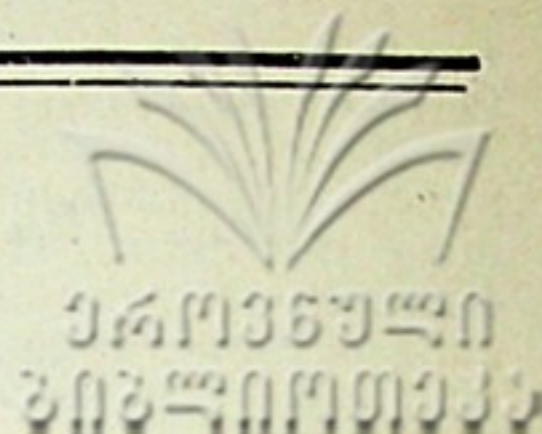
В лице Нуну Уджираули и Сускии Миндели своеобразное развитие получил

образ колхозницы Дзабули («Похищение луны»).

Обратимся, наконец, к главному герою «Цветения лозы» — профессору Коринтели, наиболее выпукло изображенному в романе. Крупный специалист, профессор Коринтели — представитель поколения, духовный облик которого формировался еще до революции. Великие революционные преобразования совершили перелом и в душе этого человека, связали его с современностью, сделали преданным Советской власти, идеалам нашего общества. Наряду с профессором Коринтели писатель показал нам людей, чьи моральные критерии, взгляды и воззрения складывались уже в условиях советской действительности, и нарисовал этих людей с чувством большого к ним уважения и любви. И, что главное, он показал общность идейных устремлений людей обоих поколений.

Сказанное не означает, что роман «Цветение лозы» лишен каких бы то ни было недостатков. Главный из них, на наш взгляд, заключается в том, что роман написан несколько неровно. В нем встречаются слабые в художественном отношении места, особенно в эпизодах Великой Отечественной войны: поступки некоторых героев слабо мотивированы, не вытекают из их характеров. Но эти недостатки не меняют того факта, что «Цветение лозы» — интересное художественное явление, знаменующее новый этап в творчестве писателя.

Константинэ Гамсахурдиа, подлинный мастер и новатор грузинской прозы, проложил ей новый путь, принес в нее новые цвета и краски, новые интонации. Мы можем сказать, что Константинэ Гамсахурдиа сделал в грузинской прозе то, что Галактион Табидзе — в грузинской поэзии. Эти два имени — две вершины грузинской советской литературы.

Григол Абашидзе

М а т ь

Драматическая поэма

Перевод с грузинского А. Межирова

Продолжение

Рис. Эд. Мосева

Вахтанг

(к Цихистави)

Город наш
Твоим заботам я препоручаю,
Пока от Картли буду вдалеке.
Ведь ты и сам постиг повадки вражьих, —
Лишь стоит убедиться им, что царь
В походе дальнем, — сразу же на Мцхету
Со всех сторон, как тучи грозовые,
Надвинутся они, и грянет гром.
Так стойте же, как скалы, ибо Картли
Отныне вам доверила судьбу
И на геройство ваше уповаet.

(Возносит руки к небу)

Да сохранит всевышний от урона
Строителей и воинов моих.
Так отслужите завтра же молебен
И, крепость освятив, благословите
Ее фундамент хлебом и вином.
А я хочу успеть перед уходом
Любую просьбу зодчего исполнить,
И царским словом заверяю всех,
Что дважды просьбу повторять не надо.

Дачи

Хвала царя дороже, чем награда...
Одну лишь просьбу высказать осмелюсь:
Испробуй стойкость моего меча
И мощь моей десницы в ратном деле,
В поход на Синд позволь идти со всеми
И выполнить в бою приказ любой.

Вардо

О, горе мне!..

Дигмели

Что, милая, с тобой?!

Вахтанг

Суть просьбы — в устремленьи
благородном —
Исполнить долг перед своей отчиной;
Но испросил ли разрешение ты
У матери, которая уже
Трех сыновей героями взрастила
И всех троих отчизне отдала.
Остался ты. В тебе — ее отрада.
Что скажешь, мать?

(Вардо бросается к матери и обнимает ее)

Мать

(к Вардо)

Не плачь, дитя! Не надо!
Царь! Этот сын, подобно тем троиц,
Взлелеян мной для родины: любимой.
Из четверых лишь он один остался,
Но родина ведь тоже лишь одна,
И надо быть воистину жестокой,
Чтоб за нее сражаться помешать.

Вахтанг

Да ниспошлет всевышний благодать
Тебе, надежда Картли, мать-грузинка.
Мне твой ответ известен был заранее,
Я и не ждал иного от тебя,
Но, и рискуя вызвать осужденье,
Я должен клятву царскую нарушить,
Отвергнуть просьбу сына твоего...
В жестокой схватке, заполняя строй,
На место павших могут встать живые,
Но в Картли нет строителя, который

Сегодня мог бы Дачи заменить.
В своем искусстве он не знает равных,
И если смертоносная стрела
На поле боя зодчего настигнет,
Кто нам заменит сына твоего?

Все

(кроме Гаха)

Никто не сможет заменить его.

Вахтанг

Поскольку вы о нем того же мнения,
Так и решим: пусть остается здесь
И крепость к освящению подготовит.
И словом не обмолвится о просьбе,
Забыв неисполнимые мечты.

Вардо

(подходит к Дачи)

О, как я рада, что остался ты.

Дачи

Тогда ответь мне прямо: ты согласна?

Вардо

В моем согласьи, видит бог, напрасно
Ты сомневался.

Просто трудно мне

Поведать моему отцу об этом.

Вахтанг

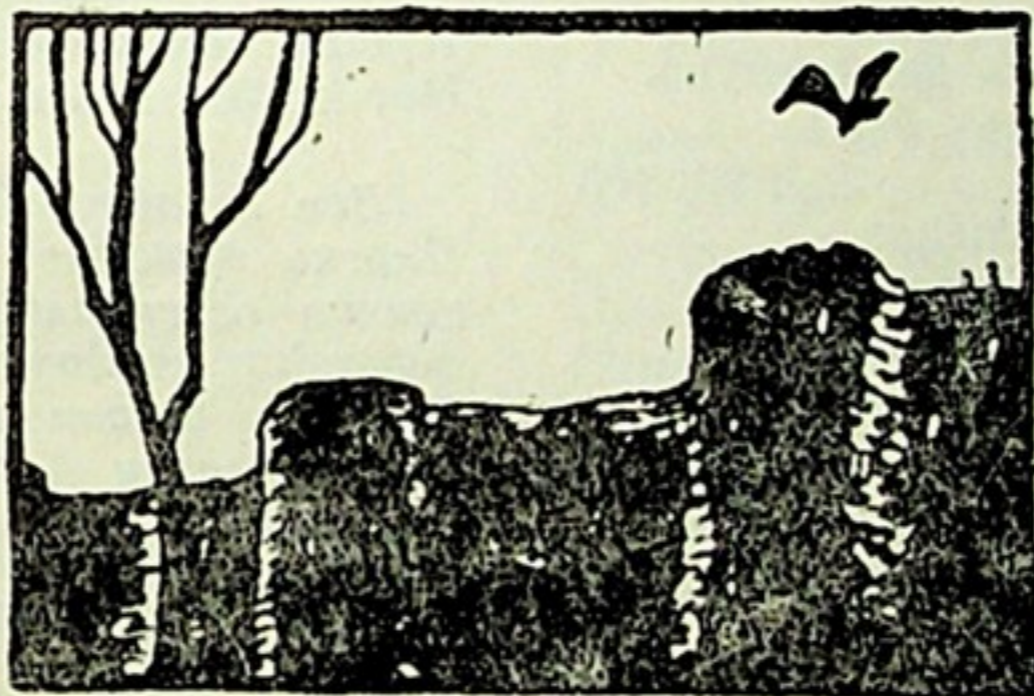
Итак, должны вы завтра же с рассветом
Без отлагательств крепость освятить.
Да будет назван город сей — Тбилиси,
Да воссияет он, благодаря
Стараньям вашим, мужеству и силе...
Так бодрствуйте, тбилисцы!

Пробил час!

Иду в поход. Желаю вам победы
И мира долговечного для Картли.
За доблесть и за труд благодарю!

Все

Хвала и слава нашему царю!

Картина вторая

Ночь. У крепостной стены сидят тбилисские горожане, строители. Среди них Цихистави, Дигмели, Вардо. Под деревом на лужайке разостлана скатерть. Положив голову на колени матери и устремив взгляд в небо, лежит Дачи.

Цихистави

Итак, мы освятили город-крепость
И посвятили здравицы ему.
Настало время помолиться богу
За горожан и воинов отважных,
Тбилисцам долголетье пожелать
И пиршество закончить до рассвета.

Дигмели

Не только мой Дигоми, но и Мцхета
Надежду и опору видят в вас.
Да будут ваши жизни долговечны,
Как горы, на которых мы живем.

Пока сияет в небесах светило,
Пока гремит Кура в кремнистом русле,
Вам жить и жить во здравьи, чтоб враги
На эту землю посягать не смели!

Все

Ваша, Тбилиси!

Будь здоров, Дигмели!

Цихистави

Ну, а теперь споем, чтоб мрак ночной
Рассеялся и небо задрожало,
И, словно в бурю, полегла трава.

Д а ч и

Не думай, мать, что ради хвастовства,
Я эту речь веду.

Но если счастье
На свете существует, то сегодня
Воистину я счастлив, ибо царь
Сказал, что он не знает крепостей,
Которые сравниться могут с нашей.
Как не гордиться похвалой царя!

М а т ь

Царь никого хвалить не любит зря,
Толк в крепостях кто-кто, а он-то знает.
Ты видел сам, что государь с трудом
Отказывал тебе в сердечной просьбе.
Меня, как гром небесный, поразил
Вопрос царя.

Лишиться дара речи
Хотелось мне, и всё-таки слова
Нашлись в глубинах сердца для ответа.
Что делать? Горе мне сжимало грудь,
Но не могла ответить я иначе,
Нельзя отчизне сына не отдать,
Когда одна она повелевает
Детьми, которых вырастили мы.
Когда в поход единственного сына
Проводит мать, она обречена
На слезы и бессонницу, а ты
Не мог бы мне оставить даже внука.
Подумай, сын, что может быть

прекрасней

Птенцами заселенного гнезда.
Исполни материнское желанье,
Дай внука в колыбели укачать.
Ну, а потом иди, куда захочешь.
И строй твердыни всем врагам назло.

Д а ч и

Ах, мама!

М а т ь

Что вздыхаешь тяжело?

Мне тайна сердца твоего известна
Ведь я на то и мать, чтоб видеть все.
Зачем вчера, твою услышав просьбу,
Дигмели дочка, не скрывая слез,
В мои объятия бросилась?

Ведь прежде

Ты откровенней был со мной намного.

Д а ч и

Меня томила тайная тревога —
Что если предложение мое
Отвергнет дочь Дигмели!

Но теперь,

Когда я удостоился согласия,
Могу тебе сказать об этом смело.

М а т ь

А если так, за чем же стало дело.
Вас поскорее надо обвенчать.

Д а ч и

Но до сих пор ее отец и мать
Об этом знать не знали.

М а т ь

Что ж, как видно,
С Дигмели мне поговорить придется,
Таков уж материнский наш удел.

Д а ч и

Я эту просьбу высказать не смел.

М а т ь

Так не тревожься. Я пойду к Дигмели,
Поведаю намеренья твои.
Клянусь, что он ответит мне согласьем,
Мне даст невестку, а тебе жену.

Ц и х и с т а в и

Друзья! Веселью, пиру и вину
Нужна не только песня, но и пляска.
Так поскорей ударьте в бубны, чтобы
дрошь

Всех проняла.

Раздвиньте круг пошире,
Прошу танцоров наших выходить,
Ног не щадить и не жалеть ладош.

*(Все встают. Нарастает грохот бубнов.
Парень выводит в круг девушку. Когда
юноша останавливается, девушка, танцую,
подходит к Дачи. Дачи танцует. Теперь
девушка останавливается, и Дачи выво-
дит на танец Вардо. Во время их танца
Цихистави, Дигмели и мать беседуют)*

Д и г м е л и

Мне кажется, что танец их похож
На встречу тура и пугливой лани.

М а т ь

Давайте же исполним их желанье.
Откладывать венчанье нет причин.
Через неделю можно справить свадьбу.
А там их жизнь сама пойдет на лад.

Д и г м е л и

Я подтвердить свое согласие рад.
Но ведь и в спешке тоже нет резона.
Мне, как мужчине, надлежит вдвойне
О свадьбе позаботиться.

Приданным

Заняться и родню оповестить.
Без этого не мыслю я возможным
За дружками прошествовать вослед.

(С башен слышны крики часовых)

П е р в ы й ч а с о в о й

Что там случилось?

Второй часовой

Вижу яркий свет
На башне наблюдательной.

Цихистави

Сигналы
Сторожевая башня подает.
Что увидела башенная стража?

(Вбегают вестовой)

Вестовой

Войска к Тбилиси подступают вражь!
Как саранча, несметна вражья рать.

(Падает)

Цихистави

Мужайтесь, люди! Вам не привыкать
С врагом сражаться. Долгую осаду
Нам перенести, быть может, суждено.
Пусть стар и млад найдут приют
в твердыне.
Подумать надо о воде и пище.
Забот не счесть у вас и у меня.

Дигмели

Вели, Бакур, чтоб подали коня.
Я ухожу.

Цихистави

Быть может, все же лучше
И вам остаться в этот грозный час.

Дигмели

В Дигоми, ты ведь знаешь, нет у нас
Таких надежных стен и крепких башен.
В заботливом хозяине нужду
Испытывает нынче и Дигоми.
Я должен замок укрепить, чтоб Мцхете
Хоть чем-нибудь на подступах помочь.

Дачи

(к Вардо)

Страшна дорога. Непроглядна ночь.
Под сенью стен спешат укрыться люди.
Из крепости в такие времена
Никто не выйдет.

Почему же мы
Должны расстаться?

Если твой отец
Остаться здесь не может, пусть хотя бы
Тебя оставит здесь.

Страшна дорога.
В ущелье так пустынно и темно!

Вардо

Нет, мне остаться здесь не суждено.
Нас дома с нетерпением люди ждут.

Пора идти.

Но выдержит ли сердце
Тревогу, одиночество и страх.
Ты в крепости останешься.

Осада

Нас разлучит.

Но от тебя вдали,
Молитвой встречу, может быть,

приблизу.

Дачи

Я скоро все равно тебя увижу. —
Пусть даже мне дорогу преградят.
Пусть буду осужден людьми стократно.

Мать

Спешите, дети!

Вардо

Я вернусь обратно...

Мать

Прощай, родная... С богом!
В добрый путь...

(Мать и Вардо расходятся. Гаха преграждает Вардо дорогу)

Гаха

Прошу тебя, обиды позабуди
И выполни единственную просьбу. —
Сегодня же реши судьбу мою.
Она подвластна твоему ответу:
Отказ меня в злодея превратит
И сделает изменником отчизны.
А доброе согласие позволит
Героем стать.

Ответь же, да иль нет.

Вардо

Тебе уже известен мой ответ.
Ты знаешь сам, что я давным-давно
Люблю другого...

Гаха

Хватит! Все равно
Не верю я. Неужто, даже если
Удастся мне осуществить мечту
И сделаться хозяином Дигоми,
А там и Картли всей распоряжаться,
Неужто и тогда решишься ты
Меня отвергнуть.

Рассуди-ка здраво?
Одумайся...

Вардо

Людей такого нрава
Я ненавижу. Ты противен мне.
Двурушничеством, завистью и злобой
Твоя душа пропитана насквозь.
Но если даже и на царский трон

Тебя, злодей, увижу возведенным, —
С презреньем отвернусь, чтоб никогда
Не встретить взглядом
этот взгляд постылый.

Гаха

Ну что ж... Не уговорами, так силой...
Пусть весь Тбилиси в пламени сгорит,
Но ты, горячка, сменишь гнев
на милость
И сказанные только что слова
Ты лаской заменить решишь.
Но поздно...
Наложницей, прислужницей, рабыней
Я сделаю тебя.
Подол заставлю
Коленопреклоненно целовать.

Вардо

Нет! Этому вовеки не бывать!

Гаха

Так будет... Сердце гордое твое
Я поражу стрелой горящей мщенья,
Я помогу врагам разрушить город,
Который строил твой избранник Дачи.

А труп его поруганный подброшу
Невесте.

Наслаждайся и владей.

(Убегает)

Вардо

Не дай господь! Куда же ты, злодей?!
О, горе мне, несчастной,
Если вправду
Решится он порадовать врага,
Я стану соучастницей злодейства,
Причиною измены.

На меня

Падут неотвратимые проклятья.
Стой, Гаха, стой!

(Вбегает Бакур Цихистави)

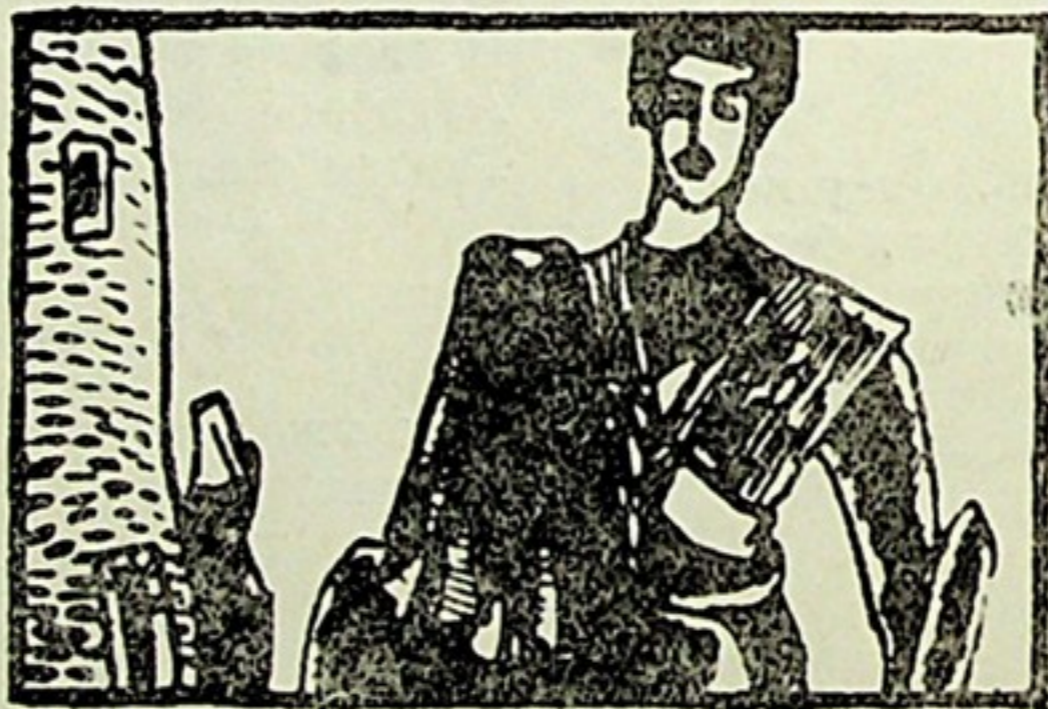
Цихистави

Скорее в крепость, братья!
Поторопитесь! Враг у самых стен.
Мы первые защитники Тбилиси,
И летопись боев за этот город
Откроем ныне подвигом большим.
Да будет враг отброшен и поборот,
Кровавое крещение совершим!

(Выхватывает меч из ножен. Слышны звуки набата. Воины с обнаженными мечами бросаются к стенам крепости)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Палатка хана. За глубокими рвами видна крепостная стена Тбилиси.

Хан

Осада затянулась. Нет конца
Кровопролитью. Но пока что с тыла
Нам угрожает сильный гарнизон,
Я не могу продвинуться на Мцхету.
Как об утес могучая волна,
Так бьемся мы о камень стен
тбилисских.

И днем, и ночью, не смыкая глаз,
Гюрджи оберегают этот город.
И горе, если возвратится вдруг

Вахтанг.

Тогда немедля мне придется
Осаду снять, покинуть рубежи.

Сардар

Известно властелину, что гюрджи
Умеют строить прочные твердыни.
Но, даже если закуют себя
В железо и железными стенами
Свой лагерь опояшут, — все равно
Тбилиси обречен. К твоим ногам
Повержен вскоре будет он жестоко.

Хан

Пока что нет на это и намека...

Сардар

Не нынче — завтра будет сломлен он.
Не изнутри, а только лишь снаружи,
Мы день и ночь содействуем тому,
Не голод, так его сестра родная
Должна тбилисцев доканать в беде.

Хан

Ты говоришь, конечно, о воде.

Сардар

О жажде, властелин! Для осажденных
Роса желанной станет, и тогда
Пусть обратятся птицами гюрджи,
Не вылететь отсюда даже птичке, —
Осада так построена, что ты,
Великий хан, гордиться ею вправе.

Хан

Меня прогневал здешний Цихистави,
Но если не имеет он воды,
Что ж, я великодушен — пусть получит
Хеладу кахетинского вина.
Давайте же зашлем ему гостинец,
Пусть нашу щедрость не забудет он.

Визирь

Желанья хана — выше, чем закон...
Эй, виночерпий, добрую хеладу
Вином наполни.

Наш могучий хан
Защитникам твердыни посылает
Гостинец, чтобы жажду в них разжечь.

(Виночерпий наполняет хеладу)

Теперь заткни-ка горлышко потуже,
Нам в крепость предстоит метнуть ее.
Ну, а теперь закутывай в тряпье,
Чтоб не разбилась. Хорошо. Довольно.
А ну, метатель бравый, выходи,
Представилась возможность отличиться.

(Выходит воин огромного роста и, засучив рукава, осторожно забрасывает хеладу в крепость. Хан и окружающие его встают и смотрят в сторону крепости)

Хан

Хелада вверх взметнулась, точно птица.

Визирь

Ее уже, наверное, до дна,
Не отрываясь, выпил Цихистави.

Сардар

Как знать, быть может, с мыслью
об отраве
Гюрджи трусливо топчутся вокруг.

Хан

Не думаю. Наверное, из рук
Хеладу друг у друга вырывают.
Не станет тот, кто жаждой истомлен,
О яде размышлять. Но что же это!

(Отступает назад. Описав дугу, на землю падает брошенная из крепости живая рыба)

Аллах великий! Что за наважденье.
Похоже, что из крепости проклятой
Швырнули рыбу нам взамен вина.

Визирь

Она жива, она еще влажна,
Как будто только что ее словили,
Трепещет, бьет хвостом, но так и рвется
Обратно в воду к рыбам и волнам.

Хан

Что, мой сардар, теперь
ты скажешь нам?!
Не хочешь ли откусать рыбы свежей!
Что стоят все пророчества твои,
Весь этот вздор. Когда у осажденных
Есть даже рыба свежая, то ясно,
Что есть у них и свежая вода.

Сардар

Прости... Но в это чудо никогда
Я не смогу поверить, если даже
Ты повелишь меня четвертовать...
Двойной осадой я сковал твердыню
И оторвал от суши и воды,
Кახетию спалил и залил кровью,
Чтобы она не помогла Тбилиси,
Когда за город разгорится бой.

Хан

Довольно! Ты воюешь похвальбой,
А похвальба для крепости безвредна.
Живая рыба водится в осаде,
Живая рыба, слышишь ли, а ты
Твердишь самонадеянно и тупо,
Что нет у них ни пищи, ни питья.

Сардар

Не гневайся, владыка, если я
Сказать осмелюсь, что не верю в эту
Живую рыбу.

Что-то здесь не так.
Откуда взяться, посудите сами...

Хан

То, что своими вижу я глазами,
Ты смеешь отрицать! Да ты ослеп
Иль на себя берешь излишне много.

Сардар

Великий хан!

Хан

Я запрещаю строго
Оправдываться.

Слышать не хочу
Твоих речей хвастливых и коварных.
Я сам начну атаковать твердыню,
Повергну в прах, испепелю в огне.

(Со сцены слышен шум, кто-то кричит):

Ой, отпустите руку! Горе мне!

Что там еще случилось? Что за крики?

(Охранники вводят связанного Гаха)

Охранник

Владыка всемогущий и великий,
Мы задержали только что его.
Невдалеке от лагеря, как пьяный,
Слонялся этот странный человек.
Безумных глаз от вашего шатра
Не отрывал проклятый незнакомец.

Хан

Кто он?

Гаха

Я гюрдж, я здешний, я дигомец!
На службу добровольно к вам пришел.
Пусть мне развяжут руки.

Эту крепость
Я ненавижу так же, как и вы,
А, впрочем, даже может быть и боле.

Хан

Из крепости пока по доброй воле
Меня еще никто не посещал.
И если ты действительно намерен
Нам в ратном деле чем-нибудь помочь,
Рассчитывай на щедрую награду,
Не сомневайся в этом ни на миг.

Гаха

Велите снять веревки с рук моих
И нас вдвоем оставить...

Хан

Развяжите
Дигомцу руки.
Ну-ка, гюрдж, присядь,
А я с тобою рядышком присяду.

Гаха

В служеньи вам спасенье и отраду
Я нахожу, всемилостивый хан!
Тбилисская мне крепость ненавистна,
Точнее, ненавистен мне один
Из тех, кто эту крепость защищает.
Но этого достаточно вполне, —
И первым делом должен знать владыка
Причину, по которой до сих пор
Осада не увенчана победой.

Хан

Об этом первым делом и поведай.

Гаха

Нет ни царя в осаде, ни князей —
Там плотники одни и камнетесы,
На ратный меч сменившие свой молот.

Хан

Чудны дела!

Гаха

В твердыне лютый голод,
Но есть вода...

Хан

Загадочно...
Откуда?

Гаха

Признаться, я не вижу в этом чуда.
Соединяет крепость и Куру
Подземный ход.

О нем никто не знает
Из осажденных.

Только лишь двоим
Доподлинно известна эта тайна.

Хан

Не ты ли, гюрдж, один из них случайно?

Гаха

Пока что нет. Но вот Бакур вполне
Осведомлен об этом тайном ходе,
Тем более, что сыном Цихистави
Является не кто иной, как зодчий,
Который эту крепость воздвигал
И тайный ход в скале каким-то чудом
На берег прорубил своей рукой.
Он путь к воде пробил.

Но в то же время
Стал на моем пути, себе присвоив
Мою невесту.

Кто-нибудь один
Из нас отныне будет жить на свете —
Я или Дачи, Дачи или я...
Намерен хан разрушить стены эти,
Намеренье владыки — цель моя.
Чтоб тесаные глыбы мелким щебнем
Осыпались по берегу Куры,
Сравняй с землей, владыка, эту крепость,
А зодчего мне выдай на расправу
И этим милость ханскую яви.

Хан

Собак неверных утоплю в крови.

Гаха

Единственное средство к достиженью
Желанного успеха — таково:
Необходимо тайный ход разведать
И от воды отрезать осажденных,
А там твердыня и сама падет.

Хан

Но как же обнаружить этот ход?

Гаха

Мой слух и зренья ненавистью к Дачи
Обострены, — известно мне, что он
Любимой клялся побывать в Дигоми,
А это значит — на какой-то срок
Покинуть крепость.

Я подкараулю

Его у дома, где живет невеста.
Но если подозренье подтвердится,
Соперника не стану убивать, —
С ним не сражусь, а по пятам, неслышно
Преследовать начну до входа в крепость,
Добьюсь того, чтобы секретный ход
Ни для кого не представлял секрета.

Хан

Что ж, если ты осуществишь все это —
Дни крепости тбилисской сочтены.
Она обречена на гибель так же,
Как твой соперник.

И когда пробьет,

Когда настанет час ее паденья,
Ты справишь свадьбу.

Счастье или несчастье

Тебя сегодня привело сюда,
Но я поверил слову твоему,
Я, царь царей, даю тебе десницу —
Осуществи намеренья свои,
А там проси хоть половину Картли,
И будет вручена тебе она.

Гаха

Одна невеста Дачи мне нужна,
И ничего не требуется кроме.

Хан

Да что там, гюрдж! Все женщины Дигоми
Твоими станут. Все ее поля,
Все рощи и ручьи твоими станут, —
Лишь тайный ход разведай поскорей.

Гаха

Клянусь душой истерзанной своей,
Как обещал, так все и будет вскоре.
Мне нужен только небольшой отряд,
Чтоб под рукой иметь, на всякий
случай,
Своих людей, принять способных бой.

Хан

Согласен! войско целое с тобой
Послать, хоть это, может быть, и дико...
Эй, кто-нибудь!

(Входят Визирь и Сардар)

Визирь

Мы здесь! Мы здесь, владыка!

Хан

Немедля выдать золото ему,
Отмерить столько, сколько он захочет,
И воинов надежных отрядить
В его распоряженье. Поспешите!

(Визирь и Сардар кланяются. Между зубцами крепости появляется шест, на который насажена тыква в форме человеческой головы, весьма похожей на голову хана. Слышна песня):

Хан пугать задумал нас,
Бородой сердито тряс,
Бородой козлиною,
Редкою и длиною.

Зря грозитя вражья рать
Крепости и городу, —
Мы заставим хана рвать
Собственную бороду.

Над собой почуя меч,
Поздно хан спохватится,
Словно тыква, с ханских плеч
Голова покатится.

В нашей песне нет обмана, —
Поглядите сами вы:
На плечах растет у хана
Тыква вместо головы.

Сардар

Уж лучше бы ослепнуть нам на месте...

Визирь

Уж лучше нам с тобой оглохнуть вместе...

Сардар

Какая наглость! Как они посмели!

(Стараются закрыть хана собой)

Хан

А ну-ка, расступитесь!

Неужели

Мне прятаться пристало от врагов
И потакать насмешкам окаянным!

Сардар

(про себя)

А все-таки какое сходство с ханом...

Гаха

Я догадался с первого же взгляда,
Чья это непристойная мазня.

Хан

Кто он, посмевающий оскорбить меня?!

Гаха

Все тот же самый зодчий, сын Бакура.
И в рисовальном ремесле рука
Строителя вполне понаторела.

Хан

Что ж ты на месте топчешься без дела,
Торчишь у осажденных на виду!

Гаха

Иду, мой хан, не гневайся, иду.
Я им устрою горькое похмелье!

(Из крепости слышны крики и песня):

Хан пугать задумал нас,
Бородой сердито тряс,
Бородой козлиною,
Редкою и длиною.

Хан

Они меня изобразить посмели
Козлом и бородатым валуном...
Что ж, будет им заплачено за это
Художество по чести и сполна!
Настанет час, когда о капле влаги
В слезах и муках бога своего

Вы будете молить.

Но никого
Из вас в живых на свете не оставлю,
В смертельной жажде землю грызть
заставлю.
Над вашим прахом справлю торжество.

(Из крепости слышна песня):

Дуб зеленый, дуб могучий,
Дуб высокий, как гора,
Вкруг него кружится тучей,
Копшится мошкара.

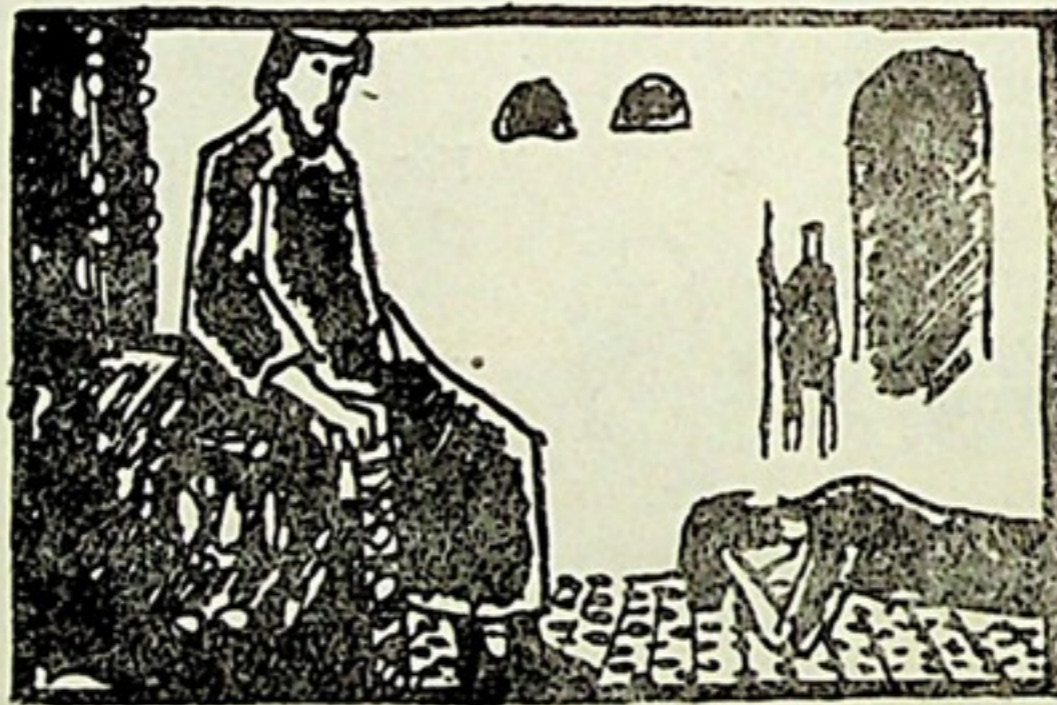
Хан

Эй, трубачи, трубите наступленья!

(Слышна песня):

Дуб зеленый
Над горой,
Окруженный
Мошкарой.

Только что до мошкары
Дубу исполину, —
Он глядит себе с горы
В синюю долину.

Картина четвертая

Ночь в крепости. Цихистави, мать, Дачи, Гела, старейшина и Гола. Слышно тихое пение:

Дуб зеленый
Над горой,
Окруженный
Мошкарой.

Мать

Кому дано узнать, измерить, взвесить,
Кто неприступней — крепость или мы,
Защитники ее.

Ни меч разящий,
Ни долгая осада не смогли
Сломить и обессилить нашу волю.
Не уступают в прочности друг другу
Народ и крепость, крепость и народ,
Который смог воздвигнуть эти стены.

Старейшина

Да будут незабвенны и нетленны
Для будущих тбилисцев эти дни,
Дни первого сраженья за Тбилиси,
Когда нести тяжелый крест осады
От мала до велика всем пришлось,
Всем довелось испытать страданий чашу.

Дачи

Не сломит иноземец крепость нашу,
Когда глядят с надеждой на нее
Не только современники событий,
Но и потомки дальние...

Мать

Смотрите

На наших женщин.

Каждая из них
На путь борьбы бестрепетно вступила.
Священным гневом укрепила дух,
Отвергла страх, осилила недуг,
Смерть за Тбилиси

смертью не считает
И в ней свое бессмертье обретает.

Гела

(настраивает пандури и поет)

Скажи нам, крепость, кто тебя воздвиг,
Скажи, кто обратил тебя в руину,
Скажи нам, кто с отвесных стен твоих
Бросал врагов в глубокую теснину.

Меня построил Дачи — славный зодчий,
На этих стенах, черных от огня,
Герой с врагом сражался дни и ночи,
Щитом тяжелым прикрывал меня.

Со всех сторон ломилась вражья сила,
Пожар в полнеба пламенел и цвел.
Мученья стойко я переносила,
Забрызган кровью каменный подол.

Храня Тбилиси, как зеницу ока,
Забиться сном не смела ни на миг,
В родную землю крепко и глубоко
Вцепились корни вечных стен моих.

Гола

Эй, кто идет?

(Гела роняет из рук пандури. Входит Отчаянье с распущенными волосами, в черном платье)

Цихистави

Не видно никого.

Гела

Но шаг, звучавший глухо и мертво,
Коснулся слуха моего.

Похоже,
Что где-то рядом ходит смерть моя.
Я слеп. Зато мой слух на диво чуток.

Цихистави

Ты просто задремал. Ведь столько суток
И камню даже не прожить без сна.

Дачи

Что смерть?! Нас больше не страшит она,
Мы не во сне, а наяву привыкли
Смотреть в ее глаза, и что нам призрак
Небытия, что нам коса кривая,
Которую на наших же костях
Он вечно точит в кровожадном раже.

(Кладет голову на колени матери. Все засыпают)

Отчаянье

Где наше дерзновение и бесстрашие,
Не слышу стонов и не вижу слез!
Как видно, Голод обожрался ленью,
Ну, а Болезнь, видать, заражена
Бездельем, да еще неизлечимым.
Придется мне пожаловаться Смерти
На них в крошечный мрак небытия.

Гела

(во сне)

С тобой во многом не согласен я. —
Не заслужил твоих упреков Голод,
Стараньями его истощены
Защитники твердыни.

В их десницах
Кровь холодеет, нету прежних сил.

Мать

(во сне)

Твоей хулы Недуг не заслужил, —
Он в крепости свирепствует исправно,
Он валит с ног защитников ее,
Приковывает воинов к постелям
И загоняет в гробовую тьму.

Отчаянье

Но если это так, то почему
Ко мне, отчаясь, не взывает крепость?
С каким трудом проникла я в нее,
В дверях железных пальцы защемила.
Иные избегают встреч со мной,
Иные смотрят яростно и грозно.
Но если я смогла проникнуть в щель,
То и в сердца людей найду лазейку,
Взывать заставлю к милости моей.

Дачи

(сквозь сон)

Прочь, безнадежность!
Подходить не смей!
Тебе не место здесь! Ступай отсюда!

(Отчаянье в испуге отходит от него и направляется к Геле)

Отчаянье

Вот в чьей душе, возникнув из-под спуда,
Я поселюсь.

Доверься мне, старик,
О камень с криком расколи пандури.
Слепым глазам не обойтись без слез.
Сопротивлялась Голоду напрасно
Твоя изнемогающая плоть.

Гела

(во сне)

Ты не способна песню побороть, —
А потому и надо мной не властна.
Ступай-ка прочь...

(Отчаянье подходит к матери)

Отчаянье

Тогда хоть ты должна
Доверить мне страдающую душу,
Дать волю накопившимся слезам,
На всю твердыню зарыдать истошно.

Мать
(во сне)

Тебе и не понять, как ты ничтожно,
Из глаз моих ты не исторгнешь слез,
Когда и сын, и муж со мною рядом,
Мне нечего страшиться смертных мук.

Отчаянье

Никто из осажденных бодрость духа
Не потерял, не дрогнул, не поник.
В них прочность веры непоколебима.
Безумцам этим, видно, не страшны
Ни меч, ни пламень медленных страданий.
Однако есть еще иная сила.
Не только истощенное растение,
Но и любое существо в цвету
Она в могилу низвести способна.
Мне нужно Жажду пригласить сюда,
А уж тогда защитники твердыни
Меня и сами пригласят к себе
И говорить со мной не станут строго.

(уходит)

Дачи
(во сне)

Что вижу я! Пустите, ради бога!

Мать
(будит Дачи)

Да что с тобой!

Дачи
(просыпаясь)

Ты, мама, не спала?

Мать

Забота в сердце слишком тяжела,
Да и какая мать себе позволит
Забиться сном, когда не спится сыну,
И на его усталое лицо
Бессонница кладет густые тени.

Дачи

Мечта о милой или провиденье
Мне подарили крылья и на миг
Перенесли из крепости в Дигоми.
Я задремал и страшную картину
Увидел вдруг.

Багровый столб огня
Над кровлей пляшет.
И мою невесту
Враг хочет вырвать у меня из рук,
И ноет рана все острее и резче.

Мать

Да обернется благом сон зловещий.

Дачи

Клянусь любую вынести беду!
Ты знаешь, мать, что я не малодушен,
Но как тоску по милой перенести?!

Мать

И от тоски спасенье тоже есть:
Ты должен верить, что придет спасенье,
Надеяться, что нас освободят.

Дачи

Не потому ли ты отводишь взгляд,
Что хочешь слезы утаить от сына
И скрыть, что нет надежды на спасенье
В душе истосковавшейся твоей.

Мать

Когда, троих утратив сыновей,
Я жить решила,
пересохли слезы
В моих глазах, должно быть, навсегда.
Чи одному из сыновей могилы
Не довелось мне вырыть.

Никого

Оплакать не пришлось, как подобает
Многострадальной матери-грузинке.
И под ярмом печали только ты
Единственный остался в утешенье.
Я делом чести для себя самой
Считала неусыпную заботу
О том, чтоб сыном своего отца
Достоин был назваться ты по праву.
И рано в этой сладостной заботе
Весенний снег на голову мою
Стал густо падать с пасмурного неба.
Украсили усы и борода
Твое лицо, и женщина другая
Влюбленным сердцем завладела властно.
Но для меня ты все такой же мальчик,
Доверчивый, беспомощный, смешной.
Хочу опять над люлькой наклониться
И сонного тебя запеленать.
Я ль не мечтала песней колыбельной
Твоих детей баюкать по ночам.
Но если мне не выпало на долю
Такое счастье, то тебе сегодня
Их песню колыбельную спою.
Усни, мой мальчик. Голову свою
Склони на материнские колени.

(Дачи снова кладет голову на колени матери)

Спи, мой мальчик! Ночь туманна,
Тишиной полна.
Иав нана, вардо нана,
Иач нанина.

Из-за тучи месяц ранний
Выглянул давно,
Блещет яхонтом в марани
Сочное вино.

(Слышится протяжный вой. Дачи поднимает голову)

Д а ч и

Да это Курша!

М а т ь

Говорят, она
От голода взбесившись,
на хозяев
Кидаться стала. Там ее сейчас,
Наверное, камнями добивают,
Чтоб со стены зубчатой бросить в ров,
Избавив помраченную от мрака.

Д а ч и

Ах, Курша, Курша! Бедная собака...

(Кладет голову на колени матери)

М а т ь

(продолжает петь)

Соловей листву платана
Будит ото сна.
Иав нана, вардо нана
Иав нанина.

Расправляет для полета
Крылышки свои
И зовет, зовет кого-то
Голосом любви.

(Слышен плач младенца. Все поднимаются. Входит мать с плачущим младенцем)

М а т ь м л а д е н ц а

О горе нам! У матери твоей
Давно уж молоко в груди иссякло.
Чем успокоить, как утихомирить
Тебя, мой ненаглядный, если грудь
Висит, как тряпка, у меня, голодной.
Животик твой молитвой да крестом
Не напитать.

От голода погибнуть
Несчастное дитя обречено.

(к Цихистави)

О, смилуйся над нами! Нету сил
Смотреть, как угасают наши дети.
Ведь неоткуда нам спасенья ждать...

Убей нас всех своей десницей или
Доверь мечи, отправь на поле боя,
И пусть нас всех в бою изрубит враг.
Что из того, что руки женщин слабы,
А лица утомленные бледны.
Пока сердца кипят священным гневом
И бодрствуют,

оружье нам вручи,
Доверь мечи и боевые латы.

М а т ь

Не поддавайся горю. В час расплаты
Мы все припомним нашему врагу.

(Обнимает, сажает ее рядом с собой)

Д а ч и

Когда-то мне казалось, что смогу
Все перенести и вытерпеть, но мука
Младенца, неповинного ни в чем,
Превыше сил моих.

Вставай же, Гела,
Давай-ка сходим по воду с тобой.

Г е л а

Ну что ж, пойдём...

(Берут кувшины и, шатаясь, уходят)

М а т ь

(к Цихистави)

Похоже, что слепой
Теперь не только Гела, но и Дачи, —
Он ставит ноги робко, как незрячий.
Прости меня! Но неужели ты
Не мог послать кого-нибудь другого.
Да ты же видишь сам, что им обоим
Пустой кувшин и то не по плечу.
Так пусть наш мальчик отдохнет немного.

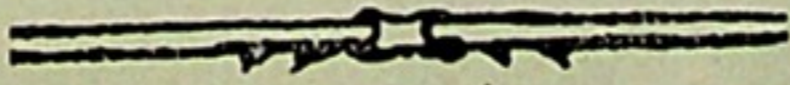
Ц и х и с т а в и

Нет никого!.. Да и к воде дорога —
Секретный ход — известен лишь ему.
А старый Гела слеп. Ни днем, ни ночью
Его глаза не расстаются с тьмой.

М а т ь

И потому ребенок бедный мой
Один за всех таскает эту воду,
Когда теперь и собственные ноги
Он еле-еле тащит по земле.
Ведь можно же послать на помощь Дачи
Кого-нибудь с повязкой на глазах.
Ведь ты всегда заботился о сыне!

Продолжение следует

Элизбар Зедгинидзе

Солнце в дороге

Перевод с грузинского
Э. Елигулашвили

Рис. Т. Самсонадзе

Агдгомела внимательно оглядел внука с ног до головы, обеими руками взял его за плечи и сильно, помолодому встряхнул.

— Молодцом вырос, — проговорил старик вполголоса. Довольная улыбка выглянула из-под седых усов и тотчас же спряталась обратно. Лицо снова стало строгим и спокойным, даже суровым.

— Решай. Гига, — Агдгомела продолжал давно начатый разговор с внуком. — Идем с отарой, нечего таким парням, как ты, зимой в деревне сидеть.

Гига — широкоплечий, коренастый юноша лет двадцати — стоял, свесив голову, и не произносил ни слова.

— Что же ты молчишь? — голос старика звучал требовательно и нетерпеливо. Агдгомела легонько ударил внука под подбородок: — Подыми голову, посмотри мне в лицо.

Что-то, словно искра, высеченная кремнем, сверкнуло в глазах юно-

ши. Сверкнуло и погасло. Но парень продолжал молчать.

«Мой характер — упрямый!» — подумал старик и повторил:

— Ты пойдешь с нами. — И нельзя было понять, спрашивает он или приказывает.

Очень не хотелось Гиге покидать родное село. Юноша стоял неподвижно, упрямо сдвинув брови. Но Агдгомела уже суетился, собирая необходимые в дороге вещи, снимал с гвоздя свою старую, выдавшую виды бурку и все приговаривал:

— Не стой, как дерево, парень, собирайся, время не ждет.

Резко повернулся Гига и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

С самого детства, сколько помнит себя, Гига живет в этом маленьком селенье, прихотливо раскинувшем пестрые домики по дну глубокого ущелья, там, где стремится свои бурные волны Белая Арагва. Извивающиеся тропинки круто взбегают вверх и теряются где-то в небе. Высокие горы нависают над ущельем с обеих сторон, их снежные вершины подпирают небосвод. И не понять — где кончаются ослепительные шапки горных пиков и начинаются сверкающие в лучах заходящего солнца облака. Сколько раз в детстве, карабкаясь по отвесным скалам со своими друзьями-однолетками, мечтал Гига о том дне, когда и он вместе со взрослыми сможет пойти по дороге, которая уводит к высокогорным пастбищам и альпийским лугам. Но не довелось до сих пор юноше осуществить свою мечту. А сейчас... Сейчас старый Агдгомела решил взять его с собой. Но сердце Гиги не радуется, оно остается здесь, внизу.

— Мама, собери мои вещи, приготовь бурку, — без особого воодушевления попросил Гига мать.

— Откуда у тебя бурка, сынок, ты ведь и с отарой еще не ходил.

Гига помедлил мгновение и решительно отрубил:

— Отцовская. Я возьму бурку отца.

— Дед берет тебя в горы?.. — Усталая, рано постаревшая женщина низко склонилась над комодом, чтобы скрыть слезы. И если бы спросили ее, отчего она плачет, вряд ли сумела бы ответить — от горя, вспомнив погибшего в войну мужа, или от счастья, нахлынувшего от сознания, что сын ее — уже взрослый мужчина.

Да, вырос у нее сын. Как-то неожиданно возмужал. Надо как следует собрать его в дорогу — в первый раз идет парень в горы с отарой. Вот и старый хурджин пришлось вытащить из сундука. Верой и правдой служил он мужу многие годы, потом несколько лет лежал без дела. Теперь пришло время послужить и сыну. Хлопочет женщина, складывает все, что может понадобится в пути — теплые носки, мягкие каламаны, брюки из шерсти молодого барашка. Сверху кладет вкусную каду, которую так любит Гига. Конечно, знает она, что у пастухов всегда вдоволь всякой еды, но разве помешает када, испеченная материнскими руками? Пусть сынок полакомится да и друзей-товарищей попотчует. Кстати, раз уж вспомнила, надо и бутылку водки в хурджин положить... Хлопочет, суется женщина, но нет-нет да и посмотрит на парня, пристально и молча уставившегося в окно, и не удержится, благословит вполголоса:

— Счастливой дороги тебе, сынок, счастливой дороги...

Медленно и неудержимо, как оползень у реки, движется отара. Впереди уверенно шагает Агдгомела. Привык старик — сколько лет водит он отары к горным пастбищам. Да и сельчанам кажется, что испокон веков так ведется — если идут колхозные овцы в горы, впереди обязательно должна быть высокая, чуть сутулая фигура Агдгомелы. Казалось, и овцы так привыкли к нему, что без него шагу не сделают. Важно идут козлы впереди баранты. Время от

времени остановятся, оглянутся назад на шумную и беспокойную отару и снова догоняют старика с тяжелым пастушеским посохом в руках, тычутся в его старую бурку:

Медленно продвигается отара вперед. Овцы щипают на обочинах дороги пожелтевшую, высохшую, невкусную осеннюю траву. Дарьяльское ущелье неприветливо встречает пришельцев. Скалы хмурят свои морщинистые лбы. Огромные камни загораживают дорогу, закрывают течение Терека, и он ревет и беснуется, натыкаясь на препятствия.

Овцы пугаются этого непонятного, и потому особенно устрашающего, рева, вздрагивают, жалобно блеют. Гига медленно шагает в этом живом потоке и думает о родном селе, что осталось внизу.

Медленно и невозмутимо идет вперед Агдгомела, ничему не удивляясь, ничего не опасаясь, ни нависших над дорогой скал, ни непокорного Терека. Кто сосчитает, сколько километров прошел старый пастух по этим дорогам — весной и осенью, вверх и обратно, на пастбища и домой, в село. Прежде сказали бы — не счесть пройденных им дорог, как не счесть овец в отаре. А сейчас?.. Попробуй, спроси его, спроси каждого пастуха — он тебе точно скажет, сколько овец у него, сколько ягнят прибавилось к весне, о каждом расскажет, назовет ласковым именем. «Да, такие времена настали. И что в этом удивительного? Свое добро — сами растили вот этими руками...» — думает Агдгомела, ведя отару вперед. Поправляет плечом бурку и, не оглядываясь, продолжает свой путь.

Не привык он еще к этой бурке. Та, старая, хоть и похуже была, но как-то приладилась к плечам, что ли, он ее даже не чувствовал. А эту только недавно подарили, весной. Тогда ему в клубе семидесятилетие справили. Все село пришло. От правления речь читали: «В связи с пятидесятилетием деятельности!! Так и сказали — деятельности!» Вообще-то Аг-

дгомела гораздо раньше стал с отарой ходить, совсем еще мальчишкой. Только, видать, те годы ему не засчитали за «деятельность», должно быть подумали — слишком мал еще был.

Агдгомела идет не останавливаясь, не оглядываясь. Для чего? Он и так все знает, все чувствует — по шуму шагов, по блеянию овец. Пройдут Ногайскую степь, обоснуются в кошарах. Тогда уж можно быть спокойным — велика степь, кормов хватит, травы там хорошие, сочные. За отару не волнуется Агдгомела. И пастухи — ребята надежные, опытные. Лишь Гига впервые идет в горы. Впрочем, и в нем уверен дед. Только чувствует — беспокоит что-то парня, мечется он, места себе найти не может.

... Идет Гига, а мысли его далеко. Он готов умчаться за ними, перелететь через горы и реки, вернуться в село, где живет Ляля. Даже в мыслях не может юноша сказать: там ждет меня моя Ляля. Он не решился признаться ей в своей любви. Столько раз собирался и не решался. Может, если сейчас перенесется к ней, скажет ей обо всем? А может, и нет. Но ему нужно, ему очень нужно видеть ее, встречать каждое утро, как зарю, провожать каждый вечер, как солнце...

Многое вспоминается юноше в пути. И все мысли, все воспоминания связаны с ней...

...В Душети ждали в гости дагестанских друзей. Гига и теперь помнит Лялю в день этой встречи. Под черными дугами бровей ясно и спокойно светились большие, затененные ресницами глаза. Девушка весело, по-детски смеялась, сверкал ровный ряд белых зубов. Длинные до пояса косы делали ее еще больше похожей на маленькую девчонку. Гига даже подумал тогда: а может, это не та Ляля, которую он видел на ферме? В строгом белом халате, она несла тогда ведро с молоком и столкнулась в дверях с ним. Девушка разругалась от работы, из-под ко-

сынки выбивалась на лоб непокорная прядка волос. Такой ее увидел Гига в первый раз, такой запомнил.

А в Душети она была совсем другой — нежной, легкой, праздничной. Они приехали для встречи гостей из Дагестана. Их машина остановилась на площади, украшенной памятниками Важа Пшавела и Даниэла Чонкадзе. Здесь собралось много народу со всего района. Красные галстуки пионеров трепетали на ветру, как маки на лугу.

Приветственные возгласы огласили площадь. Стремительно развернувшись, одна за другой останавливались машины с гостями. К ним подбежали ребяташки с цветами, окружили грузинские колхозники. Среди них была и Ляля. Гига издали следил за девушкой, которая, высоко подняв букет цветов, пробиралась к машинам. Первым из гостей показался высокий худощавый мужчина. На его смуглом лице грозно топорщились усы. Брюки были заправлены в сапоги. На голове красовалась высокая мохнатая папаха.

Из-за его широкой спины смущенно выглядывала красивая девушка-лезгинка с большими, как у горной лани, глазами. Ляля улыбнулась девушке, как давней подруге, но не успела передать ей цветы: ее решительно отстранил седой круглолицый старик с толстыми губами. Он широко, приветливо улыбнулся и крикнул:

— Здравствуйте, друзья! Гамарджобат, мегобребо!

Встречавшие одобрительно зашумели. Как видно, гость очень гордился своим знанием грузинского языка и произведенным эффектом. Он поднял руки над головой и приветственно зааплодировал. Толпа дружно и весело захлопала в ответ. Ляля протянула свой букет, но старик обернулся и вытащил из машины юношу в сером пиджаке, накинутом поверх вышитой рубахи:

— Вот, девушка, знакомьтесь: наш знаменитый пастух из аула Чоха Рамазан Алиев.

Рамазан широко улыбнулся, заметив смущение Ляли, взял у нее из рук букет и прижал к груди. Гига видел все это, видел улыбку приезжего юноши и то, как вспыхнули огнем щеки Ляли. Он не стал ждать ее и решительно выбрался из толпы.

Вечером гостеприимные хозяева устроили для гостей банкет. Шипящий шашлык сменялся острым и горячим хинкали. Свежая форель, казалось, была принесена на стол прямо из Арагви.

Тамада с чашей в руке предложил тост за гостей. Дружно выпили хозяева. Поднялся Рамазан, чтобы поблагодарить за внимание. Выслушав его, все стали просить:

— Песню! Песню!

Тут же, неизвестно откуда, появилось и пандури, и протяжный грустный напев зазвучал над внезапно затихшим столом. Девушка-лезгинка пела:

Засыпаю в тоске, просыпаюсь в тоске,
Ах, доколе дружить мне с слезами.

«Не отдам я тебя никогда, никому!»—

Говорит мне любимая мама.

Мама, мама, ты лучше добро береги,

А меня не держи, не держи...

Если только любимый меня позовет,

Мое сердце к нему побежит.

Черноглазая девушка, допев песню, оглядела примолкших соседей, озорно откинула косу с плеча и неожиданно заиграла веселую плясовую. Тотчас же повеселели все, захлопали в такт. Кто-то из приезжих крикнул:

— Выходи, Рамазан, покажи, как у нас в Дагестане плясать умеют.

Рамазан не стал отказываться. Все встали из-за стола, образовали круг. В руках одного из гостей, затрепетав, тихо вздохнула гармонь. Потом вдруг запела весело, заразительно, словно радуясь, что наконец освободилась из длительного заточения. И полилась задорная мелодия лезгинки.

Медленно, плавно, на носках обошел круг Рамазан, выискивая себе партнершу. Раскинутые в стороны

руки напоминали крылья орла, который парит высоко над горами. Рамазан подошел к тому месту, где стояла Ляля, и легким поклоном пригласил ее. Запылали девичьи щеки, девушка смущенно стала отказываться, но кругом возмущенно зароптали:

— Выходи, Ляля, неудобно отказывать гостю!

Девушка вышла в круг и поплыла, не оглядываясь на парня, не видя никого вокруг. А Рамазан старался вовсю. Он пускался вприсядку, подпрыгивал и сразу же становился на носки, как кинжал, воткнутый в землю.

Не смог утерпеть Гига. Вихрем ворвался в круг, пригнулся, проскочил под рукой юноши и, выпрямившись, очутился между Лялей и Рамазаном. Часто взмахивал он руками, словно требовал: «Скорей, музыка, скорей, поспевай за мной!»

Но внезапно замолкла гармонь. Зашумели люди. И нельзя было понять, что звучало в этом шуме — одобрение лихому танцору или осуждение за его несдержанность. Недоуменно остановился Гига, глянул кругом и улыбнулся Рамазану, словно хотел попросить у него извинения...

На широкую долину пали сумерки. Посерело небо. По нему быстро бежали облака, как дымы неведомых костров.

Агдгомела остановился, посмотрел назад, на отару, далеко растянувшуюся по дороге. Небо опустилось низко и словно давило на усталые плечи земли. Старый пастух прислушался к жалобному блеянию, который подняли овцы, видимо, предчувствуя непогоду. Скоро вся отара превратилась в беспокойный поток. Овцы били копытами землю, тыкались головами друг в друга. «Их не заставишь замолчать, — думал Агдгомела, присев на большой камень. — Овцы, как грудные дети: услышат, как заблеет одна, и все за нею крик поднимают». Агдгомела не

мог слышать этот жалобный крик. Он сидел, опершись на посох и горестно свесив голову. Казалось, старик боялся увидеть в глазах пастухов безмолвный упрек и потому не глядел на них. Хоть и знал — он ни в чем не виноват.

Старый пастух вспомнил свое детство. Вот он в первый раз отправился вместе с отцом на пастбища и тогда впервые услышал этот душевраздирающий крик. Так кричит овца, когда она голодна.

Длинной чередой проносились воспоминания. Вот он совсем еще юноша, сильный, смелый. Да, пожалуй, тогда ему трудно было найти равного. В памяти всплыло, как он привел в свой дом молодую жену Тамару. Как трудно ему было в первый раз покинуть ее, сколько слез пролила жена, да и он, помнится, прощаясь, стоял отвернувшись, чтобы не показать постыдной для мужчины слабости. Сколько лет прошло с тех пор?.. Постарела Тамара. Теперь уже все село зовет ее — бабушка. Просто «бабушка», без имени, словно она и впрямь для всех них родная бабушка. Но и теперь, провожая мужа в горы, не может не всплакнуть Тамара и исподтишка не перекрестить его. Да и ему приходится все силы собирать, чтобы знали все — не так уж постарел Агдгомела, может еще сдерживать слезы, не опозориться на людях. Сколько лет прошло, сколько нового принесла жизнь, а к расставанию с женой он не привык. К этому нельзя привыкнуть.

Не может стать привычным и крик отары. «Опять падут овцы, убыток колхозу», — думает пастух и облизывает пересохшие губы. Обеими руками опирается он на свой старый, верный посох, опустив голову на руки. И кажется всем, что старый Агдгомела решил отдохнуть. Пусть думают: вздремнул старик после тяжелого пути, собирается с силами. А он, хоть и с закрытыми глазами, все видит, все знает. Слышит, как возятся овцы, отфыркиваются, хрустят сухой травой.

Придется здесь заночевать. На небе — ни звезд, ни луны. Это хорошо. Если осенью небо звездное — ожидай заморозков. Зато такие ночи, как сегодня, — мягкие, теплые. Облака, как одеялом, укутывают землю. «А это что за повизгивание?» — старик прислушивается и подымает голову.

— Цыц, Бабрия, молчи! — прикрикнул он на собаку, которая стоит перед ним, махая хвостом и скуля. Морда у Бабрии совершенно черная, как эта ночь, а вся она белая, лохматая. Правда, шерсть у нее стала желтеть — видно, и к собаке пришла старость.

— Не поняла, что я сказал: молчать! — Агдгомела делает вид, что сердится, хотя прекрасно знает — собаку не обмануть, она понимает каждое его слово, чувствует каждую интонацию. Бабрия срывается с места и, деловито труся, обегает всю отару. Потом снова возвращается к своему хозяину, словно докладывает: «Кругом все спокойно, звериного запаха не слышно, отара укладывается спать. Пора бы и нам», — сворачивается калачиком и ложится у ног Агдгомелы.

На черном фоне неба смутно вырисовывается фигура Гиги. Юноша стоит и думает свою думу. О чем его мысли, его мечты? Конечно, о Ляле. И чудится Гиге, что он переходит по мосту через Белую Арагву, стремящую волны в теснинах Млетского ущелья. Вдруг до него доносится женский крик. В пучине вод он замечает бледное лицо и белую руку, поднятую вверх с мольбой о помощи, о спасении. Стремглав бросается парень в волны и выносит на берег Лялю. А потом... Потом Ляля вместе с женами и невестами других пастухов провожает его до околицы и спрашивает: «Ты когда вернешься, Гига?» — «В мае», — отвечает он. — «Я буду тебя ждать».

Так мечтает Гига. Он верит — Ляля будет ждать его. Он стоит на огромном просторе Ногайской степи и думает о том, как придет весна.

Туман окутал Ногайскую степь. Агдгомела рад. Ибо знает — овца любит туман, потому что он размягчает сухую осеннюю траву, делает ее приятнее на вкус. Доволен старый Агдгомела. Седой, белобородый, величественный, как сошедший на землю бог, идет он с пастушьей палкой в руке и с огромной папашой на голове. Следом бежит старая Бабрия и скулит. За ней залаяла Тареша, потом Кедана. Отчего они воют? Знает пастух — дурной это знак, не к добру. Но что может грозить отаре? Он пытается разглядеть хоть что-нибудь в тумане, но там ничего не видно — пустота... А собаки устали на эту мутную белую пелену и воют.

— Цыц, Бабрия! — кричит пастух.

— Тареша!

— Кедана!

Но собаки не умолкают. С соседних кошар сбежались пастухи, растерянные, перепуганные.

— Что с вами? — спрашивает их Агдгомела.

— Наши собаки воют, не переставая!

— И наши!

— И наши!

Взволнован Агдгомела, он не может понять, к чему все это. Но он здесь самый старший, самый опытный и потому старается говорить спокойно:

— Не бойтесь, все будет в порядке. Только держитесь поближе от кошар — может выпасть снег.

Туман рассеялся, стало светлее. Небо отступило ввысь, стало холодным и бледным.

* * *

Распогодилось. Утро рассвело тихое, теплое. Высокие облака играют с солнцем в прятки — то закроют сплошной пеленой так, что ни один лучик не падает на землю, то разбегутся, и выглянет солнышко, чистое, умытое, радостно улыбающееся.

Агдгомела выпустил отару из загона. Овцы теснились в нешироком проходе, толкались, рвались на свободу, а выбравшись, бежали впри-

прыжку, догоняя друг друга и резвясь, как школьники на перемене. Только ягнята-полугодки оставались в кошаре. Молодняк нельзя было брать дальше — они не вынесли бы мороза, да и траву раздобыть из-под толстого снежного покрова им было бы нелегко. В кошаре оставался Гига с товарищами.

Подул легкий ветер. Старый пастух определил его направление, повернулся к нему спиной и тронулся в путь. Так они и шли — впереди, чуть пригнувшись, втянув голову в плечи, Агдгомела, за ним — раскинувшаяся во всю ширину дороги колхозная отара, а последним, вдогонку, летел, сметая все на своем пути, ветер. Агдгомела был доволен — ветер сбросит снег, обнажит траву, и будут овцы сыты. Он даже напевал что-то про себя, и его песня сливалась с вольным напевом ветра, летящим над степью.

За полдень ветер усилился. Теперь он сердито толкал в спину Агдгомелу, рвался вперед, оставляя за собой и пастуха, и его отару. Ветер дул к северу. Агдгомела пытался вернуть отару, но не смог — резкие порывы хлестали овец, стоило им повернуть головы, засыпали глаза снежной пылью, застилали дорогу. Словно тысяча невидимых, но крепких рук властно направляли отару за ветром.

Агдгомела сгибался под сильными порывами ветра. Бурка облепила тело, она вся побелела от снега, стала мокрой, тяжелой. Овцы испуганно жались к ногам, ветер подхватывал их и волок за собой в белое месиво. Даже Бабрия и Тареша — огромные мохнатые овчарки — не могли противостать могучему напору. Верные собаки не забывали о своем долге, боком, каким-то необычным шагом обегали они отару, стараясь сбить ее потеснее, толкали овец грудью, жалобно повизгивали.

Степь шумела. Огромные, стремительно вращающиеся снежные воронки напоминали танцоров, приподымающихся на носки и стремящих-

ся взлететь вверх. Ничего не мог Агдгомела рассмотреть сквозь вихрь, только коленями чувствовал тепло сгрудившихся вокруг овец. Даже многолетний опыт, выработавший безошибочное чутье, не мог подсказать пастуху, куда влекло ветром его отару — в сторону сухих песков или к морю.

Внезапно ветер ненадолго утих, снежные тучи осели на землю, словно для того, чтобы дать возможность вожаку осмотреться вокруг. Вот столпились, опустив головы к земле, замерзшие овцы. Вот старая Бабрия обессиленно свернулась калачиком, словно ей надоела бесцельная борьба с ветром. Но вдруг почувяла что-то, прислушалась, вскочила на ноги и побежала с озабоченным видом. Видит Агдгомела и черномордого барана, которого сам выкормил молоком из бутылки. С тех пор он, как собачонка, всюду бегаёт за своим хозяином. А теперь смотрит на него, и кажется старому, что он читает в его глазах и укор, и надежду.

Чудится Агдгомеле, что овцы кричат о помощи, и угрозами отвечает им степь. «Только бы не упасть, выдержать!» — говорит себе старик. Знает он, что стоит ему на минуту дать волю слабости, пасть духом, — тотчас же разбежится отара, развеется по степным просторам колхозное добро, доверенное ему, Агдгомеле.

— Гига, где он сейчас, — думает пастух. — Знает ли о нашей беде. Впрочем, даже если и знает, где ему найти нас в этой сумятице.

Старик решает передохнуть немного, переждать остервенелый натиск снежного бурана. Пригибает колено, потом второе, сгибается почти до самой земли, так что его мохнатая папаха виднеется почти вровень с бараньими спинами. Но не унимается ветер, гонит отару вперед. Страшно пастуху — в такую погоду можно и самому замерзнуть, и овец растерять. Как же он сможет посмотреть в глаза односельчанам, председателю колхоза, самому секретарю

райкома, который приезжал на его день рождения и так хорошо говорил о нем. Губы Агдгомелы шепчут:

— Боже! Защитник и спаситель наш в горе и в несчастье, спаси наше стадо, не дай ему погибнуть...

Не унимается ветер, дует все сильнее. И упрямо подымает голову старик, натягивает папаху на самые брови и подымается. Ветер сбивает с ног, пригибает к земле, но Агдгомела наклоняется против ветра, чуть не ложится на него и снова подымается. Крепко сжимает тяжелый посох рука, и уже не шепчет старик, а говорит громко, почти кричит, и нельзя понять, к кому относятся его слова — к овцам или к нему самому:

— Ничего! Ветер не может дуть вечно. Он уляжется и тогда... Тогда все будет в порядке. Нам не дадут погибнуть. Тогда все будет хорошо. — Агдгомела смотрит в снежную тьму, словно глаза его хотят разглядеть там хоть одну живую душу, но нет никого вокруг, некому протянуть руку помощи измученному, замерзающему старику. «Только бы не упасть!» — повторяет он. Но от усталости подкашиваются ноги, слабеет рука, посох уже не может поддерживать его. Агдгомела падает, бурка топорщится черным неподвижным холмом в сумятице ветра и снега. А овцы отстают от отары, их уносит к северу, и они пропадают там, в белой неизвестности.

* * *

Взволнован Гига, ходит беспокойно из угла в угол. Где сейчас Агдгомела? Почему не возвращается?..

Когда снежные тучи разразились бураном, Гига загнал молодняк в кошару. Шумят ягнята, бегают, тычутся носами в дверь загородки, стараясь вырваться на волю. Завидев Гигу, начинают блеять жалобно и беспомощно. А что может сделать молодой пастух? Был бы рядом дед — научил бы, помог. Гига открывает дверь, с трудом преодолевая бешеный напор ветра, и выходит, пригнувшись, в снежную сумятицу.

Возвращается с большой охапкой сена в руках, бросает ее на пол, отряхивает снег с шапки, топает сапогами. Ягнята со всех сторон налетают на сено, но, попробовав, отступают обратно. Не нравится сухое сено — что им до того, что страшный буран бушует за дверью! Они привыкли к мягкой, сочной траве. И снова подбегают к дверям кошары, стараясь своими крутыми безрогими лбами пробиться на волю.

Опять выбегает молодой пастух на двор. Снежные крылья бурана бьют в лицо. Но Гига прикрывает лицо полкой отцовской бурки и смотрит на восток — не видно ли просвета.

По часам — уже время обеда. Небо сумрачное, темное, по нему не разберешь — день сейчас или ночь. Гига беспокоен. «Что случилось? Почему не возвращается дед? Потерял дорогу или...» Гига старается успокоить себя: и не в такие переделки попадал Агдгомела, но всегда находил выход.

Старик любил вспоминать, как однажды, после бури, на сотни метров затопило берег коварное Каспийское море. Огромные волны несли с собой бревна, поломанные доски, даже лодки срывали с привязи и тащили на сушу. Агдгомела с отарой пересидел на холме, а потом шел по колена в воде, словно библейский пророк, прокладывая дорогу посохом. Долго вспоминали об этом случае, а Агдгомела выслушивал все рассказы о своем подвиге и с гордостью говорил: «Ни одной колхозной овцы не потеряли тогда. Так-то, дети мои: старый конь борозды не испортит!»

Неужели он и теперь не выберется из этой заварухи.

«Нельзя было отпускать старика, — думает Гига. — Впрочем, кто мог подумать...»

Гига снова выходит из кошары. После света и тепла беспросветная тьма кажется особенно неудобной. В степи стоит вой. Каково же там Агдгомеле — одному в единоборстве с ветром, лицом к лицу со сплошной стеной снега.

— Что с тобой? — спрашивают пастухи Гигу, когда он возвращается.

Гига молча кивает за дверь, туда, где в путанице снежных вихрей находится Агдгомела с колхозной отарой.

Ребята смеются:

— Агдгомела! Он и нас, молодых, за пояс заткнет!

Но в этом смехе чувствуется затаенное беспокойство. И Гига молча натягивает папаху, засовывает в сапоги солому для теплоты.

— И я с тобой, — поднимается его товарищ.

— И я! Я тоже!

— Всем нельзя, — говорит Гига. — Кто-то должен и здесь оставаться. Хватит двоих. — В его голосе не слышно сомнений и колебаний. Он говорит решительно, как его дед. Товарищи не спорят.

Выйдя из кошары, Гига, не раздумывая, направляется по ветру — он знает, отара будет именно там. Он первый раз здесь, но знает, куда надо идти — опыт многих поколений у него в крови, о многом он знает от Агдгомелы.

Ветер не унимается. Он набрасывается на путников, пытается сбить их с ног, но потом затихает ненадолго, собирая силы для нового натиска. Буран ослабел, но продолжал бесноваться, как обессиленный зверь.

Гига шел, выставив вперед плечо, словно для того, чтобы разрывать им плотную завесу. Другой пастух следовал за ним шаг в шаг. Долго шли они. На небе в разрывах облаков показались первые звезды. Внезапно Гига нагнулся к земле: там лежала, свернувшись калачиком, спиной против ветра, овца. Огорченно ругнувшись, Гига схватил ее за рога и одним взмахом вскинул на плечи. Товарищ тронул его за локоть. Говорить он не мог — ветер забивал рот мокрыми, липкими пригоршнями снега. Гига взглянул на него и все понял: овца замерзла, тащить ее не имело смысла. Надо было идти даль-

ше. Шагов через сто их внимание привлекла еще одна замерзшая овца. По черной отметине на морде, по крутым, тремя витками закрученным рогам узнал Гига любимца Агдгомелы. «И этот!» — подумал он, не задерживаясь.

Из-под снега, наметенного толстым слоем, торчал знакомый посох старого пастуха. Рядом, под стоящей торчком буркой, лежал Агдгомела, а к нему тесно прижалась всем телом старая Бабрия.

Гига бросился к деду, схватил за плечи, встряхнул, приложил ухо к его груди.

— Вставай, дедушка, вставай, — молил Гига.

Старик молчал. Но из-под седых усов тонкой, еле заметной струйкой вырывался пар: Агдгомела был жив.

Гига подхватил его на руки, прижал к груди и понес. Он не знал, в какую сторону надо идти, чтобы скорее добраться до людей, не знал, где ждут замерзающего старика свет и тепло. Юноша только хотел поскорее вынести старика из этого ада. И он упрямо шагал вперед. А рядом с ним бежала старая Бабрия.

* * *

— К нам, товарищ, заходи в комнату, — гостеприимно приглашал грузинских друзей пастух-лезгин.

Гига бережно положил Агдгомелу на разостланную в углу бурку. Хозяин взял со стола бутылку, плеснул на согнутую ладонь и стал растирать Агдгомеле грудь и виски. В очаге весело гудел огонь. Но старик ничего не слышал, ничего не чувствовал.

— Дедушка! — с отчаянием звал Гига, но старик не приходил в себя. Тогда юноша выбежал во двор и вернулся с полными руками снега...

Наконец старый пастух глубоко вздохнул и открыл глаза. Только теперь Гига смог ответить хозяину, которых не в первый раз спрашивал его:

— Откуда вы?

— Из Душети.

— О, Душет—наш давний друг,—

обрадовался лезгин. — Я из Гуниба, мы к вам часто ходили.

— Как овцы?—внезапно спросил слабым голосом Агдгомела.

— Ну, теперь все в порядке,—обрадовался Гига.— Дед вспомнил про баранту — значит, все в порядке.

Внезапный порыв ветра качнул огонь в очаге. Открылась дверь, и показался еще один из здешних пастухов.

— За чем пожаловали, грузины,—спросил он. — В чем нужда?

Гига молча показал в угол.

— Откуда гость? — громкий, раскатистый голос юноши звучал решительно и уверенно.

— Душетцы.

— Ого, далекий гость занес нам ветер. Ба, да это ведь Гига, не так ли?

— Здравствуй, Рамазан! Я тоже сразу узнал тебя. Только ветер и снег благодарить не за что: всю нашу отару разогнал, да и наш вожак чуть совсем не замерз...

Рамазан подошел к Агдгомеле, который уже спокойно спал, прислушался к его ровному дыханию и сказал:

— Не бойся. Этот старик еще десять лет с отарой будет ходить вниз-вверх. А за баранту не беспокойся—мы нашу степь вот так знаем, помогать будем, — и Рамазан протянул раскрытую ладонь, сильную, трудовую.

Гигу с приятелем пригласили к столу:

— Выпьем по рюмочке за дружбу!

Скоро все сидели за столом, как старые приятели, встретившиеся после долгой разлуки. Мирно потекла неторопливая беседа.

— Жена привел, Гига? — спросил Рамазан.

— Нет еще.

— Что ждешь? Весна?

Взгрустнулось Гиге, вспомнилось родное село, Ляля. Думает ли она о нем?

И словно отвечая на его сокровенные мысли, Рамазан сказал:

— Ты и Ляля—очень хорошо, один и один — семья будет.

Улыбнулся Гига, горячая кровь залила ему щеки. Взяв со стола стакан, он поднялся:

— Выпьем за наше братство! Будем с тобою братьями, Рамазан.

— Выпьем,—ответил тот.—Много братьев — много радости, много силы, много счастья. Только не забудь: позови не позови, а я на ваша свадьба приду.

Агдгомела уже проснулся. Он не сразу понял, почему оказался в этой незнакомой комнате. Но внезапно все происшедшее вспомнилось ему и он простонал:

— Овцы, Георгий, овцы! Не дай им погибнуть!.. — Впервые назвал он внука полным именем, словно признавая, что он стал взрослым, настоящим пастухом.

Гига встал, накинул бурку, взял дедовский посох, поудобнее перехватил его, как будто пригоняя к своей руке.

— Лежи спокойно, дед. Все будет сделано.

Грузинские и дагестанские пастухи молча и деловито собирались в дорогу, словно все было уже давно решено между ними. Старый Агдгомела приподнялся на локте и внимательно следил за внуком.

— Мы пошли, дед! — сказал Гига.

— Счастливого пути! — ответил Агдгомела.

Черный полог неба подернулся по краю алой полоской занимающейся зари. Буран отступил, улегся. Вставало солнце нового дня.

Агдгомелу собирали в дорогу с радостью, заботливо усадили в кабину грузовика рядом с водителем. Старик опустил стекло и высунул голову, хотя врачи перед отъездом предупредили, чтобы он оберегался простуды. Ах, эти врачи! Сколько времени мучили они его, пока решили встать с постели. Впрочем, что он, старый ворчун, жалуется. Если бы не эти врачи — вообще не встал бы на ноги Агдгомела. Они

приезжали из далекого дагестанского аула в пастушью хижину, где он два месяца лежал под присмотром Рамазана. И вот сейчас он едет в родное село. За ним из колхоза машину прислали — какой почет!

«Отдохни несколько месяцев, — говорят, — ты заслужил это!» Он-то хорошо знает, что не идти ему больше впереди отары с посохом вожака в руках. Не те годы. Сил меньше стало, колени ослабли, да к тому же еще этот случай в ногайской степи. — Весь обморозился, воспаление легких получил, еле выходили его. Нет, чует сердце, в последний раз видит он эту дорогу. Сколько раз ходил он знакомым путем через горы от Душети к Ногайской степи и обратно. Казалось, с закрытыми глазами мог пройти из конца в конец. А теперь вот глядит из быстро мчащейся машины — и все представляется новым незнакомым.

Узкие ущелья, сердито насупленные горы, крутые тропы — прощайте! Прощай, грозный Дарьял, бурный Терек. Здесь и небо как будто не такое, как внизу, — светлее, чище. И солнце необычно большое, — словно и оно посылает прощальный привет старому пастуху, навсегда обгоревшему под его лучами. Солнце блеснуло в ветровом стекле машины, брызнуло в глаза, ослепило.

Нахмурился Агдгомела то ли от солнца, то ли от горестных мыслей: «Коротки отныне мои дороги, а солнце... Солнце пусть светит Гиге. Хороший парень вырос».

Мчится машина. В стремительном, четком ритме убегают назад белые придорожные камни. И так же быстро уносятся мысли: «Пастухом будет внук, вожаком, таким же, как дед. А может, еще и лучше деда. Конечно, лучше. Такая теперь молодежь: смелая, отважная, да и ученая вдобавок. С первого же раза попал парень в такую передрагу. Но не оробел! Из конца в конец исходил он степь, по которой бураном разбросало баранту. То на плечах нес обмерзших овец, то за ноги тащил,

а собрал отару, спас колхозное добро. Теперь и ему, Агдгомеле, не так стыдно в глаза председателю глядеть. Правда, и урон есть — этого он себе никогда не простит.

«Нет, постарел ты, Агдгомела, не ходить тебе больше с отарой. Устали ноги, не таким зорким стал глаз, ослабли руки. Пусть теперь молодежь походит. Хорошие ребята выросли», — так думает старый пастух. Шоферу кажется, что задремал его пассажир, укачало старика или свежий ветер сморил после болезни. Но не спит Агдгомела, тихо бормочет он:

— Долгой, счастливой дороги вам, дети, и пусть солнце всегда освещает ее...

Быстро несется вперед машина. Позади осталось Дарьяльское ущелье. Скоро покажется Белая Арагва. А там родное село, дом — его Тамара стоит на пороге и прислушивается, не зашумит ли на дороге машина. Шумной толпой высыпали навстречу внуки, только Гига не встречает деда — он, как полагается взрослому мужчине, сейчас с отарой. Агдгомела гладит ребячьи головки, целует Тамару и сердито ворчит:

— Ладно, ладно, чего уж там. Видишь — живой, здоровый, теперь плакать не надо.

Медленно подымается он на крыльцо, входит в свой дом, садится у очага на старое бревно, задумчиво смотрит на огонь.

— Теперь ваше все на свете, весь мир ваш. Растите, дети!

Пройдут месяцы. И снова, в конце мая, все село выйдет за околицу — встречать возвращающихся с отарой мужчин. Здесь матери и сестры, жены с грудными младенцами на руках. Неугомонные дети давно убежали навстречу родным. Старики уселись отдельно и степенно беседуют о погоде, о новостях в газетах и старых временах. Среди них и Агдгомела. Он украдкой оглядывает пеструю

толпу женщин и, разглядев Лялю, удовлетворенно улыбается в усы. Девушка вся покраснелась от смущения, но никто вокруг не удивляется: так и следует, невеста должна встречать жениха.

Вот на Млетском спуске показалась туча пыли, потом широкая белая река выплеснулась на дорогу и неудержимым потоком хлынула вниз. Отара прошла мост над Арагвой, и тогда все увидели — впереди с тяжелым посохом в руках уверенно шагает Гига.

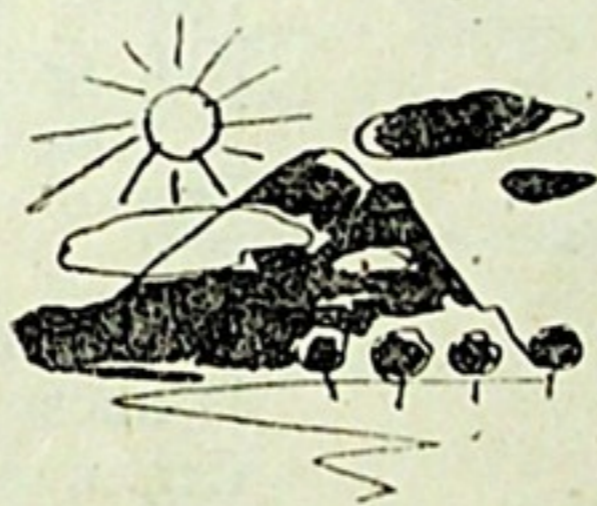
Обрадованные женщины стайкой бросились навстречу. Вот и Ляля, не удержавшись, бросается на грудь

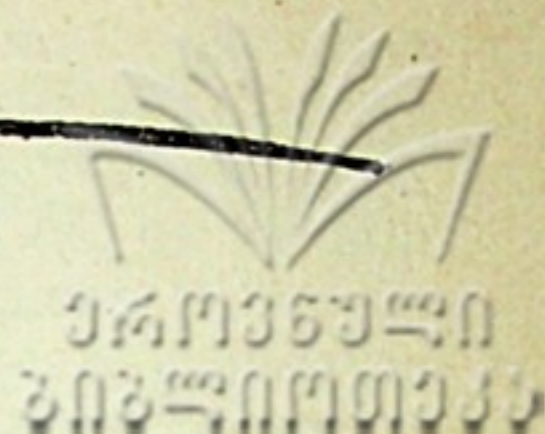
Гиге. Старики не трогаются с места—молодежь должна сама подойти к старшим. Но Агдгомела не может скрыть счастья и повторяет:

— Пусть солнце светит вам в дороге, дети мои!

Гига подходит к деду, скидывает с плеч бурку. Они обнимают и целуют друг друга крепко, по-мужски. Агдгомела хлопает внука по спине и говорит:

— Молодец, парень, хорошим пастухом можешь стать, если лениться не будешь. Только знаешь что? — спрашивает он неожиданно: — Не забудь Рамазана на свадьбу позвать. Я ведь тогда все слышал!

НОВЫЕ СТИХИ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

Реваз Асаев

СЛОВО О ГРУЗИИ

Песню сложил на рассвете я,
Сказочней быть в ней, чем небыль:
Солнцем вершины Осетии
Красит грузинское небо.

Грузия сорокалетняя
В нынешних буднях чудесных,
Бури октябрьской наследники,
Вам посвящается песня.

Песню пою о народе я,
Слушаю звуки чонгури.
Песню пою я о родине
«Витязя в тигровой шкуре».

Склоны пою я нарядные,
Лес этот утренний, влажный,
Бусы пою виноградные —
Солнце на бусинке каждой.

Руки пою мускулистые,
Что за работу взялись.
Слышу в Осетии близкое
Сердцебиенье Тбилиси.

Добрыми были соседями
Вечно грузин с осетином,
Счастьем делились и бедами,
Стали народом единым.

Песня несется над юными
Рощами

И над горою,
Вторят ей струями-струнами
Реки — Лиахва с Курою.

Здесь, над садовыми тропами,
Как фонари, мандарины.
В землю по горло закопаны,
Тяжко вздыхают кувшины.

Песня взлетит над долиною
И засверкает за лесом
Стали руставской лавиною
Или лучами Храмгэса.

Реки-клинки нелокорные —
Мчатся от моста до моста.
Поднято озеро горное
Полным бокалом для тоста.

Будто монетку подбросили
Ловкими пальцами в воздух —
В небе луна.
Ну а в озере
Блещут форели да звезды.

Сороковое цветение
Грузии
Песней украсьте,
Песней о партии Ленина —
Сердце победы и счастья.

ВОЛГА

О, Волга! По-русски спокойна,
Светла, как России судьба.
Здесь плесы тихи и привольны,
Как небо, вода голуба.

То катишь во всей своей мощи
Крутые валы без конца,
То древние волны наморщишь,
Как складки на лбу мудреца,

То вдруг голубыми коврами
Ты под ноги ляжешь стремглав.
То чистыми вспыхнешь огнями,
Седые века обогнав.

О, Волга! За ход твой неспешный,
За русский твой нрав и за труд
Тебя так сурово и нежно
Здесь Матушкой-Волгой зовут.

Но в дни, когда мирный твой берег
Стонал, обожженный войной,
Ты так мне напомнила Терек
Крутой, неприступной волной!

Перевод с осетинского А. Кронгауза

Вано Цховребов

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ МАСТЕР

Перевод с осетинского Э. Иодковского

Есть на свете мастера
корабельные,
есть на свете мастера
колыбельные...
Со славой дружен мастер корабельный,
По всем морям его суда плывут.
А что такое мастер колыбельный?
Большое ли искусство нужно тут?
Он делал люльки, делал колыбели,
простые, как начало всех начал,
и матери над ними песни пели,
и проливали слезы по ночам...
А сыновья росли. Они мужали,
родителей учились уважать

и становились взрослыми мужчинами,
и приходили к мастеру опять...
А мастер снова делал колыбели,
над ними он трудился весь свой век,
он знал и верил: для великой цели
в просторный мир приходит человек!
Есть на свете мастера
корабельные,
есть на свете мастера
колыбельные...

Хаджи-Мурат Дзудцати

* * *

Перевод с грузинского Г. Павловской

В ореховых деревьях за окном
Шумит порывистый и влажный ветер мая.
Скользит луна, то прячься, то всплывая,
Меж туч, бегущих в небе грозном.
Я вижу девушку за праздничным столом.
В ее руке — старинный рог с вином;
В глазах — живая боль воспоминанья.
Она поет — и, затаив дыханье,
Внимают гости песне о былом.
О, этот блеск горячих черных глаз,
Монгольских скул румянец золотистый!
О, этот голос, искренний и чистый,
Мечты и слезы пробудивший в нас!
И кажется, что девушка пришла
Из прошлого,
из древнего преданья.
Как будто все сама пережила —
И битвы, и народные страданья,
И скорбь аланов, и набег врагов...
Все воплотила в звуках песни страстной,
И в жизнь мою вошла из тьмы веков
Так неожиданно и властно.
Шумит листвою ветер за окном.
Притихли гости, девушке внимая.
Скользит луна, то прячься, то всплывая,
Меж туч, бегущих в небе грозном.

Навстречу XXII съезду КПСС

«Основным звеном дальнейшего развития всего сельского хозяйства, базой быстрого роста животноводства является ускоренный подъем производства зерна. Валовое производство зерновых культур увеличится в течение двадцатилетия более чем в два раза, а их урожайность — удвоится. Значительно увеличится производство пшеницы, кукурузы, крупяных и зернобобовых культур».

(Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза)

Махиял Давиташвили

Зерна жизни

О Ч Е Р К

Я хочу поговорить о кукурузе, о самых обыкновенных кукурузных зернах, с которыми каждый житель грузинского села знаком с колыбели.

Время открыло новые, поистине гигантские возможности кукурузы. Это чудесное растение заслуживает того, чтобы говорить о нем вновь и вновь, разъяснять и раскрывать его огромные преимущества и особые достоинства.

Кукуруза уже давно служит нам верой и правдой, но она будет служить вдесятеро лучше, если мы не на словах, а на деле возведем на трон «королеву полей»! Вряд ли, дорогой читатель, вы взяли в руки этот номер журнала натошак: вы, вероятно, уже позавтракали, пообедали или поужинали. Ели сациви, или чахохбили, сыр или масло, пили молоко. Знаете ли вы, что эти продукты появились на свет не без участия кукурузы? Даже в бумаге этого журнала присутствует кукуруза, точнее ее продукт — крахмал.

Мы редко задумываемся над тем, откуда берется столько продуктов, чтобы накормить «семью» в двести с лишним миллионов человек. Но партия заботится об изобилии продуктов ежедневно и ежечасно, добивается того, чтобы всего у нас было вдоволь. Для этого надо, чтобы наша страна ежегодно получала: зерна — четыре миллиарда двести миллионов пудов, мяса — тридцать миллио-

нов тонн, молока — пятьдесят миллионов тонн. Эти горы важнейших для населения продуктов мы получим в кратчайшие сроки лишь в том случае, если теснее подружимся с кукурузой. Кукуруза — это продовольственное и техническое зерно, самый урожайный, самый выгодный, самый лучший корм для скота. Со сказочной щедростью платит эта культура за внимание: нет в мире более урожайного и более универсального растения!

Сейчас кукуруза становится основой роста нашего животноводства. Она является лучшим средством повышения удоев, отличным кормом для свиней и овец, гарантией увеличения яйценоскости птицы. Вместе с тем кукуруза все шире применяется в пищевой, текстильной, бумажной промышленности, в металлургии, медицине и других областях хозяйства и культуры. С продуктами ее переработки мы встречаемся на каждом шагу, хотя порой даже не подозреваем этого. Кукуруза, как вездесущая добрая фея, присутствует в многопудовых бумажных рулонах и в изящных дамских туфельках, в колбасе и конфетах, в пудре и стрептомицине, в аскорбиновой и глютаминовой кислотах, в растительном масле, в спичечных головках; из кукурузы производят по крайней мере полтора десятка полезных и ценных продуктов.

И даже вылущенный кукурузный по-

чаток — сущий клад: при переработке кукурузных кочерыжек получают глицерин, глюкозу, ванилин, пластмассы. Сжечь тонну кочерыжек — значит пустить по ветру 270 килограммов мяса, или 1 620 литров молока, или 8 тысяч яиц! Ведь тонна кукурузных початков дает двести семьдесят килограммов кормовых дрожжей, а килограмм дрожжей позволяет получить килограмм мяса, или шесть литров молока, или три десятка яиц.

Кукуруза — культура древняя. Недаром говорят: цивилизация Азии была основана на рисе, Европы — на пшенице, Америки — на кукурузе. Многие народы прославили кукурузу в мифах и легендах. Но за всю многовековую историю возделывания этой культуры от нее брали только зерно, а это очень ограничивало зону выращивания кукурузы, потому что урожай полноценного «сухого» зерна она дает лишь в относительно теплом климате.

На советских полях древняя культура обрела свою настоящую молодость. Сейчас она — от верхушки до корня — целиком идет в дело; в северных областях, где зерно не успевает вызреть, она служит прекрасным кормом для скота, особенно в виде силоса.

В Грузии кукурузу возделывают так давно, что многие до сих пор считают ее исконно грузинской культурой. Это неверно: кукуруза — американское растение. В Перу кукурузу, или маис¹, находили в катакомбах, построенных 2—3 тысячи лет назад. Маис считали священным растением; в храме на озере Титикака перуанцы ежегодно приносили его семена в жертву богу солнца. В Мексике первый стебель посвящали богине плодородия. Кукуруза имела столь большое значение в жизни индейцев, что ее обожествляли. Рисунками с изображением кукурузы индейцы украшали свои жилища и храмы.

У индейцев до сих пор сохранились древние сказания о кукурузе. В поэме Лонгфелло «Песнь о Гайавате» кукуруза воспевается в образе юноши Мондамина.

...И не кончилось лето,
как во всем великолепье,
в дорогом своем уборе,
в золотистых мягких косах,
встал высокий стройный маис.
И воскликнул Гайавата
в восхищении: «Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!»

Первыми европейцами, которые увидели посевы кукурузы, оказались испанские мореплаватели. Это было в

ноябре 1492 года, когда каравеллы Христофора Колумба пристали к острову Куба.

В Европу кукуруза была завезена в XV веке; она упоминается в архивных документах г. Севильи, датированных 1500 годом. В XVI веке маис появился в Африке, Китае и Малой Азии. Он стал быстро распространяться повсюду, в особенности в местах с благоприятным климатом; в Европе это были страны, прилегающие к Средиземному морю. Маис называли «испанским хлебом», «итальянским хлебом», «турецкой пшеницей»; сербы называли его «кукурузой».

Из Турции, через Румынию и Бессарабию, кукуруза перебралась в Россию. Здесь она вначале не пользовалась успехом, поскольку богатые черноземные земли русского юга давали хорошие урожаи пшеницы и ячменя. Интерес к ней возник позднее, когда усилилось засорение полей сорняками, главным образом овсюгом, который кукурузе не страшен.

На Кавказ кукуруза пришла из Малой Азии. В Грузию первые семена ее попали в середине XVII века; существует мнение, что завезли их сюда лазы с берегов Средиземного моря. Сперва кукуруза появилась в Западной Грузии, где стала теснить гоми и просо, затем перешла и в Восточную Грузию. В словаре Сулхана-Саба Орбелиани, составленном в 1675—1678 годах, уже имеется слово «симинди» — грузинское название кукурузы.

В середине XIX века в Западной Грузии кукуруза была уже главной зерновой культурой. В 1862 году грузинская кукуруза получила похвальный отзыв на всемирной выставке, и Англия закупила ее на миллион золотых рублей. В 1895 году только через Потю ее было вывезено за границу более чем на десять миллионов пудов.

Грузинский народ полюбил кукурузу. Он назвал ее «асламази», что означает «стократно прекрасная», имея в виду, конечно, не только привлекательный внешний вид ее стройных стеблей, увенчанных султанами соцветий, но и ее продовольственные и кормовые достоинства.

Кукуруза не раз выручала людей из беды в трудные времена засухи и неурожая. Ее зерно шло на крупу и муку, высушенные початки — на топливо, стебли — на корм скоту. И что только не произрастало у крестьянина вместе с кукурузой: тыква, арбуз, соя, фасоль...

И в далеком прошлом грузинские крестьяне выращивали относительно непло-

¹ М а и с — по-индейски — кукуруза.

хне урожаи кукурузы. В грузинских селах вас, должно быть, не раз потчевали такими вкусными блюдами, как кукурузная каша — гоми или лепешка мчади с сыром сулгуни. Многие грузины, особенно в деревнях, предпочитают мчади пшеничному хлебу.

Да, кукуруза — подлинная королева полей, заслуживающая самого высокого почета!

В Кремле, в квартире-музее В. И. Ленина среди разнообразной и многочисленной литературы есть книга «Восстановление хозяйства и развитие производительных сил юго-востока РСФСР, пострадавшего от неурожая 1921 г.», изданная во время голода в Поволжье государственной общеплановой комиссией Совета труда и обороны. На обложке написано рукой Ильича: «Кукуруза с. 33, 35». Читая эту книгу, Ленин обратил особое внимание на кукурузу, как высокоурожайную, засухоустойчивую культуру. На 33-й странице он отметил данные об урожайности кукурузы. На 35-й почти целиком подчеркнул абзац, рассказывающий о хозяйственной выгоде разведения кукурузы. Против слов «...зарекомендовала себя своей устойчивостью к суровым климатическим условиям района, и, в особенности, как засухоустойчивое растение...» отметил на полях: «—обратить особое внимание». Слова «...неумение использовать получающееся зерно, которое не находит употребления в пищу населению» подчеркнуты, и против них на полях стоят три вопросительных знака...

По всей вероятности, именно тогда у Ленина зародилась мысль о кукурузе как о действенном средстве борьбы с неурожаем. В октябре 1921 года Владимир Ильич писал Г. М. Кржижановскому в письме «Для всех членов СТО»: «...Преимущества кукурузы (и фасоли) в целом ряде отношений, видимо, доказаны. Раз это так, надо принять меры более быстрые и более энергичные. Особое значение имеет то, что семян надо в 10 — 15 раз меньше обычного.

Это, казалось бы, решающее соображение.

Надо тотчас постановить, чтобы все количество кукурузы, необходимое для полного засева всей яровой площади во всем Поволжье, было закуплено своевременно для посева весной 1922 года.

Для достижения цели надо рядом с этим:

1) выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и обучения крестьян культуре кукурузы при наличных скудных теперешних средствах;

2) спешно обсудить, можно ли най-

ти практические средства и пути для того, чтобы при наличных условиях крестьянского хозяйства, быта и привычек ввести в пищу людям кукурузу».

Вооруженный идеями Ленина, решениями январского Пленума Центрального Комитета партии наш народ достойно оценил и возвысил кукурузу — «мать изобилия». Повсеместно растут площади кукурузных полей, ширятся ряды мастеров зеленых квадратов.

Большим другом кукурузы, мастером организации сельскохозяйственного производства наш народ справедливо называет Никиту Сергеевича Хрущева. Просто и в то же время образно определил заслуги товарища Хрущева в развитии кукурузоводства в СССР председатель колхоза имени Кирова Кореновского района Краснодарского края Т. К. Третьяков в своем письме к Никите Сергеевичу:

«Кукурузу справедливо связывают в народе с Вашим именем, с Вашими трудами. И верно: это Вы, Никита Сергеевич, дали ей путевку в большую жизнь... Пришло время, когда кукуруза должна играть самую первую скрипку в сельскохозяйственном оркестре. Она — мать колхозных богатств. Думаю, что кукурузу, эту «королеву полей», можно сравнить с ракетой, которая выведет нас на высокую орбиту коммунистического изобилия, поможет быстрее обогнать Америку».

Большой вклад во всенародное дело вносят грузинские кукурузоводы. В третью весну семилетки они засеяли кукурузой значительно большую площадь, чем в предыдущем году. Советские передовики сельского хозяйства республики Закавказья вслед за январским Пленумом ЦК партии бросило клич: «Королеве полей» — зеленую улицу!»

Вопрос о кукурузе не случайно встал с особой остротой сейчас, в дни напряженной борьбы за мощный подъем сельского хозяйства республики, как и всего сельского хозяйства страны.

Было так, и это не секрет, что расширяя виноградники, сады, плантации ценных субтропических культур, грузинские колхозы и совхозы несколько ослабили внимание к кукурузе. На январском Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что Грузия, специализируясь, в основном, на производстве ценных южных культур, должна внести свой вклад в производство и таких основных продуктов питания, как хлеб, мясо, молоко. Десять миллионов пудов зерна должна засыпать в этом году Грузия в государственные закрома. Обычно она сдавала 5—6 миллионов пудов, а с 1958 года была вообще освобождена от хлебопо-

ставок. Ни одного килограмма зерна в прошлом году и десять миллионов пудов в нынешнем — таково соотношение цифр. А впереди еще более грандиозная задача: к концу семилетки увеличить объем продажи хлеба до 15 миллионов пудов!

Кто же сотворит такое чудо? Кукуруза! Поля этой замечательной культуры занимают у нас сотни тысяч гектаров, но средний урожай не превышает 15 центнеров с гектара, хотя отдельные передовики, звенья, бригады, колхозы получают в несколько раз больше. Благоприятные почвенные и климатические условия республики наши кукурузоводы используют из рук вон плохо. В Грузии можно и нужно собирать по 60 центнеров кукурузного зерна не на отдельных участках, а на больших площадях. Именно такую цель и указал нам Пленум ЦК: получить на каждом из 60 000 гектаров не менее 60 центнеров кукурузы в зерне.

Только на этих высокоурожайных площадях колхозы и совхозы республики вырастят в нынешнем году 22 миллиона пудов кукурузы, что обеспечит производство 102 000 тонн мяса (в прошлом году Грузия произвела 86 000 тонн). К этому прибавится урожай остальных 300 000 гектаров посевов.

Это богатство, конечно, не придет к нам по мановению руки. За большой урожай грузинские кукурузоводы вели большую борьбу.

Первый ее этап — сев — грузинские кукурузоводы провели успешно. Уход за посевами — этап не менее важный. Если не провести вовремя прореживания, культивации, не внести удобрений, — не быть хорошему урожаю! Именно из-за нарушения этого золотого правила у нас терялась львиная доля урожая, а там, где вообще забывали об уходе, — к сожалению, бывало и так — и вовсе теряли урожай. В прошлом году у нас, например, оставили без внимания около 34 000 гектаров кукурузы, предназначенной на зерно. Поздно провели культивацию и на многих других площадях. Итог был грустный — 13 центнеров с гектара...

На январском Пленуме, Закавказском совещании передовиков сельского хозяйства нас заслуженно критиковали за этот промах. Но не только строго критиковали, но и заботливо, дружески учили. «Кукуруза, — сказал Никита Сергеевич Хрущев, — издавна возделывается в республике, и мы вправе ждать от кукурузоводов Грузии больших достижений в деле получения высоких уро-

жаев зерна кукурузы и зеленой массы».

Кукурузных районов Грузии много — трудно указать на карте республики место, где их нет. Познакомимся ближе с двумя такими районами — Гурджаанским и Телавским. Здесь нынешней весной побывал Никита Сергеевич Хрущев.

Представьте себе район, где площади под кукурузой увеличились с 1 559 гектаров (в 1953 г.) до 3 093 гектаров (в 1960 г.); где средняя урожайность зерна в 1960 году составила 29,3 центнера против 15,9 центнера в 1953 году; где в нынешнем году поля кукурузы расширились до 3 700 гектаров, а среднюю урожайность зерна решено довести до 47 центнеров с гектара. Знаменательные цифры, не правда ли? И этот район не Зугдиди, не Абаша или Гали, где кукуруза издавна чувствует себя «как дома», — это Гурджаанский район, родина благословенной виноградной лозы. Сейчас этот район по развитию животноводства показывает пример многим районам республики. В прошлом году гурджаанцы продали стране сверх плана десятки тонн молока и мяса, сотни тысяч яиц; годовые надои молока на корову они подняли за несколько лет до 1 696 килограммов с 330 в 1953 году. Они завоевали переходящее Красное знамя ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР.

Свои успехи в развитии животноводства гурджаанцы связывают с кукурузой, с ее активным, рациональным использованием. Рядом с великолепными виноградниками здесь дружно соседствуют прекрасные кукурузные поля.

Каждый раз, когда речь заходит о кукурузе в Гурджаани, невольно вспоминается один резерв увеличения производства кукурузы...

Прошлой осенью, в горячие дни сбора винограда, нам довелось побывать в Алазанской долине. Были мы, разумеется, и в сердце этой долины — в гурджаанских селах. Шел октябрь — пора увядания; желтые, коричневые, бурые краски царили кругом. Только на черных массивах пробивались первые ростки свежей озими. Обычная картина осени. И вдруг перед нами открылся лес темно-зеленой, широколистной кукурузы, с мощными стеблями и молочными початками. Руку поднимешь, и то не дотянешься до вершины стебля. Нам показалось, что сейчас лето, а не осень; разве может осенью расти кукуруза? Но она росла!..

На Закавказском совещании передовиков сельского хозяйства отмечались серьезные успехи гурджаанцев — потомственных виноградарей — и в развитии животноводства.

Как же случилось, что типично вино-

градарский район, не обладающий большими земельными угодьями и естественными пастбищами, вдруг стал примером для многих районов в развитии животноводства? Может, гурджаанцы нашли какой-нибудь клад? Да, они нашли его. Это — пожнивная кукуруза.

Пожнивные посевы... Эти слова вот уже несколько лет вошли у нас в широкий обиход и сейчас их знают, пожалуй, не только земледельцы и животноводы.

В июне поспевают озимый ячмень, а в конце июня — начале июля и озимая пшеница. Освободившиеся после жатвы площади засевают кукурузой — остающегося до сева озимых культур времени хватает, чтобы вырастить ее. Для этого на Алазани прекрасно сочетаются все условия — тучные черноземы, много тепла и солнца, достаточное, за редким исключением, количество влаги. Сама природа, кажется, дала гурджаанским земледельцам все для того, чтобы земля родила не один, а два раза в год.

Еще в 1957 году гурджаанские колхозы собрали два урожая зерновых с площади 600 гектаров. Это позволило заложить дополнительно шесть тысяч тонн силоса, а следовательно, получить дополнительно 3 000 тонн молока. В 1959 году пожнивные посевы кукурузы заняли 3 370 гектаров. В нынешнем году эта площадь будет расширена до 4 000 гектаров.

С каждым годом совершенствовалось и мастерство кукурузоводов. В 1957 году каждый гектар пожнивной кукурузы дал 100 центнеров кукурузы в стадии молочно-восковой спелости, в 1958 году — 150, в 1959 году — 200, а в 1961 году намечено получить в среднем по 250 центнеров початков и стеблей с гектара.

Сейчас каждый колхозник хорошо знает, что пожнивные посевы равносильны освоению с малыми затратами труда и средств многих тысяч гектаров земли, что они значительно пополняют кормовые ресурсы. Кроме того, пожнивные посевы помогают очистить поля от сорняков и создают хорошие условия для урожая следующего года.

У гурджаанцев нет целины в прямом, обычном значении этого слова. Почти все земли давным-давно распаханы, разве только небольшие участки на склонах гор, покрытые кустарниками, могут быть освоены и превращены в культурные земли. Но и они уже «заняты» — предназначены под виноградники, которые дают материал для прославленных на весь мир кахетинских вин.

Вот почему в гурджаанских селах о пожнивных посевах, позволяющих получить полноценный урожай двух куль-

тур в год на одной площади, с гордостью говорят: «Это наш клад, это наша целина».

Найденный гурджаанцами клад помог им осуществить мечту Климентия Аркадьевича Тимирязева о том, чтобы земля родила два стебля, два кукурузных початка там, где рос один.

На Алазани и раньше выращивали кукурузу, но сеяли ее мало — здешние крестьяне предпочитали озимую пшеницу. Сейчас площади всемогущей «королевы полей» раскинулись на тысячи гектаров. Выполняя волю партии, волю народа, гурджаанские колхозники решили собрать в этом году с каждого из 2 000 гектаров весенних посевов по 60 центнеров зерна.

Есть в районе особенно умелые мастера-кукурузоводы. Из них прежде всего я назову колхозников села Чумлаки. На 180 гектаров посевов здесь получили по 60 центнеров зерна. Показатели отдельных бригад еще выше: например, бригада Георгия Руадзе на 10 центнеров превысила среднюю урожайность кукурузных полей колхоза, а механизатор Захарий Арчевнишвили, осуществив комплексную механизацию на своем участке, вырастил на каждом из 100 гектаров по 75 центнеров зерна. Центнер кукурузы обошелся ему лишь в 1,2 трудодня!

Эти мастера высоких урожаев, маяки сельскохозяйственного производства, как назвал таких людей Н. С. Хрущев, указывают путь к образцовой организации труда на полях, путь к обильному урожаю.

...С председателем чумлакского колхоза имени Калинина Валико Утиашвили я отправился в поле, к механизаторам. С этим коренастым, среднего роста, рано поседевшим человеком я познакомился на Закавказском совещании передовиков сельского хозяйства в Тбилиси. Он хорошо знает и обширное, многоотраслевое хозяйство артели, и каждого колхозника. Его земляки — чумлакцы, говорят, что особенно деятельным он стал после встречи с Никитой Сергеевичем Хрущевым в соседнем селе Качрети.

— Да, товарищ Хрущев со мной беседовал, — рассказывает мой спутник, не скрывая радостного возбуждения. — Да ведь не только со мной, многим нашим колхозникам довелось с ним поговорить... С некоторыми, наверно, вы сегодня познакомитесь. По душам говорил, по-деловому. Очень внимательно осмотрел нашу кукурузу, похвалил. Одобрил работу колхоза, пожелал новых успехов.

Вокруг меня шумело изумрудное море. По календарю — начало июня, а кукуруза — по пояс человеку! Это не ме-

шает механизаторам проводить культивацию вдоль и поперек; квадраты посева здесь точные, как шахматные клетки.

В этот день я преисполнился уверенности, что чумлакцы обязательно добьются успеха.

Вот и участок Захария Арчевнишвили, лучшего мастера комплексной механизации. Свою профессию Захарий стал изучать после окончания сельской школы-семилетки. Любовь к избранному делу, страстные поиски нового определили успехи молодого механизатора. Сейчас он возделывает кукурузу уже на 150 гектарах и намеревается собрать по 110 центнеров зерна.

— А получите? — спрашиваю я его, имея в виду засуху нынешней весны.

— А как же! — опередив Захария, отвечает председатель. — Неужели сомневаетесь? Видите, какие поля!.. Если природа нас обидела, так Закро ее перехитрил — два раза уже прокультивировал свой участок. А это ведь, знаете, «сухой полив», он действует не хуже естественного.

По соседству с участком Арчевнишвили работает знатный полевод Давид Мгебришвили. И здесь такая же отрадная картина — широкое поле покрыто могучей зеленой порослью.

Бригадир внимательно осматривает растения, поправляет наклонившиеся стебли.

— Посмотрите, какой густой цвет, какие крепкие стебли, какие большие листья! — радостно улыбаясь, говорит председатель. — Ни дождю, ни ветру их не свалить!.. Как думаешь, Давид?

— Да, пожалуй, что и так, — отозвался довольный бригадир.

— Значит, выполнишь обязательство? — спросил председатель, и в глазах его засияли лукавые искорки.

— Выполню, — серьезно сказал Давид. — По два стебля в гнезде, сорок тысяч на гектаре... Если на каждом стебле будет хоть один початок, он даст 200 граммов зерна. Значит с гектара получим по крайней мере восемьдесят центнеров зерна, двести-триста центнеров стеблей на силос. Главное мы уже обеспечили, а с уходом не подведем.

Уверены в большом успехе и Георгий Руадзе, и Илья Чигондзе, и Давид Ортоидзе, и Михаил Мазанашвили, и Ио-

сиф Миндорашвили, заслужившие славу мастеров высоких урожаев кукурузы.

— Когда речь у нас зашла о том, в чем «секрет» успехов наших «кукурузных гвардейцев», — говорит председатель, — то Ксения Парменовна Чипашвили, наш агроном, ограничилась лаконичной фразой: «В дружбе с агротехникой». Ну, я тут, конечно, добавил: «И с агрономом Чипашвили»... Она у нас женщина толковая, недаром ей звание заслуженного агронома дали... Все ее советы нашим полеводам на пользу шли. Наука — великое дело, без нее вслепую будешь работать. Для многих еще у нас в Грузии собрать 60 центнеров кукурузы с гектара — событие, а наши товарищи, как видите, по 80 и 100 центнеров хотят собирать!

Слушая председателя, я думал: глубоко, видно, запали в сердца колхозников слова главы Советского правительства: «Вы, кахетинцы, успешно могли бы развивать без ущерба виноградарству кукурузу. Земля у вас замечательная, плодородная, в большинстве своем орошаемая. «Королева полей» пойдет там на славу...»

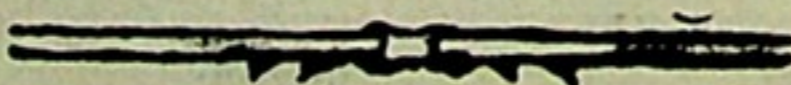
В колхозе села Курдгелаури соседнего Телавского района я увидел такие же ровные зеленые квадраты, такие же чистые междурядья. В ответ на мою похвалу кукурузоводам председатель артели Гервасий Цхададзе, участник январского Пленума ЦК КПСС сказал:

— Спасибо надо сказать Никите Сергеевичу Хрущеву. — И рассказал о том, как дорогой гость, осматривая колхозные поля, заметил:

— Хорошие квадраты. Только на некоторых участках сильно разрослись сорняки, надо ускорить культивацию.

— Крепко это всех нас задело, — улыбаясь, добавил Цхададзе. — Ведь старались, пололи, а все-таки не доглядели. А секретарь ЦК, глава правительства посмотрел — и сразу заметил. Тут уж, видите, ни травинки, кажется, нигде не оставили...

Новый, небывалый урожай зреет на грузинских полях. Чудодейственная сила кукурузных зерен, названных в народе зернами жизни, ускоряет наш выход на высокую орбиту коммунистического изобилия.

«Главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связей с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед».

(Из проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза)

Гурам Гвердцители

Герои и современность

Органическая, кровная связь современной жизни, ее явлений и их художественного осмысления — одна из тех существенных, определяющих сторон литературы, без которых попросту невозможно представить себе ее существование. И не случайно из глубины веков до наших дней сохранили свою ценность только те произведения, в которых с большой художественной силой отразился дух современности.

Поскольку для литературы жизнь во всем ее многообразии сконцентрирована и отражена в человеке, в центре внимания писателя не может не находиться современный человек со всеми его переживаниями, мыслями, чувствами, стремлениями.

Советская литература по-новому ставит как проблему связи с современностью, так и вопрос создания образов положительных героев. Все это во многом обусловлено тем первоначальным материалом, которым наша действительность питает нашу литературу.

Если положительные герои литературы критического реализма были противопоставлены официальной идеологии и морали, уродливым тенденциям жизни, то советская литература раскрывает высокую сознательность масс, силой художественного слова борется за окончательное торжество принципов, лежащих в основе жизни советского общества.

Советская литература является страстным пропагандистом современной жизни, ибо общественный и эстетический идеалы ее не имеют почвы для проти-

воречий. Мы подчеркиваем это, поскольку нет-нет, а приходится слышать, что гармоничность, дескать, противопоказана литературе, основным пафосом ее является-де если не конфликт с жизнью, то уж во всяком случае неудовлетворенность ею. Подобные «литературоведческие» соображения находятся на вооружении ревизионистов, и нам они глубоко чужды.

Решительный отказ от теории бесконфликтности ни в коем случае не означает, что надо искусственно создавать конфликт между литературой и жизнью. Смысл этого требования в другом: советская литература не должна стыдливо обходить противоречия, которые реально существуют в жизни. Ее цель — отражать конфликты смело и последовательно, играя тем самым большую положительную роль в их своевременном преодолении и разрешении.

Не только на ранних этапах развития нашего общества, но и сегодня, когда встал вопрос о формировании человека нового, коммунистического общества, нельзя сказать, что мы уже можем прекратить борьбу против целого ряда отрицательных, унаследованных от прошлого сторон психологии человека. С эгоизмом, собственническими устремлениями, моральной неустойчивостью и другими, завещанными прошлым или «контрабандой прокравшимися» из современного буржуазного мира свойствами и качествами человеческой психологии у нас пока еще не покончено. И кто, как не наша литература, призван

силой своего художественного воздействия сыграть большую и благородную роль в деле окончательной ликвидации этого «принудительного» наследия.

Но основное призвание советской литературы все же состоит в том, чтобы со всей полнотой и художественной силой представить нашего современника во всем богатстве его духовного мира, показать мысли и действия, стремления и цели, чувства и переживания строителя коммунизма.

В нашу эпоху создается и формируется человек будущего. Многие стороны коммунистического характера уже проявляются в поступках и поведении наших лучших передовых людей, и советская литература обязана первой подмечать и отражать процесс формирования нового человека. Из этих отправных положений вытекают и задачи литературной критики. При оценке литературного произведения она исходит из критерия правильности, правдивости и полноты раскрытия в каждом отдельном случае основной тенденции жизни, учитывает, насколько убедительно воссоздана в художественном произведении современная жизнь, насколько глубоко раскрыт духовный мир нашего современника — советского человека.

Проблема взаимоотношений литературного героя и современности, являющаяся центральной проблемой советской литературы и литературной критики, остро ставит перед нами много вопросов.

В этой статье, не претендующей на анализ всех основных аспектов проблемы, мы хотим остановить внимание читателя лишь на одном основном вопросе — процессе создания образа современника или, как часто говорят, положительного героя, и проследить его эволюцию на сегодняшнем этапе развития советской литературы.

Спор о том, каким должен быть герой советской литературы, начался с первых же дней существования нашей литературы и продолжается по сей день. Проблема положительного героя стоит в центре внимания советской литературной критики начиная с двадцатых годов, когда от литературы требовали показа «живого человека», до сегодняшнего дня. В этом нет ничего удивительного не только потому, что создание художественного образа современника, показ положительного героя, является первейшей задачей советской литературы, но и потому, что в течение более чем четырех десятилетий менялась и развивалась сама жизнь, а вместе с нею и человек. В силу этого на разных этапах проблема героя-современника получала новую интерпретацию.

Если даже просто вспомнить основные этапы нашей жизни, героев тех дней и соотнести их с художественными образами в литературе, сразу станет ясным различие между ними. Герои «Разгрома» А. Фадеева, Чапаев и его соратники из романа Д. Фурманова раскрывают психологию героев гражданской войны; образы М. Шолохова и К. Лордкипанидзе — Давыдов и Тарасий Хазарадзе, Майданников и Маргвеладзе — рисуют людей эпохи коллективизации; герои «Цемент» Ф. Гладкова — Глеб и Даша Чумаловы, герой «Этаж» П. Чхиквадзе — Георгий Гигаури знакомят нас с характерами людей — строителей индустрии молодого советского государства. Вспомните целую галерею образов в романах, написанных на темы Отечественной войны, героев литературы послевоенного периода, — все они сродни друг другу, близки своей безграничной преданностью социалистической Родине.

В состоявшейся несколько лет назад дискуссии о проблеме положительного героя среди наших критиков и литературоведов наметились две тенденции — сторонникам «лакировочной» литературы противостояли те, кто требовал для «оживления» героя снабдить его недостатками и пороками. История литературы ясно показывает ошибочность обеих этих «теорий». Достаточно назвать хотя бы образ Давыдова из «Поднятой целины» Шолохова. В грузинской прозе роман Лео Киачели «Человек Гор» по сей день остается одним из лучших произведений, написанных на тему Отечественной войны. Художественная убедительность образа Бату Кардуа, думается, несколько не уменьшается из-за того, что он не удовлетворяет требованиям схемы «героя с изъяном». Бату Кардуа, опытный пастух, простосердечный сын грузинской деревни — привлекает своим благородством, глубоким сознанием долга перед родиной. Он так же просто и героически жертвует собой, как проста и героична была вся его жизнь. Нас глубоко волнует, но ничуть не удивляет самопожертвование Бату; героический поступок его вытекает из характера, который убедительно нарисован писателем.

В тесных рамках вышеупомянутых схем не уместятся и герои романа Демны Шегелая «Красный мак», который также является одним из значительных произведений об Отечественной войне в грузинской литературе. В этом согретом лиризмом произведении мы находим образы, несущие большую художественную правду, раскрывающие замечательный характер советских людей, их гуманизм.

Астамур Матакерия привлекает внимание чистотой чувств, удивительно мягким, чутким отношением к другу и мужественной ненавистью к врагу. И несмотря на то, что он не «оживлен» какими-либо недостатками, Астамур — один из самых живых художественных образов современного советского человека.

Чтобы еще нагляднее был ошибочный характер требования — непременно «оживлять» литературного героя «хотя бы одним недостатком», мы хотим здесь же привести одно сопоставление.

Акакий Белиашвили — мастер грузинской советской прозы. Его исторические романы, как и произведения, написанные на тему современности, свидетельствуют о способности писателя проникать в суть явлений, создавать типические образы, волновать и увлекать читателя. Не стерлись в памяти и повести Акакия Белиашвили на молодежную тему, акцентировавшие проблему воспитания и формирования нового человека, проблему не только значительную, но и сложную. Однако все это вовсе не исключает возможности ошибки в творчестве писателя. По нашему мнению, А. Белиашвили допустил такую ошибку в своем романе «Перевал». Ошибку эту обусловила позиция, которую писатель занял в упомянутой нами литературной дискуссии.

А. Белиашвили принял в дискуссии непосредственное участие. Он откликнулся на нее сначала статьей, где поддержал группу участников обсуждения, которая в борьбе против безжизненных, «идеальных» образов фактически вообще зачеркивала сильный, возвышенный характер героя советской литературы, а в качестве замены предлагала героя противоречивого или, во всяком случае, наделенного каким-либо недостатком и слабостью.

За статьей последовал роман «Перевал», в котором писатель отстаивал свою литературную и теоретическую позицию.

В этом произведении, посвященном Отечественной войне, очень мало положительных образов. Писатель с одинаковой заинтересованностью изображает как воров, дезертиров, людей аморальных, так и тех, кто, не жалея сил и жизни, добивался победы. Возможно, нам возразят: ведь и те и другие действительно были в жизни, и писатель имел право дать их художественные образы. Верно, но в произведении должна быть ясно выражена основная тенденция жизни нашего народа в годы войны. Судя же по этому роману, читатель почти не в состоянии разобрать, в чем было главное значение войны, — в том ли, что она со всей ясностью и отчетливостью доказа-

ла силу духа советского человека и его безграничный патриотизм, или в том, что она сделала очевидным существование темных элементов в нашем обществе.

Ошибочность позиции писателя ясно видна и в принципах воплощения образа положительного героя. Центральный герой романа — Давид Бекая должен был показать всю силу советского человека, противопоставляться всему скопищу действующих в романе отрицательных героев. Но если при изображении отрицательных героев разоблачительный пафос звучит в романе во всю силу, то в показе положительного героя ясно проступает боязнь утверждающего пафоса, автор старается быть подчеркнуто равнодушным к своему положительному герою. Право на подобное ответственное заявление дает нам все творчество А. Белиашвили, ибо писатель в других своих произведениях, написанных как до «Перевала», так и после него, больше нигде не высказывает такого отношения к образам современников. И это подтверждает нашу убежденность в том, что позиция искусственного упрощения образа положительного героя не является для писателя органичной.

Жизнь доказала, что и на современном этапе развития нашего общества люди не свободны от внутренней борьбы и противоречивости характера, и литература не только имеет право, но обязана показать наших современников и под этим углом зрения. Однако для того, чтобы оказать идейно-эстетическое воздействие на читателя, подобные образы должны нести отпечаток большой жизненной правды.

В этом смысле поучительно обратиться к роману Тины Донжашвили «На Алазани». Со всей искренностью и прямотой в нем показаны не просто недостатки, а те болезненные стороны жизни, которые, несомненно, давали о себе знать в период, описанный писательницей.

Т. Донжашвили не уклоняется от изображения недостатков, которые проявились в нашей жизни в послевоенные годы.

Много интересных художественных образов создано в романе. В образе Гедеона Барамидзе, одного из центральных героев произведения, Т. Донжашвили показывает, как может переродиться даже честный по природе человек, когда он теряет способность ощущать и видеть здоровую тенденцию действительности и противопоставляет свои интересы интересам народа.

Самая большая заслуга писательницы состоит в том, что в романе дана целая галерея положительных образов совре-

менников, которые противопоставляются всяким Перадзе и Демуришвили и раскрывают подлинную природу нашего общества, основу его могущества.

Весьма сложен и противоречив образ центрального героя романа — Закро Сикмашвили. Мы становимся свидетелями полной испытаний жизни героя, с волнением следим за ним в минуты серьезной опасности, когда ему грозит отрыв от народа, от коллектива. Читатель не может не полюбить этого человека, обаятельного, мужественного, искреннего, щедрого сердцем, и напряженно следит за развитием действия, ибо судьба Сикмашвили не безразлична ему. Читатель сочувствует Закро, подпавшему под влияние Гедеона Барамидзе. И никому не придет в голову упрекать писательницу за такое «осложнение» характера героя, потому что слабости Закро Сикмашвили, его ошибки совершенно свободны от какого-либо конструирования и искусственности.

Роман «На Алазани» написан местами неровно, в некоторых случаях автор упрощает явления и характеры, порою нарушает развитие действия, заменяя его своими декларациями. Но, несмотря на эти и ряд других недостатков, роман силен своей жизненной правдой, значительностью изображенных явлений, той искренностью и прямоотой, с которыми писательница показывает судьбы наших современников.

Итак, как мы видели, грузинская проза, как и вся многонациональная советская литература, достаточно убедительно рисует образы героев с различными характерами и психологией. И несомненно, что только те герои способны взволновать читателя, образы которых отмечены великой правдой жизни.

На Втором всесоюзном съезде писателей была дана правильная оценка предсъездовской дискуссии, отмечены односторонность и ограниченность сообщений как той, так и другой стороны.

После съезда все чаще стал звучать лозунг о необходимости изображения в литературе жизни простых людей. Правильность термина «простые люди» не может вызвать сомнений. Все зависит от содержания, которое вкладывается в него. Когда под простыми людьми подразумевается многомиллионная армия советских людей, охваченных творческим энтузиазмом, данный термин совершенно оправдан. Если писателю удастся увидеть в простой, на первый взгляд, жизни таких людей всю красоту нашей современности, в деталях быта раскрыть духовный мир рядовых трудящихся, то он, несомненно, правильно понимает требование, которое предъявляет жизнь к литературе...

И в грузинской прозе большинство произведений написано именно с этих позиций. Вспомним хотя бы маленькие рассказы Эдишера Кипиани, скажем, миниатюру «Ее руки». В этом рассказе нет ничего необычного и особенного. Но мы с интересом читаем миниатюру потому, что автор с большой теплотой раскрывает перед нами красивую и благородную душу простой девушки-ткачихи.

Но не все писатели верно восприняли призыв к созданию художественных образов «простых людей». Некоторые в ответ на него начали искусственно упрощать героев. В советской литературе, в частности, в грузинской прозе, появились произведения, в которых жизнь наших современников лишена всего интересного, яркого и возвышенного. Увеличилось число героев, бесцветный быт которых описан так же бесцветно и неинтересно. Таковы некоторые рассказы, напечатанные на страницах грузинских литературных журналов и газет (большая часть таких произведений принадлежит молодым авторам). Остановим внимание на рассказе Арчила Сулакаури «Половодье».

Грузинский читатель с большим интересом встретил рассказы А. Сулакаури, который ранее был известен только как поэт.

Заглавие рассказа «Половодье» символично: в первую очередь оно подразумевает тот разлив новой жизни, который потопил не только старую жизнь с ее лачужками и ветхими мельницами, но и старые отношения между людьми, их образ жизни. Именно этим чувством непобедимости и красоты примечателен рассказ.

Мы знакомимся с бытом сверстников автора, проведшего детство на берегах Куры, с историей жизни рыбака Ладо, который теперь рушит дом, где когда-то разрушилась его жизнь. Писатель интересно рассказывает эту историю, нас порой даже волнует горькая судьба Ладо, его семейная трагедия. Однако автор не только не раскрывает причину его трагедии, но даже и не ставит этого вопроса: он рассказывает только о событиях и даже как будто намеренно старается отвлечь читателя от главной проблемы. Но если мы все же присмотримся повнимательней, то, думается, станет ясно, что в превратностях собственной жизни виноват в первую очередь сам Ладо.

Жизнь выбросила Ладо за борт, наказав за инертность и пассивность.

Если быть беспристрастным и не поддаваться элегической ноте повествования, придется признать, что автор ошибся, выразив свое сочувствие Ладо и по-

нуждая нас к тому же. Это не гуманизм, он не имеет ничего общего с великим гуманизмом классической литературы, маленькие герои которой, растоптанные социальной несправедливостью, вызывают наше искреннее сочувствие. Здесь причина несчастий героя коренится только в пассивности его характера, и, стало быть, очень мало оснований сочувствовать ему.

Некоторые авторы, ссылаясь на необходимость создания образов «простых» людей, рисуют героев, в которых почти не чувствуется характер современного человека, своеобразие его психологии. Есть, далее, авторы, которые упорно не замечают красоты жизни простых людей — они больше всего боятся, вероятно, как бы их герои не выпали из категории «простых». В результате мы познакомились с целой вереницей образов, которые никак не могут претендовать на то, чтобы стать правдивым изображением советского человека. После чтения таких произведений не может не возникнуть вопрос, который в одной из своих статей задает критик Скорино: «Разве так просты эти «простые» люди?»

Скорино совершенно правильно ставит вопрос. Действительно, нельзя механически разделять возвышенное и бытовое, героическое и повседневное. Писатель, который хочет быть художником-летописцем нашего быта, должен обладать даром подмечать красоту этого быта, повседневную, полнокровную, кипучую жизнь простых людей. Такими мастерами создания художественных картин повседневной жизни являются, например, в русской литературе Вера Панова и Виктор Некрасов.

Из произведений грузинских писателей можно назвать «Красный мак» Демны Шенгелая, роман, о котором мы говорили выше. Показательно, что все величие героев Отечественной войны в этом романе раскрыто, в основном, в бытовых картинах госпитальных будней.

Итак, литература способна отразить разные стороны действительности, и ограничивать ее ни к чему. Для писателя — независимо от его творческой манеры — важно не отрывать от жизни, и тогда «героическое» и «особенное» будет не плодом чистой фантазии, а отражением реальности, картины же повседневности окажутся пронизанными ярким светом движения истории.

В грузинской прозе за последние годы появилось несколько новых произведений о наших современниках. Отметим

среди них роман А. Белиашвили «Вепхиа Халибаури», в котором автору, думается, удалось раскрыть образы наших современников.

Роман был сначала напечатан под названием «Рустави», но, по нашему мнению, писатель поступил правильно, изменив его: произведение это не имеет претензии быть художественной летописью строительства руставского металлургического гиганта.

Главными героями романа являются Вепхиа Халибаури и Арчил Санеблидзе. Если жизнь Вепхиа развивалась без «исключительных» событий, то на долю Арчила Санеблидзе выпали многие испытания. Арчил прошел сквозь огонь войны, где получил тяжелое ранение. Но дома его ожидала и душевная рана: Талико, к встрече с которой он стремился с такой радостью, не дождавшись его, вышла замуж. Но Арчила Санеблидзе не сломила сложность жизни.

Вепхиа Халибаури подкупает читателя своей искренностью, любознательностью, нравственной чистотой, трудолюбием, мужественной верностью в дружбе и, наконец, силой своей любви. С развитием действия романа все больше и больше возрастает наша симпатия к этому молодому горцу. Упорство помогает ему стать одним из лучших молодых металлургов руставского гиганта.

В романе «Вепхиа Халибаури» есть, на наш взгляд, и неудачи. Местами он написан поверхностно, особенно — эпизоды, связанные с взаимоотношениями Талико и Арчила. Раскрывая же образ самого интересного героя — Вепхиа Халибаури — автор не избежал экзотичности. Но главное в том, что писатель сумел, оставаясь внимательным к подробностям быта, раскрыть обыкновенную и вместе с тем полную труда и радости, переживаний и надежд жизнь простых людей. Он не избегал теневых сторон жизни, но верное ощущение процесса исторического развития помогло ему не спутать простоту и обывательщину. Поэтому герои его живут простой, но полнокровной жизнью.

Сегодня и читатель, и наша современность требуют от литературы еще более тесной, органической связи с народной жизнью. Это — неперемнное условие правдивого отражения в литературе нашей жизни во всей ее многогранности, еще более яркого воплощения образов наших современников. Только в кипении жизни найдет писатель для своего произведения подлинных героев, на которых будет печать жизни, а не отпечаток схемы и конструирования.

ПАМЯТИ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ

Выстрел из охотничьего ружья, который раздался рано утром 2 июля 1961 года в далеком Северо-Американском штате Айдахо, в Солнечной Долине, остановил биение сердца одного из самых выдающихся писателей нашего времени — Эрнеста Хемингуэя. Этот выстрел острой болью отразился в сердцах миллионов людей, которые любят литературу, помогающую им жить, творить, мыслить, любить и ненавидеть.

Э. Хемингуэй бесконечно любил жизнь, он любил все в этой жизни, ее горести и радости, любил игры, охоту, приключения, любил море, рыб, стариков, молодых людей, любил уют, созданный современной цивилизацией, и первоуродство джунглей, он любил спорт, матчи бокса, бой быков. Его друзьями были Фидель Кастро, Фолькнер, тореадоры и матодоры. Он любил писать, писать хорошо.

У него был свой стиль жизни, свой писательский стиль. Хаакон Шевалье правильно замечает, что писательская манера Хемингуэя базируется на двух принципах: первое — он писал очень простыми, наиболее употребительными словами, состоящими преимущественно из одного-двух гласных; второе — он писал повторами, мысль, выраженную наиболее простыми словами, четкими, гранеными фразами, он повторял два, три, а то и четыре раза, совершенно незначительно модифицируя порядок следования слов. Эта манера письма создавала специфический прозаический ритм, ту поэтическую, строгую, лишенную всякой вычурности и провинциальной сентиментальности музыкальность, которая принадлежит только Э. Хемингуэю и больше никому. Диалоги, которыми разговаривают его герои, многим кажутся наивными, но они поразительно глубоки и философичны. Все попытки повторить манеру великого мастера оказались тщетными и кончались неудачей, ибо он был абсолютно индивидуальным в своем творчестве и, пожалуй, одним из самых неповторимых писателей мира.

Э. Хемингуэй был бытописателем людей по своей душевной структуре очень сложных и одновременно простых, людей честных, мужественных. Некоторые его герои кажутся большими детьми, все они великодушные, чистые, романтические люди, умеющие непосредственно любить, радоваться, веселиться, печалиться, страдать, мыслить глубоко,

в то же время выражать свои мысли обыденными, простыми категориями. Его герои благородны, как и автор, их создавший.

Талант Э. Хемингуэя — светлый, жизнеутверждающий, от него дышит здоровьем. Весь мир его представлений, его миропонимание, мироощущение далеки от темного царства Кафки, мрачного бреда Сэмюэля Беккета. Он никогда не путешествовал на край ночи, как Селин, который, всеми забытый и отвергнутый, как гражданин и писатель, умер за день до смерти Э. Хемингуэя. Возможно, благодаря своим человеческим и литературным качествам Э. Хемингуэй был камертоном для многих передовых писателей Запада.

Э. Хемингуэй был певцом человека чуть-чуть грубоватого, вроде как бы неуклюжего и неотесанного, но бесконечно нежного, правдивого, честного в своих помыслах, действиях, порывах души.

Э. Хемингуэй любил жизнь и ненавидел войну, сеющую смерть и разрушение. Он был великим гуманистом. Вне любви к человеку нет Э. Хемингуэя. Герои его книг часто — одиночки, но они не индивидуалисты. Они бунтуют, но не против социальных порядков, сложившихся в их обществе, а против кажущихся им фатальными законов жизни, которые они не в силах познать. Они трагичны в своей судьбе.

Э. Хемингуэя навсегда полюбили и у нас в Грузии. Его много и часто читали на его родном английском языке, и в переводах на русский язык.

Совсем недавно, в прекрасном, сохраняющем все своеобразие литературного стиля Э. Хемингуэя, переводе Вахтанга Челидзе вышли на грузинском языке два его романа — «Фиеста» и «Прощай, оружие!» Чуть раньше, в хорошем переводе Анны Ратиани, вышла знаменитая повесть Э. Хемингуэя «Старик и море». В ближайшее время выходит сборник рассказов Э. Хемингуэя в переводе В. Челидзе. Эрнест Хемингуэй на грузинском языке — это большое, значительное явление в литературной жизни Грузии.

Долины, горы, люди Грузии вместе со всем передовым человечеством склоняются перед памятью писателя, жизнь которого была легендой, полной поразительных приключений, а творчество — неповторимой радостью созидания прекрасного.

Грузия в творчестве Ольги Форш

Любовь к Кавказу сопровождала всю долгую жизнь Ольги Дмитриевны Форш — замечательной русской писательницы. Родившись в крепости Гуниб, она с детства сроднилась с чудесной природой гор и ущелий и сама хорошо сказала об этом в автобиографии: «Любовь к Кавказу была так сильна, как у зверя к его полям и лесам, до невозможности жить без них...»

И уже после окончательного переезда в Ленинград Ольга Дмитриевна не упускала случая побывать на юге, вновь и вновь насладиться картинами любимой природы, ближе познакомиться с современной ей жизнью Грузии, Тбилиси — города ее детства.

В 1933 году, в период подготовки к Первому всесоюзному съезду писателей, когда по инициативе А. М. Горького составлялись бригады писателей, на которые была возложена задача заняться непосредственно в республиках изучением литератур народов СССР и организацией переводов их лучших произведений на русский язык, Ольга Дмитриевна с радостью вошла в бригаду, направляемую в Грузию. Вместе с О. Д. Форш приехали в Тбилиси П. Павленко (руководитель бригады), Н. Тихонов, Б. Пастернак, А. Гатов и В. Гольцев. До их приезда в Грузию некоторое время пробыл член бригады Ю. Тынянов.

18 ноября 1933 года гости присутствовали на торжественной процедуре передачи правительством Грузинской ССР ключей от бывшей царской тюрьмы Метехи Народному комиссариату просвещения.

Ольга Дмитриевна писала об этих памятных минутах:

«Мы стояли над Курой в наружном дворе Метеха. Впервые за многовековое существование по каменным подвалам, переходам и камерам сновали веселые люди, вошедшие сюда по своей воле.

Дождавшись торжественной передачи ключа древней крепости под трубы оркестра заведующему будущим музеем города, который здесь возникнет вместо тюрьмы, граждане свободно, как вошли, могут уйти обратно из крепких стен, спустясь по козьим тропам на Майдан.

Кура под Метехом и сейчас, как всегда с тех пор, как он высится над

Тифлисом, неслась мутная, крутясь и кипя в серых скалах. И как было не подумать: сколько тоскующих глаз уже запомнили ее с этого самого места.

Неправдоподобно висят над обрывом многобалконные дома противоположного берега, и глубоко внутрь убегают черные узкие переулки. И не во власти заключенных было увидеть что-либо иное...

Но Метех — особая тема...»

Именно как творческая тема воспринималось Ольгой Дмитриевной все то наиболее интересное, что ей пришлось увидеть и узнать в дни пребывания в Грузии.

Строки Ольги Форш о Метехи, знакомом ей с детства, тем более значительны, что еще в начале двадцатых годов писательница основным жанром своего творчества избрала исторический роман и как бы нравственным долгом своим считала задачу «воскресить и закрепить для будущего то, что русская история забыть не может и не должна».

В связи с Метехским замком перед мысленным взором писательницы возникали образы его узников — Максима Горького, бесстрашных рыцарей революции — Ладо Кецховели и Камо, передовых железнодорожных рабочих, со многими из которых дружил художник Нико Пиросмани.

В интервью, которое Ольга Дмитриевна дала мне для литературной газеты «На рубеже Востока» (помещено в номере от 1 декабря 1933 года), она рассказала о двух уже начатых ею работах. Первая посвящалась грузинским писательницам. Опережая литературоведов, Ольга Форш задалась целью дать краткие творческие портреты и характеристики большинства грузинских писательниц. Не довольствуясь материалами литературной среды, Ольга Дмитриевна пытливно всматривается в экспонаты музеев и, особенно, в экспонаты выставки грузинских вышивок. «Разнообразие и виртуозность рисунка всех этих легчайших лечаки, бархатных тавсакрави, тавакала из атласов, этих венцов, скатертей, чепраков — выразительны, как речь», — писала Ольга Форш.

Поиски именно речевой выразительности привели Ольгу Дмитриевну к народному певцу Иэтиму Гурджи. Она внимательно вслушивалась в его песни о грузинских матерях, прославивших себя в прошлом, перед нею раскрывались воспетые народом замечательные черты грузинских женщин.

Песни Иэтима Гурджи и выставка вышивок, как заявляет Ольга Форш в своей статье, «возбуждают интерес к творческим опытам в области слова и наводят на изложение материала, который удалось мне собрать благодаря личному опросу актива почти всех современных писательниц Грузии».

Статья «Писательницы Грузии» была напечатана в 1934 году, в февральском номере ленинградского журнала «Звезда».

Второй работой, задуманной Ольгой Дмитриевной в то время, был роман, строившийся на общественно-историческом материале старого Тбилиси, главным образом, эпохи первой русской революции. В общем плане романа вырисовывались портреты Арсена Джорджиашвили, метнувшего бомбу в генерала Грязнова, неутомимого подпольщика-конспиратора Камо, художника-самоучки Нико Пиросмани и многих других. Хронологический роман как бы прерывался на 1909 году, на периоде глухой реакции, но должен был дать читателю ощущение исторической закономерности победы пролетарской революции. Ольга Дмитриевна рассказывала об этом романе как о части задуманного ею большого полотна.

Интересна одна характерная черта творческого метода Ольги Форш. Поскольку ее литературному творчеству предшествовало занятие живописью, она в свои записные книжки заносила не только отдельные мысли и впечатления, но и графические изображения особенно заинтересовавших ее деталей, в частности, экспонатов выставки грузинских народных вышивок. Отсюда и ее большой интерес к творчеству Нико Пиросмани, сумевшему передать колоритные образы старого Тбилиси.

Это подтверждают и строки Николая Семеновича Тихонова, писавшего мне из Ленинграда в середине тридцатых годов: «Ольга Дмитриевна Форш хочет писать маленькую пьеску, где будут участвовать Важа Пшавела и Пиросманишвили. Было бы замечательно, если бы Вы прислали ей все, что можете найти о Пшавела, так как она абсолютно о нем ничего не знает. Что

знает, вернее знает с моих слов, — недостаточно. Пришлите, утешьте старушку. Она умница и хорошая. Написала великолепного Пугачева».

Помнится, послал я тогда Ольге Дмитриевне газету «На рубеже Востока», в которой были напечатаны рассказ Важа Пшавела и отрывок из его воспоминаний. Ольга Дмитриевна сейчас же откликнулась открыткой, в которой благодарила «за присыл «Рубежа». Ей были посланы и отдельные статьи, хотя литература о Важа Пшавела в те годы была еще не богата.

Проявляя живейший интерес ко всему, что расширяло познания в области истории и культуры Грузии, Ольга Форш вступала в переписку со многими грузинскими писателями. В связи с этим она просила меня сообщить ей адреса Михаила Джавахишвили, Николо Мицишвили и Валериана Гаприндашвили. И далее писала: «В Тифлисе буду летом непременно, а пока шлю привет» (письмо от 24 марта 1934 года).

В тот период она оставила литератору Б. И. Корнееву на память строки: «Собираюсь так много писать про Тифлис, что несколько слов, притом альбомных, мне труднее всего. Радуюсь горам, его стерегущим, Солнцу-Мзе и серой бурной Куре».

Трудно с уверенностью сказать в какой степени была творчески разработана и завершена каждая из интересовавших Ольгу Форш тем революционного и литературного прошлого Грузии. Известно только, что много лет она работала над собиранием материала и раскрытием образа бесстрашного революционера Камо.

В 1942 году Ольга Дмитриевна написала рассказ «В старом Тифлисе», в котором Камо не назван, но он присутствует, действует... В 1955 году была написана пьеса в трех актах «Камо», вошедшая, как и названный рассказ, в четвертый том сочинений О. Д. Форш. Но этим, надо полагать, не исчерпываются темы из прошлого Грузии, в той или иной степени разрабатывавшиеся писательницей с тридцатых годов. Как преломлялись в ее творческом воображении образы Важа Пшавела, Нико Пиросмани? На эти и многие другие вопросы можно будет получить ответ только после изучения литературного архива О. Д. Форш, всего ее творческого наследия, вошедшего ценным вкладом в сокровищницу культур народов СССР.

Владимир Асатиани,

профессор, член-корреспондент
Академии наук Грузинской ССР

Наши лекарственные ресурсы

Один из крупнейших ученых древности, римский философ и врач Гален на заре нашей эры научил своих современников искать в растениях вещества, полезно действующие на организм человека, и извлекать их, готовя настои, отвары, микстуры, пилюли, соки и т. д. Все это в наше время получило название галеники, или галеновых препаратов. Интересно отметить, что по преданию Гален был родом из Колхиды. И кто знает, возможно, когда-нибудь удастся выявить роль, которую сыграли природные богатства и опыт народной медицины древней Грузии в жизни одного из выдающихся создателей науки о лекарственных растениях.

Исключительное разнообразие физико-географических условий Грузии делает нас обладателями подлинных сокровищ — лекарственных растений в больших количествах и в самом разнообразном ассортименте. В республике произрастает более 5 тысяч различных видов растений, из них в медицине используется более 135. Поэтому из всех отраслей грядущей «большой химии» Грузии химия лекарственных средств имеет особо благоприятные условия для быстрого развития. Лекарственные растения содержат различные химические вещества, которые по-разному влияют на организм. Поэтому наши ученые детально изучают действие и давно известных лекарственных растений и вновь найденных.

Богатейший опыт лечебного использования растений собран в древних грузинских рукописях, многие из которых изданы в настоящее время («Несравненный карабадини» XI века, «Книга врачевания» XIII века, «Карабадини» XV века, «Ядигар Дауди XVI века и другие).

Над углубленным исследованием лекарственных растений трудятся коллективы специальных институтов и лабораторий. Большую работу по изысканию новых лечебных препаратов из растений ведет Тбилисский научно-иссле-

довательский химико-фармацевтический институт АН ГССР.

Экспедициями института накоплен огромный материал; достаточно сказать, что только в полевых условиях выполнено свыше 50 000 анализов, собран гербарий из 15 000 экземпляров, обследовано почти 40 районов, установлены и нанесены на карту заросли лекарственных растений с указанием их примерных запасов. Эти лекарственные растения исключительно разнообразны. Здесь наперстянка, горицвет, алоэ, красавка, боярышник, крестовник, папоротник, иссоп, крушина, шалфей, рододендрон, крапива, омела, пастушья сумка, валериана, эвкалипт, шиповник и множество других. Один лишь перечень их легко превысил бы размеры статьи, поэтому остановимся только на тех, которые представляют особый интерес для нашей республики.

Близкие друг другу виды растений обычно содержат, если не совершенно идентичные, то близкие по составу и по своему действию на организм человека вещества. Это, например, так называемые сердечные глюкозиды, неисчерпаемыми источниками которых оказались как пурпурная наперстянка, открытая в 1775 году английским врачом Уайзерингом, так и другие виды этого растения, в первую очередь, произрастающие в Грузии наперстянка ржавая и наперстянка реснитчатая.

Пурпурная наперстянка у нас не растет, и ее приходилось ввозить из-за границы. Но в дальнейшем грузинским ученым удалось приготовить из ржавой наперстянки несколько эффективных лечебных препаратов. Из них необходимо отметить препарат дигален-нео, изготовление которого освободило нашу страну от необходимости импортировать широко известный зарубежный препарат дигален. Более того, ресурсы лекарственного сырья у нас настолько велики, что позволяют ставить вопрос об экспорте дигалена-нео. Достаточно сказать, что только в Боржомском и Душетском

районах ежегодно можно собирать свыше 25 тонн ржавой наперстянки. А этого достаточно для приготовления такого количества лечебного препарата, которое с избытком хватило бы для лечения одного миллиона больных.

Грузинские ученые выявили в Грузии также богатые ресурсы ближайшего сородича ржавой наперстянки — наперстянки реснитчатой. В нагорных районах можно ежегодно собирать десятки тонн этого растения, произрастающего только у нас. Но дело не только в обилии этого лекарственного сырья, а и в его качестве. Препараты, приготовленные из реснитчатой наперстянки, оказались в несколько раз богаче сердечными гликозидами и в несколько раз активнее, чем препараты из других видов наперстянки. Более того, реснитчатую наперстянку можно использовать почти целиком, то есть всю ее надземную часть, которая тоже в два раза активнее, чем листья других видов наперстянки. Это резко повышает рентабельность ее промышленного использования. Но наши ученые не удовлетворились достигнутым.

На июньском Пленуме ЦК КПСС с особой силой подчеркивалась мысль о том, что в научных исследованиях нельзя идти лишь проторенными тропами. В этом плане была пересмотрена и исследовательская работа над лекарственными растениями. Уже установлен ряд чрезвычайно интересных фактов, касающихся химических свойств, состава этого важного лекарственного сырья и открывающих совершенно новые перспективы.

Не так давно была одержана очередная победа над природой — удалось синтезировать кортикостероиды — гормоны сложнейшего строения, выделяемые надпочечными железами. Так началось в современной медицине победное шествие кортизона и родственных ему соединений. Они оказались могучим средством, повышающим защитные силы ослабленного организма в борьбе против многих тяжелых болезней (ревматизма, артритов, бронхиальной астмы и других).

Синтез кортизона — очень сложный и дорогостоящий процесс. Стоимость только одного грамма впервые синтезированного кортизона превышала 1 миллион рублей. Огромное значение для снижения себестоимости этого синтеза имеет исходное сырье. Представим себе, что мы начали строить дом. Для этого понадобится затратить много труда на получение и доставку кирпичей, песка, цемента, на кладку стен и сооружение перекрытий. Если же нам предложат готовый дом, его придется только немного переделать, чтобы сделать удобным для жилья. Вот такие готовые «дома несовершенной архитекту-

ры», легко поддающиеся переделке, представляют собой молекулы, так называемых, стероидных соединений, из которых легко получить кортизон и родственные ему препараты. Природа нашей республики щедрой рукой разбросала эти недостроенные домики-молекулы, тщательно запрятав их в различных растениях. И одним из них оказалась реснитчатая наперстянка, в составе которой ученые нашли драгоценные молекулы стероидных соединений. Пока еще рано говорить о том, пригодны ли они полностью для синтеза кортизона. Но важно, что открыты хорошие перспективы, и есть надежда на успех.

В различных районах Грузии, на щебнистых наносах в долинах рек, по краям полевых и шоссежных дорог можно встретить распростертые по земле стебли травянистого растения с колючими плодами. Это якорцы стелющиеся, или «таташа», обладающие многогранными свойствами. Из них приготовлены препараты, успешно применяемые при заболеваниях желудка (пониженной кислотности) и кожи. Кроме того, в якорцах обнаружено стероидное соединение — диосгенин, применяемый в медицинской промышленности для синтеза кортизона и половых гормонов.

Реснитчатая наперстянка и якорцы стелющиеся не единственные растения, в которых обнаружены стероидные соединения. С них началось генеральное наступление на природу нашей республики в этом направлении.

Более шестидесяти лет назад профессор Томского университета Э. Ломан нашел на Черноморском побережье Кавказа растение обвойник греческий — по-грузински «гведкеци» — и выделил из него глюкозид периплоцин, оказавшийся исключительно перспективным сердечным средством. Однако периплоцин не нашел применения в медицине по той простой причине, что никто в мире не сумел повторить то, что сделал Ломан, — выделить чистый кристаллический глюкозид.

Этого добились грузинские ученые. Так открылось шествие периплоцина в большую медицину. Ресурсы обвойника в нашей республике полностью обеспечивают потребность всего Советского Союза в этом надежном сердечном средстве.

Богаты мы и другими лекарственными растениями сердечного действия. Назовем хотя бы ландыш, препараты которого по широте применения в медицине могут поспорить с любыми наиболее известными лечебными средствами.

Еще в древних медицинских книгах Грузии («Цигни саакимой» и др.) спаржу рекомендовали не только как лакомое блюдо, но и с лечебной целью.

Действительно, спаржа оказалась хорошим средством, разгружающим организм больного от лишнего скопления жидкости. Таким же эффектом обладают и другие, широко распространенные в нашей республике растения, в том числе бузина черная («дидгула»), стальник пашенный («пшнис экала»), полевой хвощ («швита»), рыльца хорошо знакомой нам кукурузы и плоды инжира. Препараты, приготовленные в Грузии из этих растений, обладают различными оттенками действия, что позволяет врачу разнообразить их применение в зависимости от состояния больного.

Природа нашей республики дает широкий ассортимент растений, препараты которых снижают артериальное давление крови. Это — и распространенные в других республиках Советского Союза боярышник или омела, и растущие только, или почти только, у нас магнолия и эйкоммия.

В приморских нагорных районах Аджарии встречаются небольшие деревья или кусты рододендрона Унгерна, из которого нашим ученым удалось приготовить препарат, успешно применяющийся для лечения больных гипертонией. Стремление «выжать» все возможное из лекарственного растения и здесь увенчалось успехом. Отходы от производства препарата из рододендрона («родогерна») удалось использовать для получения содержащегося в них танина.

Танин это, прежде всего, вяжущее средство. Слабые растворы вяжущих средств оказывают неоценимую помощь хирургу при лечении ожогов. Эти же средства служат противоядием при отравлении некоторыми веществами, они способствуют укреплению рыхлых десен и устранению их кровоточивости, уничтожают дурной запах различных веществ и, наконец, широко применяются при кишечных заболеваниях. Природные вяжущие средства отличаются различными оттенками своего действия на организм, что было подмечено народной медициной и чем пользуется и научная медицина, требующая расширения ассортимента этих ценных средств. Природа Грузии и тут идет навстречу науке. Здесь и растение горец мясокрасный («гведура»), из которого уже приготовлен жидкий экстракт — прекрасное вяжущее средство, и терн («квринчхи»), из которого получен такой же экстракт не только с хорошими вяжущими свойствами, но и очень приятный на вкус. Еще приятнее на вкус «шинпани» — густой экстракт из плодов кизила («шинди») и дикой груши («панта»), растущих во многих районах нашей республики. И плоды граната, чудесные по вкусу и аромату, охотно уступили свою корку нашим ученым, приготовившим из нее два пре-

парата: эксгран и броцеулин («броцеули» — гранат) и выделившим из этой корки чистый медицинский танин. Эксгран — типичное вяжущее средство, применяемое при расстройствах кишечника; броцеулин обладает также замечательным свойством ускорять заживление ран.

Свой неповторимый «почерк» лекарственного действия имеет танин, содержащийся в листьях чая. Грузинские ученые соединили белок с дубильными веществами чая и получили препарат теальбин, нашедший широкое применение в клинике в качестве вяжущего средства. Перечень вяжущих средств закончим тхмелини — эффективным препаратом из плодов ольхи («тхмела»).

Много еще таниноносителей во флоре Грузии. Есть такие, которые встречаются почти во всех районах республики, и такие, которые можно найти только в одном из ее уголков и нигде больше во всем Советском Союзе. Разнообразие лекарственных растений с вяжущими свойствами было известно и грузинской народной медицине. Но опыт народа, часто помогающий нам разбираться в целебных свойствах того или иного растения, не говорит нам, на чем основаны эти свойства. Как ни странно, в отношении танина и научная медицина до самого последнего времени не отвечала точно на этот вопрос, ставя знак равенства между танинами, полученными из различных растений. Это тем более удивительно, что химики давно уже знают о различии в химическом строении танинов различного происхождения. И вот совсем недавно грузинские ученые заинтересовались этим вопросом и, детально изучив его, первыми установили различия в фармакологической и клинической эффективности препаратов танина, приготовленных из различных растений. Эти различия настолько велики, что заставляют пересмотреть привычные представления о действии вяжущих средств и побуждают к поискам новых танинов, возможно, еще более эффективных, чем уже найденные. А для таких поисков природа нашей республики открывает широкие перспективы.

Различия в химической природе танинов уже прекрасно использованы нашими специалистами. Еще недавно видные фармакологи утверждали, что нет никаких оснований давать особое название созданному в Грузии препарату теальбину, поскольку его готовят из танина и белка совершенно аналогично танальбину, также состоящему из танина и белка. Но вот теальбин прошел биологические и клинические испытания, и оказалось, что по силе противовоспалительного действия этот препарат

значительно превосходит широко известный танальбин.

Особенности химического строения танина чайного растения натолкнули наших ученых на возможность получения из него одного из нескольких витаминов, содержащихся в чае, а именно, витамина Р. Но чайный куст далеко не единственное из витаминоносных растений Грузии.

Витамины как лекарственные препараты с каждым годом приобретают все большее значение. Недаром контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. предусматривают увеличение выпуска витаминных препаратов в 6 раз. Рациональное использование природных ресурсов Грузии позволит нашей республике играть видную роль в выполнении этой задачи.

Одним из наиболее эффективных средств для возбуждения аппетита является прием, так называемых, горечей — веществ, обладающих горьким вкусом и улучшающих пищеварение. Очень важно, чтобы такие средства были совершенно безвредными для организма. Такое сочетание свойств встречается редко, но флора Грузии дает возможность выбора.

Здесь в первую очередь можно назвать отавник, из клубней которого наши специалисты приготовили препарат, обладающий замечательным качеством повышать пониженную кислотность желудочного сока и снижать повышенную кислотность. Такое регулирующее действие, сопровождающееся улучшением аппетита, делает препарат из отавника очень ценным целебным средством.

Свойствами настоящих горечей, усиливающих кислотность желудочного сока и повышающих аппетит, обладают препараты из других лекарственных растений Грузии — якорцев стелющихся и горечавки раздельночашечной («нагвела»). Сравнительно меньшей, хотя и вполне удовлетворительной эффективностью, отличается препарат из широко применяемого в грузинской кулинарии эстрагона (тархуна).

Приведенный выше перечень является только краткой выдержкой из обширного инвентаря лекарственной флоры Грузии. Сколько еще ценных лечебных средств уже приготовлено или может быть приготовлено из тех ресурсов, которые выявлены нашими специалистами. Здесь и болеутоляющие средства и успокаивающие центральную нервную систему или, наоборот, повышающие ее возбудимость; средства, применяющиеся для лечения паркинсонизма и эпилепсии, расслабляющие мускулатуру и повышающие ее тонус, и многие другие лекарственные вещества самого разнообразного действия.

Богатство дикорастущей грузинской

флоры не исчерпывается одними местными уроженцами. Природа Грузии гостеприимна — пришельцы из других стран чувствуют себя здесь совсем как дома. Назовем некоторые из них. Папайя дуболистная произрастает в жарких областях Северной Америки, лавр черешчатый — родом из субтропических областей Японии, хинное дерево — уроженец тропических стран Южной Америки, а чайное растение — выходец из Китая.

Несколько слов о них. Лавр черешчатый — вечнозеленое дерево, в плодах которого содержится масло какао. Хинное дерево выращивают в Грузии в виде однолетней травянистой культуры, из которой готовят препарат хинет, заменяющий импортный дорогостоящий хинин. Из плодов папайи получен ценный препарат — растительный фермент папаин, который находит применение в медицине и пищевой промышленности.

Чайный лист — сырье для получения кофеина, мощного лечебного средства при недостаточности сердца.

В «большой химии» нашей республики немалое место занимают такие предприятия, как Батумский кофеиновый завод и Тбилисский химико-фармацевтический завод. Батумский кофеиновый завод был организован после того, как грузинскими учеными был разработан способ получения кофеина из обрезков чайных кустов и отходов чайной промышленности. Это единственный в Советском Союзе завод, с пуском которого наша страна была освобождена от необходимости импорта кофеина, на что затрачивались миллионы золотых рублей. Продукция Батумского завода в настоящее время в основном удовлетворяет потребность Советского Союза в кофеине. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы кофеин из предмета импорта стал предметом экспорта.

Кроме того, отходы производства кофеина, выбрасываемые ранее в море, стали источником получения еще двух ценных лечебных средств: теальбина и витамина Р.

Несмотря на многогранность применения, чайному кусту все же далеко по своим целебным свойствам до кукурузы. Умелые, умные руки наших ученых заставили «королеву полей» стать верным помощником врача в борьбе с многими злейшими болезнями человека — атеросклерозом, желчнокаменной болезнью и другими. Кукурузу используют для приготовления таких антибиотиков, как пенициллин.

Однако не все лекарственные ресурсы Грузии растительного происхождения. Из глины асканского месторождения (Махарадзевский район) нашими специалистами получен сухой препарат,

названный «тиха-асканэ» (асканская глина). Этот порошок обладает чудесными свойствами. Прежде всего — это заменитель жиров в медицине, заменитель импортной аравийской камеди, служащей для приготовления эмульсий. Но это одновременно и самостоятельное лечебное средство, обладающее исключительным свойством предохранять поверхность кожи и лечить ее от трещин и опрелостей. Залежи барита, марганцевые руды и другие минеральные ресурсы Грузии используются и для производства лекарственных препаратов. Наконец, «большая химия» нашей республики открывает значительные перспективы для производства синтетических лекарственных веществ.

Но основные лекарственные богатства, которые должны быть использованы в ближайшие десятилетия, сосредоточены в растительных ресурсах. Лекарственные растения таят в себе широкие терапевтические возможности. И они должны быть использованы до конца. Основные пути этого наступления на природу уже намечены грузинскими учеными.

Прежде всего необходимо подвести и уточнить итоги проведенной работы по выявлению ресурсов дикорастущих лекарственных растений, имеющих промышленное значение.

Большого внимания требует не только точная инвентаризация, но и организация охраны зарослей, признанных ценными.

На очереди — обследование еще не изученных районов республики и нанесение на карту всех найденных зарослей уже известных лекарственных растений, имеющих промышленное значение. Но главное — поиски новых лекарственных растений, с помощью которых врач мог бы воздействовать на такие физиологические механизмы, биохимические процессы или патологические реакции, в которые до сих пор никто не вмешивался с помощью лекарств.

В этом направлении работа у нас только начинается, но особенности флоры Грузии делают ее исключительно перспективной. А эти особенности действительно велики. Растительность нашей республики отличается, говоря языком ботаников, высоким эндемизмом, т. е. богатством видов, присущих только ей. Достаточно назвать широко известную уникальную сосновую рощу в Бичвинта (Пицунда). Исследование таких эндемичных видов еще не закончено, а оно сулит много интересного. Любопытно, что народная медицина не всегда знакома с целебными качествами даже

таких растений, терапевтические свойства которых проявляются очень ярко. Надо сказать, что богатейший опыт грузинской народной медицины далеко не использован нашей наукой. Многие здесь было и будет отброшено, но ее своеобразные рецепты нередко дают драгоценные указания.

Наши ученые должны использовать еще одну возможность природы Грузии: многие ценные лекарственные растения из различных уголков мира можно культивировать в наших условиях так, чтобы они полностью сохраняли свои целебные свойства. Работа в этом направлении еще более умножит лекарственные богатства республики.

Год от года увеличивается в Советском Союзе арсенал средств, применяемых для профилактики и лечения болезней. Ученые нашей республики внесли свою долю в дело создания новых лечебных препаратов. Но этого недостаточно. Производство новых лечебных препаратов следует осваивать в кратчайшие сроки, эти препараты должны как можно быстрее попадать в руки практических врачей. Это важнейшая государственная задача. Каждый новый препарат проходит обязательный путь — испытание в клиниках и, после утверждения фармакологическим комитетом, внедрение в производство. К сожалению, большая длительность клинических испытаний, которые нередко затягиваются на годы, задерживают этот процесс. Нередко скорейшему внедрению препарата в практику препятствует и неправильное определение потребности в нем, а также чисто технические условия.

Все эти препятствия устранимы. Наша республика богата авторитетными клиническими учреждениями, обеспечивающими всестороннее испытание новых лекарственных средств. Необходима только еще большая оперативность в выполнении этой ответственной задачи. Большую роль в освоении новых лечебных препаратов сыграет экспериментальный завод Тбилисского НИХФИ, строительство которого будет осуществлено в ближайшие годы. Огромное значение имеют принятые партией и правительством меры по дальнейшему увеличению производственных мощностей предприятий медицинской промышленности. Растительные богатства Грузии необходимо использовать исчерпывающим образом для массового производства высокоэффективных лекарственных средств — это долг научных коллективов и промышленных предприятий нашей республики.

Ушанги Оболадзе

Новое о Луначарском

В практической и теоретической деятельности А. В. Луначарского, первого народного комиссара просвещения Российской Федерации, особое место занимала забота о развитии культуры малых народов и народностей, освобожденных от ига колониального рабства Великим Октябрем.

А. В. Луначарского связывала дружба со многими передовыми деятелями культуры и просвещения Грузии, которая родилась во время его частых приездов в Тбилиси. А. В. Луначарский неоднократно читал здесь лекции по актуальным вопросам культуры и просвещения, сотрудничал в местной прессе, выступал со статьями по важным проблемам культурного строительства.

Впервые приехал он в Грузию 12 июня 1924 года и пробыл здесь весь июнь и часть июля. Сразу же после приезда А. В. Луначарский встретился с представителями работников народного просвещения и культуры. Заседание открыл народный комиссар просвещения Грузинской республики Д. Канделаки. Дорогого гостя приветствовали проф. В. Беридзе, проф. К. Кекелидзе, Марня Орахелашвили и другие. Ректор Тбилисского государственного университета проф. И. Джавахишвили пригласил А. В. Луначарского посетить университет и ознакомиться с его жизнью и работой.

В ответной речи Анатолий Васильевич затронул два важнейших вопроса, имевших тогда решающее значение для дальнейшего развития советской школы, науки и культуры: об использовании передовых традиций прошлого и о взаимоотношении национальных культур в многонациональной Советской стране.

Вот как осветил он эти проблемы:

«После установления пролетарской власти мы могли совершить три основные ошибки. Первая — это то, что мы... могли полностью отрицать культуру прошлого и отвернуться от нее, потому что она создана интеллигенцией, находившейся под влиянием буржуазии. Многие наши товарищи поступили именно так, и наша задача была — ликвидировать этот неверный взгляд и положить в основу нашей будущей культуры положительные и вполне приемлемые с точки зрения пролетарской идеологии традиции культуры прошлого.

Другая, не менее важная, ошибка заключалась в следующем: мы могли разделить взгляд некоторых кругов о том, что пролетариат как культурная сила — ничто, он лишен способности культурного творчества и поэтому нуждается в поучениях и наставлениях, в руководстве буржуазной науки, вплоть до того, пока она сможет руководить мировой культурой.

Это положение было совершенно неприемлемо для нас. Пролетариат должен был принять непосредственное участие в создании новых культурных ценностей. И мы поставили перед собой эту цель.

Ни для кого не секрет, что наша деревня очень отстала в культурном отношении. Все внимание, все силы советской власти должны быть устремлены на то, чтобы ликвидировать эту отсталость. Но здесь перед нами стояла возможность третьей ошибки, а именно — чтобы это культурное возрождение деревни не произошло за счет культурных и научных учреждений, в ущерб им, чтобы идея культурного роста нашего крестьянства не перебила заботу о развитии науки, что вызвало бы снижение общего уровня культуры. А это обстоятельство затормозило бы и сделало бы в некоторой степени невозможным наше движение вперед, так как мы не имели бы возможности подготовить новые культурные силы согласно марксистской идеологии, силы, которые должны будут вести культурное строительство среди масс рабочих и крестьян. Все внимание народного просвещения, все знания должны быть обращены на то, чтобы избежать этих трех ошибок».

За время пребывания в Тбилиси А. В. Луначарский ознакомился с культурной жизнью столицы Грузии, с работой школ и научных учреждений.

По просьбе местных товарищей А. В. Луначарский прочел для работников куль-

туры и просвещения доклад «Коминтерн и педагоги». Стенографическая запись этого доклада на русском языке утеряна и до сих пор не обнаружена. Поэтому доклад «Коминтерн и педагоги» не был опубликован в русской педагогической прессе и не вошел ни в один сборник А. В. Луначарского.

Но сохранился грузинский перевод его, который был напечатан в 7—8 номере тбилисского журнала «Ганатлебис мушаки» («Работник просвещения») за 1927 год. Этот журнал мы и предоставили редакции «Литературной Грузии», которая восстановила русский текст доклада и подготовила его к печати.

Доклад «Коминтерн и педагоги» значительно обогащает литературное наследие А. В. Луначарского, являясь ценным документом, содержащим взгляды Анатолия Васильевича по основным вопросам строительства советской культуры. В нем затронута очень важная и актуальная тогда проблема превращения старой интеллигенции, как говорил В. И. Ленин, «в главную армию социалистического просвещения, в проводника идей Коммунистической партии».

А. В. Луначарский

Коминтерн и педагоги

Доклад, прочитанный в Тбилиси перед работниками просвещения

Товарищи, сегодня, накануне открытия пятого конгресса Коминтерна, я хочу коснуться основных проблем Интернационала. Как они развивались исторически и как стоят сегодня перед нами? Я знаю, что в зале присутствует много работников просвещения, поэтому подробно остановлюсь на той особой роли, выполнение которой из всей армии Коминтерна под силу лишь отряду красных педагогов.

История не знала и вряд ли узнает столь значительное мировое движение, каким является международное пролетарское движение, создающее новый общественный уклад. Но чем определяется общественный уклад? Общественный уклад определяется законами господствующего класса. Он господствует и, следовательно, каждой общественной формации сообщает те признаки, которые соответствуют его собственным интересам и требованиям. Но так как, кроме господствующего, есть еще и другие классы, господствующий класс вынужден считаться и с их требованиями. Отпечаток господствующего класса лежит на всех общественных отношениях, везде и на всем; развитие техники труда выдвинуло новый класс, который закаляется в вечной борьбе — в стачках и забастовках, — набирает силы и постепенно завоевывает свои права. Наступает час, когда переворот становится неотвратимым, и этот новый класс берет в свои руки всю полноту власти. Различные классы сменяли друг друга, но никогда еще к власти не приходил такой класс, на знамени кото-

рого была бы написана программа социалистического движения, начертаны идеи и мечты социализма.

Историческая заслуга капитализма в том, что он создал два чрезвычайно важных предварительных условия, без которых социализм был бы невозможен. Капитализм породил сильный, многочисленный класс — пролетариат, который не может не написать на своем знамени общечеловеческие лозунги и который сплотил вокруг этого знамени миллионные силы. Провозвестник интернационализма Маркс видел, что этот класс существует, но не осознает еще исторической цели своего существования. Маркс понимал, что насколько бессильна без народа идея социализма, родившаяся в мышлении передовой интеллигенции, настолько бессилён народ, лишенный идеи. Он видел, что пролетариат растет от тысячи до миллионов и десятков миллионов человек, что мышление его постепенно распространяется из одной страны в другую, из Англии на Восток, и так по всей Земле. Маркс хорошо видел, что именно на долю этого класса, сегодня нуждающегося, вынужденного непосильно трудиться и отдавать другим плоды своего труда, выпало стать вождем революции и осуществить идею перестройки производства и общества. Но он ясно понимал и то, что это произойдет лишь тогда, когда теоретические положения, созданные лучшими сынами человечества, станут достоянием пролетарских масс. Тогда станет возможным сплотить и поднять на борьбу уже не

толпу, а четко организованный класс, который ныне мы видим на улицах с лозунгами и знаменами и который в состоянии — это мы хорошо знаем! — стать мощной армией борцов и брать города. Это — сознательный пролетариат. Безусловно, и пролетариат не может быть равно сознательным во всех своих частях. Здесь имеет место определенная последовательность. Одна часть этого пролетариата уже входит в партию, другая объединяется в профессиональные союзы, третья состоит из сочувствующих, четвертая, угнетенная, пока держится в стороне. Степень отсталости той или иной страны определяет и разницу между передовой и отсталой частью пролетариата. Но в общем, если мы взглянем на весь пролетарский класс, будет ясно, что он ушел в своем развитии далеко вперед, неизмеримо выросла его политическая проницательность. Его авангард — авангард всего человечества. Я уже говорил, что величайшая заслуга капитализма в том, что он породил два предварительных условия, которые сделали возможным воплощение вековой мечты человечества о жизни, построенной на правде, и об истинном счастье. При других обстоятельствах, в другие эпохи, пройденные человечеством, тоже могла быть поставлена такая задача. Допустим, что часть человечества, стоящая на низшей ступени классового общества, — бедняки — договорились между собой, осознали свое положение и восстали против угнетателей — «Пусть не будет богатых и бедных, разделим поровну то, что есть лишнее у богачей!» Привести это в исполнение они могли, потому что и тогда они были сильнее своих эксплуататоров. Они смогли бы разделить имущество богачей между собой, но это оказалось бы почти незаметным для них, и улучшение условий жизни было бы очень кратковременным. А что мы имеем сегодня? Разве научный социализм так ставит вопрос — «разделим имущество богатых»? Социализм вовсе не требует, чтобы предметы, какие-либо материальные блага принадлежали всем. Нет, социализм требует лишь, чтобы орудия производства были бы общественным достоянием и производством руководило бы общество. Вот на чем заостряет внимание научный социализм. Дело ведь не в том, чтобы мы вошли в дом капиталистов, взломали его несгораемый шкаф и разделили между собой его деньги и мебель, Нет, задача наша в том, чтобы войти на завод капиталиста, завладеть производством и организовать его не так, как это делается на частных фабриках и заводах, а так, как это определяется планированием производства всего мира.

Вот почему, товарищи, я говорил, что капитализм создал два весьма значительных предварительных условия для

исторического движения вперед и мощного прогресса человечества, который может вывести нас из варварской эпохи. Капитализм создал пролетариат как носителя идеи освобождения, и он же создал условия, благодаря которым пролетариат обрел идеологическую силу. Пролетариат должен создать не царство бедняков, а царство всеобщего благосостояния. На этой основе и начал развиваться интернационал. Я хочу остановиться здесь на одном моменте, а именно, на измене II Интернационала. Первый Интернационал по своим настроениям был более рабочим, нежели второй. II Интернационал — более сильный — представлял союз пролетариев всего мира, который укреплял свои позиции в рядах всемирного пролетариата и стремился использовать капитализм на благо всему человечеству.

II Интернационал объединял не весь пролетариат, а лишь его верхушку, но и эта верхушка была многочисленна, так как в нее входили и члены партии, и работники профсоюзов, число которых достигало 20 миллионов. Это было массовое движение, а по своему влиянию — как показали нам политические выборы и различные примеры поведения рабочего класса, например, рост рабочей прессы и рабочих союзов и др., — было очень значительным. Это влияние было настолько велико, что можно решительно сказать: блуждающий по Европе красный призрак оказался не призраком, а подлинной красной опасностью, и капиталисты хорошо это знали. Но как произошло, что II Интернационал, особенно, в период войны, очутился на поводу у буржуазии? Мы вынуждены признать, что II Интернационал является даже не правовой рабочей организацией, а просто буржуазной организацией, да и то не из левых. II Интернационал пришел к выводу, что осуществление социализма возможно лишь тогда, когда окончательно «созреет» пролетариат, когда он будет настолько развит, что сумеет легальными средствами свергнуть разлагающуюся буржуазию и действительно оказать мощное влияние при руководстве хозяйством всего мира. А пока что, — говорили деятели II Интернационала, — мы должны вести повседневную борьбу с капиталистами, пусть даже по мелочам: за освещение фабрики, за обеспечение детей рабочих молоком, за каждую лишнюю копейку. Все это будет значительным завоеванием в борьбе классов, и поэтому, конечно, мы не должны избегать или сторониться такой борьбы: она растит и умножает силы пролетариата. Частичными завоеваниями мы соберем и организуем массы, мы закалимся в этой работе.

Спорить против подобных доводов, по существу, нельзя. Ни один марксист не отрицал необходимости и положитель-

ного значения повседневной реформаторской работы. Но не все марксисты чувствовали, как эта работа могла обратиться в яд, если вести ее десятилетиями. Зато прекрасно поняла это буржуазия таких стран, как Англия, Германия и Франция. На всемирном рынке создано такое положение, что буржуазия получила возможность кормить свой пролетариат. Например, Англия, как торговец, сдирает шкуру со своих колоний, пользуется своим коммерческим влиянием на всей земле и получает колоссальные прибыли за счет сверхэксплуатации цветных, или, так называемых, «отсталых» народов, и часть этой прибыли в качестве награды дает своему пролетариату. Объектом этой сверхэксплуатации должен был быть английский пролетариат, но исторически сложилось так, что жертвой стали негры и китайцы.

Таким образом, пролетариат метрополий становится как бы косвенным эксплуататором и завязывает деловые переговоры с капиталистами: сколько обошлось это вам, сколько дадите вы нам? Мы погибнем, если потеряем ту или иную колонию! — и так далее... Конечно, подобные переговоры ведутся не всем рабочим классом, но его верхушкой, которая вошла во II Интернационал, — людьми, которые считались ведущими, кормчими своего класса. Они до поры до времени носили марксистскую маску, а некоторые доносили ее до самого конца. И те и другие поступали бессовестно и привели II Интернационал к разложению.

Когда перед буржуазией встал вопрос окончательного раздела мирового рынка и когда стало ясно, что этот рынок не в состоянии удовлетворить всех, крупные государства объединились в союзы, чтобы заполучить как можно больше рынков сбыта. И тогда сам по себе встал вопрос — как поступит рабочий класс? А в сердцах рабочих шла большая борьба. Если нас одолеют, мы лишимся родины, — говорили англичане и немцы, — если мы одержим верх, то поведем наши страны вперед, по пути расцвета и прогресса. Двух мнений быть не могло: завтрашнему благополучию мы предпочитаем сегодняшнее, поэтому будем беречь то, что имеем. Так рассуждали некоторые. Другие придерживались иного мнения: сегодня твои враги, капиталисты, посылают тебя убивать твоих братьев ради своих капиталистических интересов, убивать тех, с кем ты вчера обсуждал вопросы социализма. Вчера ты поднимал знамя единства рабочего класса против капитализма, а сегодня из-за этих же капиталистов воюешь со своими братьями, рабочими и беспощадно обрекаешь их на смерть. Вот что происходило, и это нельзя простить II Интернационалу. Если бы II Интернационал осознал свою вину и сказал — да, мы

ошиблись, когда говорили о международном движении, о социализме; это было лишь непониманием, это были пустые фразы, которые увлекали нас в молодости... но он этого не сделал. Рабочий класс, даже та его часть, которая является жертвой эксплуатации, все еще идет за II Интернационалом, хотя многие решительно отходят от него. Сегодня в Англии победили левые, во Франции — средние, в Германии удивительно возросло влияние коммунистов. Ясно, что в Англии и Франции во время выборов социалистов поддерживали те, кто не был заинтересован в осуществлении социализма. Само существование II Интернационала тогда, когда существует III Интернационал со своим отношением к бесчестному предшественнику, уже свидетельствует о полнейшем разложении II Интернационала. III Интернационал не имеет другого такого непримиримого и опытного врага, как II Интернационал. Мы можем сказать, что буржуазия — это тот класс, с которым мы боремся, а II Интернационал не ведет этой борьбы, потому что она принимает массовый характер. Что за «массовые» организации буржуазия противопоставляет III Интернационалу? Это фашисты, офицеры, мелкая буржуазия или же меньшевики, которые опираются на верхушки рабочего класса. Фашисты стараются поработить рабочих и, в первую очередь, обмануть рабочие организации идеями патриотизма. Так обстоит дело в Италии. «Если мы укрепимся и добьемся расцвета Италии, — говорят они, — мы превратим ее в сильную державу, и вы, рабочие, тогда будете обеспечены». Некоторые простосердечно верят этой болтовне. Но общественное сознание развивается своим путем, и народная ненависть не находит нигде выхода; наступит день, когда встанут перед нами две стены — красная и черная. Трудно сказать, которая выстоит, но ясно одно: борьба будет идти за существование капитализма. А пока мы категорически заявляем капиталистам: желаете ли вы, господа капиталисты, работать с нами, с союзом четырех республик, где победил, наконец, труд? Если да, то пожалуйста. Нам необходимы электрификация, усовершенствованные машины, распространение грамотности, расцвет нашей страны, и, несмотря на то, что мы отлично видим вашу буржуазную сущность, несмотря на то, что вы заставляете Макдональда, как куклу, кричать то «мама», то «папа», несмотря на то, что мы все это хорошо видим и знаем, мы все-таки не прерываем с вами переговоров. Мы хотим, чтобы вы одолжили нам деньги, мы хотим иметь возможность торговать с вами. Мы сделаем все, что требуется для расцвета нашего хозяйства, потому что ничто не ранит вас так глубоко, как экономический расцвет пролетарского государ-

ства. Мы покажем вашим рабочим, как восстала из руин эта отсталая некогда страна, которая во времена царей славилась своей нищетой. Мы покажем это на фактах, ибо никакая пропаганда не может быть сильнее действительности, сильнее фактов. И именно эта истина портит кровь нашим врагам. Лорду Керзону приказали немного пощекотать Советские республики. И что же получилось? Мы не испугались, и он был вынужден заговорить с нами более серьезным и деловым тоном. Получилась какая-то странная, еще невиданная и неслыханная в истории человечества, демонстрация, и это тогда, когда Керзон собирался угрожать нам. Он-то угрожал, а в это время его близкие одергивали за полы сюртука и тихо увещевали его: «Что вы делаете? Вы без всякой причины восстанавливаете против себя огромные массы». Товарищи, может быть, у капиталистов еще не пропал аппетит к военным авантюрам?

Владимир Ильич говорил: «Мы должны ожидать еще одну мировую войну». Вот это был человек удивительно трезвого ума. Может быть, — говорил он, — буржуазии с помощью меньшевиков — социал-демократов — удастся натравить народы друг на друга, удастся еще раз закрыть глаза пролетариату. Но это будет в последний раз. Вопрос лишь в том — как произойдет это последнее кровопролитие? Может случиться, что сегодня сам народ, не только коммунисты и пролетарии, но и те, кто сплотился вокруг коммунистов, заявят — не хотим войны, не смейте ее начинать, — и сбросят диктатуру буржуазии, как недавно сбросили Мильерана. И так может произойти всякий раз, когда задумают развязать войну. Но буржуазия сто раз отмерит, прежде чем начнет свою военную авантюру. С помощью своего II Интернационала буржуазия обсуждает вопрос — как быть с партией большевиков? Если мы оставим без внимания эту часть человечества, то упустим из рук весьма большую прибыль. В то время, как капитализм стремится расширить производство и торговлю, буржуазные консерваторы и либералы говорят: «Если хотите торговать с коммунистами, одолжите им деньги, посмотрите, как расцветет эта страна». — «Да, но ведь этот расцвет грозит нам гибелью?» — возражают наиболее прозорливые из них. Ясно, что буржуазия на пороге смерти, но последний ее вздох, ее агония может быть очень длительной. Так или иначе, но последняя опора буржуазии — II Интернационал, главная ее сила и надежда, — весьма сомнительна и слаба. II Интернационал медленно испускает дух, чахнет, лучшие представители покидают его и присоединяются к III Интернационалу. Товарищи, ведь все, происходящее сейчас, касается не только рабо-

чих, но и интеллигенции. Через несколько дней на конгрессе Коминтерна будет выдвинут вопрос об организации интеллигенции вокруг Коминтерна.

Мы прекрасно знаем, что не сумеем создать новое общество, если нам искренне и бескорыстно не поможет интеллигенция. Для построения нового общества нам нужны инженеры, врачи и, едва ли не больше них, педагоги. Мы отнюдь не закрываем глаза на слабости интеллигенции. Повсюду во всем мире интеллигенция постепенно теряет свои преимущества, и во многих странах квалифицированные рабочие живут в лучших условиях, нежели интеллигенты.

Буржуазия копит деньги для войны, тратит колоссальные средства на новое вооружение и постепенно сокращает расходы на культурную работу. Таково положение не только в ущемленных войной странах, как, например, Германия, но и в Англии. Ужасы мировой войны оказали определенное влияние и на интеллигенцию, и она отвернулась от буржуазии. Но это еще не значит, что она примкнула к III Интернационалу. Нет, не примкнула. Лучшая часть интеллигенции с отвращением сторонится II Интернационала, но она пока что находится под влиянием таких идеологов, как Толстой, Ромэн Роллан и другие. Интеллигенция еще не знает, куда ей идти. К коммунистам она относится недоверчиво: «слишком крепка дисциплина, слишком массово их движение, никакого простора для личности». Все это очень отпугивает интеллигенцию. Но тем не менее, в среде интеллигенции идет большое брожение, и поэтому на конгрессе будет особо обсуждаться этот вопрос. Почти на всех наших собраниях мы будем говорить о том, как превратить педагога в активного деятеля мирового пролетарского движения. Нет необходимости говорить о том значении, которое приобретает педагог в Советском Союзе.

Что такое сегодняшней педагог? Неужто он будет продолжать отравлять сознание наших детей и сознание будущего поколения, как сознательно или бессознательно отравлял до сих пор нас законом божьим, «патриотической» географией, историей и многими другими ядами. Педагог творил такой же грех, как тот, кто поит ребенка водкой или кормит его маком, чтобы он не плакал и уснул. Правда, педагог дает ребенку необходимые объективные знания, но нам этого недостаточно. Мы должны обучать детей так, чтобы они осознавали происходящее вокруг них, должны воспитывать в них братскую любовь, ибо это величайшая моральная база для будущих борцов за правду, за идеи пролетарского интернационализма. Но в силах ли педагог перестроиться, переродиться, как переродились все мы, изучить сущность и методы нового преподавания,

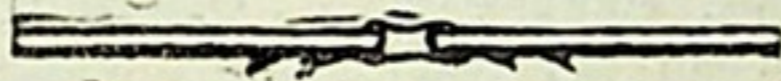
чтобы помочь нам создать главное — строителя, который на удобренной и очищенной нами ниве насадит цветущий сад.

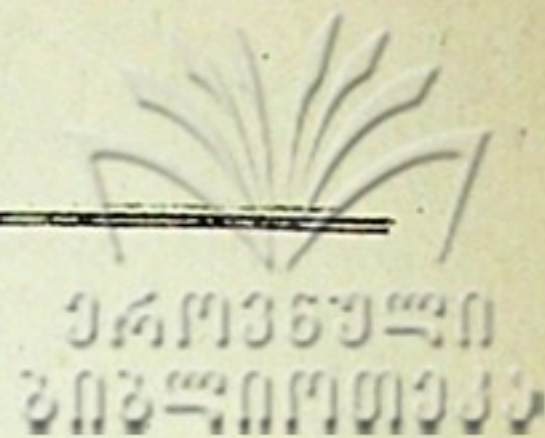
На XIII съезд Российской компартии явилась делегация от 15 тысяч учителей Московской губернии. Приход ее был радостен и значителен для нас, потому что желание участвовать в нашей работе зародилось и созрело среди самих учителей.

В своей страстной речи делегат, беспартийный учитель, нарисовал глубокое стремление своих собратьев вместе с коммунистами идти на великое и славное дело — воспитание народа; ясно, что объединение учителей с нами, коммунистами, является той единственной возможностью, которая поможет поставить школу на правильные рельсы.

Я совсем недавно приехал в Тбилиси. И за эти несколько дней успел обойти много школ. Огромное впечатление произвели на меня песни о Ленине и новой школе, которые пели малыши. Я наслаждался этими песнями и спрашивал себя: неужели существует где-нибудь еще такая школа, школа с содержательной, полной высоких идей жизнью: девятилетний мальчик или девочка уже зна-

ют, что живут в необыкновенную эпоху, что раньше существовал старый уклад жизни, старый строй, а сейчас строится новый. Они уже знают, что в нашей стране труд почетен, что всеобщее братство стоит на пороге нашей страны, и что, возможно, необходимы многие жертвы, но приносить жертву великому делу — счастье. И вот, товарищи, именно учителям выпала такая честь. — они обязаны изыскать методы, которые наиболее применимы к детям. Именно учителя должны стараться дать такое воспитание и такие знания, чтобы ребенок мыслил не бессознательными, не связанными друг с другом образами, а сам осязал и чувствовал предметы и явления многогранного мира и принимал непосредственное участие в окружающей его жизни. Вот каким должен быть педагог. Если мы сумеем создать такую школу, то будем вправе сказать, что заслужили благодарность и уважение новых поколений. Красноармейцу, крестьянину, работнику торговли, производственнику и пионеру принадлежит большая заслуга перед нашей эпохой, они сделали большое дело, и среди них далеко не последнее место занимают те, кто все это время сражается на третьем фронте — работники нашего просвещения.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Сандро Эули-Куридзе вошел в грузинскую советскую литературу как поэт-патриот, боец за счастье своего народа. Даже при беглом просмотре сборника его стихов «Избранное», вышедшего к 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности поэта, нельзя не почувст-

зовать единой направленности всего его творчества.

Один из основоположников пролетарской литературы Грузии, Сандро Эули рос и мужал вместе с молодой республикой Советов. Любопытно отметить даты, стоящие под стихами, и названия мест, где они были созданы. Например: «1921 г. Февраль. Кутаисская тюрьма». Из этого мрачного и сырого застенка сорок лет назад вышло стихотворение «За новую Грузию», в котором поэт славит свою родину и могучих орлов, вскормленных ею. В том же году, месяцем позже, в батумской тюрьме было написано стихотворение «На могиле героя», посвященное погибшему в кровопролитной борьбе Т. Мардалейшвили. Автор обращается к нему с теплыми, проникновенными словами:

Враги отомстили тебе,
Тебя на костре сожгли.
Но знай, что в народной груди
Образ твой вечно живет.
Нам будет светить в пути
Сердце большое твое.

Путь, избранный пролетарским поэтом, ясно проступает уже в самых ранних его стихах, относящихся еще к дореволюционному времени: «Таскалю» (1909 г.), «К морю» (1909 г.), «Песня кузнеца» (1912 г.), «Нищий» (1914 г.), «Песня столяра» (1915 г.). С темной непроглядной ночью сравни-

Сандро Эули. «Избранное». Перевод с грузинского. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1960

вает поэт жизнь народа, кратко, простыми словами рисует его обездоленность, но все стихи этого периода пронизаны светлым оптимизмом, непоколебимой верой в твердую поступь грядущего.

Понятны и близки поэту его герои. Выходец из беднейших слоев крестьянства, сирота, он сам хлебнул немало горя.

И вот Эули — в рядах революционных борцов. Его оружие — перо и стих. Полный горячей ненависти к прогнившему строю, всю свою энергию и силы отдает он борьбе за народное дело. В его стихах, как в зеркале, отражены поступь революции и утверждение величайшей в истории человечества эры — строительство народом новой жизни.

Широка и разнообразна тематика творчества Эули. Сборник «Избранное» включает 14 циклов стихов: «На баррикадах», «Перед бурей», «Утро новой жизни», «По пути Ленина», «Наш завод», «Дни великих побед» и другие. Названия говорят сами за себя.

Основной жанр поэзии Сандро Эули — политическая лирика. На протяжении всего своего творческого пути поэт всегда в гуще жизни. Он живо откликается на все многообразие ее явлений, неустанно воспеваает благородный труд советского человека, возводящего прекрасное здание коммунизма, озаренное светом всепобеждающих ленинских идей.

Великому Ленину, которого поэт видел сам на II Всероссийском съезде политпросветработников в Москве 17 октября 1921 года, посвящены в сборнике циклы «Бессмертные» и «По пути Ленина». Любовью и гордостью проникнуты строчки стихов о народе, который глубоко чтит своего бессмертного вождя, высоко несет поднятое им знамя все вперед и вперед.

В стихотворении «Ленин, клянемся тобою» грозно звучит неукротимая воля народа к победе:

Ленин великий, клянемся тобою:
Будем идти мы твоею дорогой,
Перед врагами, привыкшие к бою,
Знамя не склоним и в битве не дрогнем.

Народ сдержал эту клятву, прошел тяжелое испытание в годы жестокой схватки с гитлеровскими захватчиками.

«Дни великих побед» — так называется цикл стихов о Великой Отечест-

венной войне, наиболее широко представленный в сборнике. В стихах «Никогда», «Бей без жалости», «Кавказская походная», «Москва — сердце Родины» и других поэт гневно обличает врага, вероломно вторгшегося «в наше солнечное отечество» и неустанно призывает к беспощадной мести и полному уничтожению фашистского чудовища.

Одно из лучших стихотворений этого цикла — «Горсть земли» было напечатано в «Правде» в ноябре 1943 года.

Значительное место в сборнике занимает тематика дружбы народов. Ей отведено несколько циклов стихов — «Светлые имена», «Всей земле быть в цвету», «На Венгерской земле».

Необъятны просторы нашей Родины. И в каждом ее уголке, пусть самом далеком, живут братья и друзья навек. В стихах Эули слышна звонкая задушевная переключка русских и украинцев, армян и азербайджанцев, казахов и узбеков.

Особое место в сборнике отведено циклу стихов «Под небом Грузии». От всей души поэт-патриот приветствует расцвет новой жизни на родной земле. В стихотворении «Моя родина» он радостно восклицает:

Милый край вершин лучистых,
Край, в котором я рожден,
Край лесов и круч скалистых
Ныне солнцем озарен;
Много в прошлом пострадавший
Ныне к счастью возрожден!

В сборнике, помимо стихов, напечатаны две поэмы: «Чаладиди» — о великих преобразованиях на земле Колхиды и «Орлиное гнездо» — о дружбе грузинского и украинского народов, закаленной в огне войны.

Стихи и поэмы С. Эули, вошедшие в сборник «Избранное», проникнуты высоким чувством советского патриотизма. Большой интерес представляет предисловие Л. Каландадзе о жизни и творчестве пролетарского поэта.

К сожалению, нельзя не отметить, что в переводах некоторых стихов имеют место досадные стилистические и смысловые погрешности. Кроме того, стихи, напечатанные в определенном тематическом порядке, казалось бы, заканчиваются циклом «Утро новой жизни». И неожиданно вниманию читателя предлагаются циклы ранних стихов поэта — «На баррикадах» и «Перед бурей». Надо было бы эти циклы как-то выделить, хотя бы рубрикой, или отнести им место ближе к циклу «Бесмертие».

Несмотря на все это, можно с уве-

ренностью сказать, что сборник найдет живой отклик в широких массах читателей.

Т. ДОБРОВА

СЛЕД ПОЭТА

Две книжки стихов Георгия Крейтана вышли почти одновременно — одна в Тбилиси, в издательстве «Заря Востока», другая — в Москве, в «Советском писателе».

Георгий Крейтан — поэт большой и глубокой культуры, нежный лирик, темпераментный публицист, прошедший тридцатилетний путь в советской поэзии. Мне трудно быть объективным критиком стихов Крейтана: я знаю их давно, привык к ним, они связаны для меня с личностью их автора, с городом, где они создавались, с временем, которым они датированы. Трудно анализировать строчки, которые твердил наизусть, трудно быть критиком «Акробатки», которая вошла в твою юность. Меня и сейчас по-прежнему пленяет это стихотворение, написанное с таким изяществом и такое драматичное по существу. Под стихами стоит дата — 1929; десять лет спустя, в 1939 г., мои сверстники, молодые литераторы-тбилисцы, повторяли их с упоением; прошло еще двадцать с лишним лет, а стихи, я уверен, живут...

Вам могут послышаться в этом стихотворении блоковские нотки, но, я думаю, это за счет размера: возьмите любые стихи — четырехстопный ямб с дактилической рифмой в первой строке и женской — во второй, — и «Под насыпью во рву некошенном» непременно придет на память — такова власть шедевра... Вообще-то поэтические влияния «прослушиваются» в стихах Крейтана: и тот же Блок, и Маяковский — в гражданской лирике, и Пастернак — в белых стихах. Но явственно слышен в них голос самого автора — то настроенный на «лирическую волну», то жестковатый и резкий, то исполненный спокойного, раздумчивого созерцания.

Работа в газете воспитала в поэте острое чувство современности, умение

Георгий Крейтан. Стихотворения. Издательство «Советский писатель». Москва, 1959

Георгий Крейтан. Стихи и поэмы. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1958

оперативно откликаться на злобу дня. «мобилизовать» свою музу всегда, когда это нужно. Поэт-коммунист Георгий Крейтан был истинным бойцом на газетных страницах; он смело мог сказать о себе словами Маяковского — поэта, которого так глубоко любил: «революцией мобилизованный и призванный». И вслед за любимым поэтом он говорил всей своей литературной работой: «Умри, мой стих, умри, как рядовой...» Сколько их, стихов-солдат, рожденных в газетной запарке, делали свое дело, живя вместе с газетой один день и с нею же умирая. Мы не найдем этих стихов в сборниках, о них не напишут исследователи, но скажем им спасибо за их однодневный труд-подвиг!

Я помню десятки таких стихов, подписанных именем Крейтана, они печатались на газетных полосах, на желтой оберточной бумаге «агитлистовок» в годы войны, помню малюсенькую книжку 1942 года: «Книжка малышка: Будет Гитлеру крышка!» — в ней были отличные сатирические стихи Г. Крейтана с карриатурами художника И. Гурро.

Политическая страстность характерна для всей поэзии Георгия Крейтана. Человек глубоко партийный, никогда и ни в чем не изменявший своим взглядам и принципам, он остается самим собой в гражданской лирике, в стихах для газеты и в стихах для интимного дневника, всегда и во всем.

Я не случайно упомянул о дневнике. Дневниковый, подчас даже альбомный характер носят многие стихи Крейтана — они написаны как бы для себя или адресованы определенному лицу. Крейтан писал каждый день. Многим, знавшим его, памятна заветная толстая тетрадь в коленкоровой обложке — с ней он, кажется, никогда не расставался. Стихи в тетради нумеровались, какopus композитора; нумерация зашла за тысячу. Конечно, не все из этого поэтического дневника заслуживает публикации. Даже в двух посмертных сборниках есть стихи, которые, быть может, и не стоило помещать среди избранного — не потому, что они очень «личные», а просто потому, что сами по себе не очень хороши («Сколько надо прошагать вдвоем», «Я понял все», «Да, это был рассвет», «Большой сын»). Но каковы бы ни были поэтические достоинства того или иного из этих стихотворений, они ценны как человеческий документ, как след чистой, мужественной, красивой жизни, и с этой точки зрения интересны и поучительны. Сквозь взволнованные, подчас торопливые строки возникает перед нами человек глубоко привлекательный, сильный, цельный, пронесший через всю жизнь светлую,

нерастраченную любовь, человек высокого коммунистического благородства, наш друг и современник.

Две книжки, изданные посмертно, — лишь частица того, что сделал Крейтан. В Тбилиси, в здании «Зари Востока», в просторном кабинете с огромным, во всю стену окном, прошли многие годы жизни поэта — бессменного сотрудника «Зари Востока», заведующего отделом партийной жизни. В те времена редакционные работники не знали регламентированного рабочего дня. Можно было прийти и в полдень, и в шесть вечера, и во втором часу ночи — Крейтан сидел в своем кабинете, над свежими полосами, над рукописями, над ворохом бумаг, среди которых время от времени появлялась, извлекаемая из ящика стола, та самая заветная тетрадь в коленкоровой обложке.

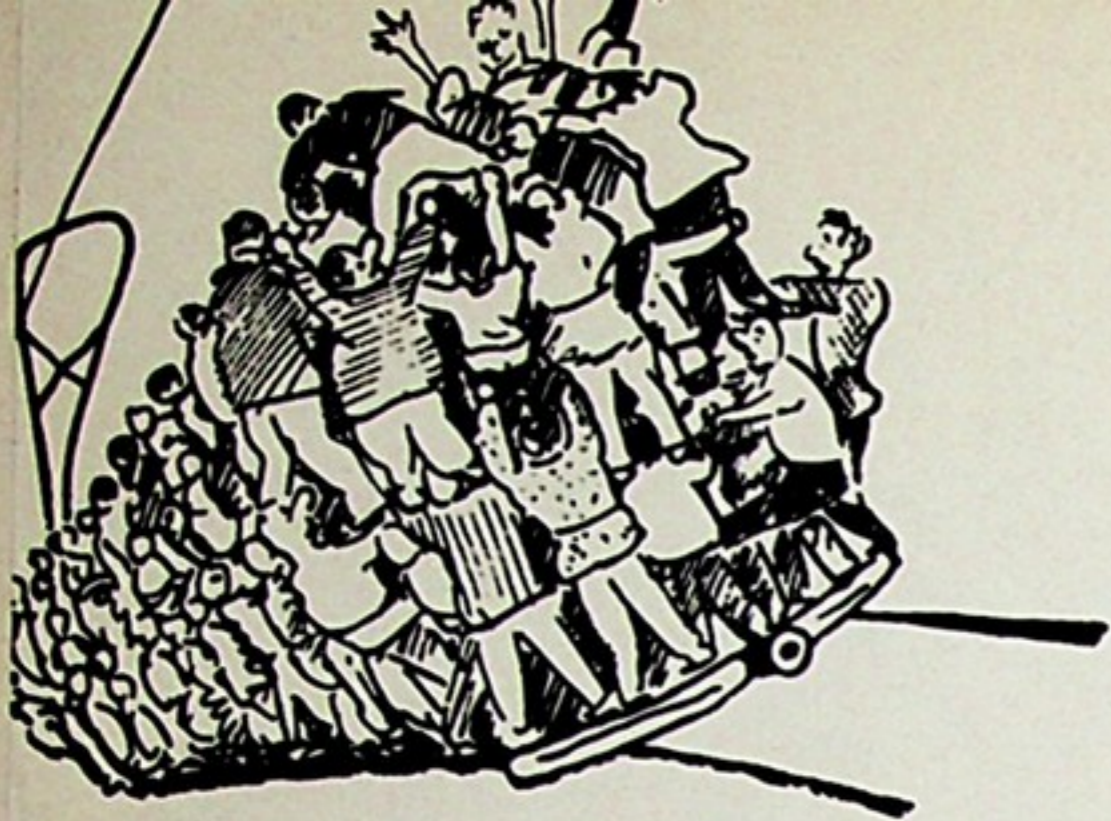
Я как-то спросил его, не мешает ли газетная текучка его поэтической работе. Признанный литератор, член Союза писателей чуть ли не со дня его основания (однажды он с гордостью показал нам свой писательский билет, подписанный Горьким), Крейтан вряд ли нуждался в газете как в источнике существования. Я сказал ему об этом. Он удивился. «Я ведь газетчик, — сказал он. — Разве газетчику может мешать газета?»

Заветная тетрадь среди газетных полос — это было для него естественно и органично. Это была одна жизнь, жизнь, полная до краев, жизнь на предельной отдаче. И поэзия, и газетная текучка, и книги, и «академия» (о которой я скажу ниже) шли рядом, в одном стремительном потоке, не задумываясь о том, мешают ли они друг другу.

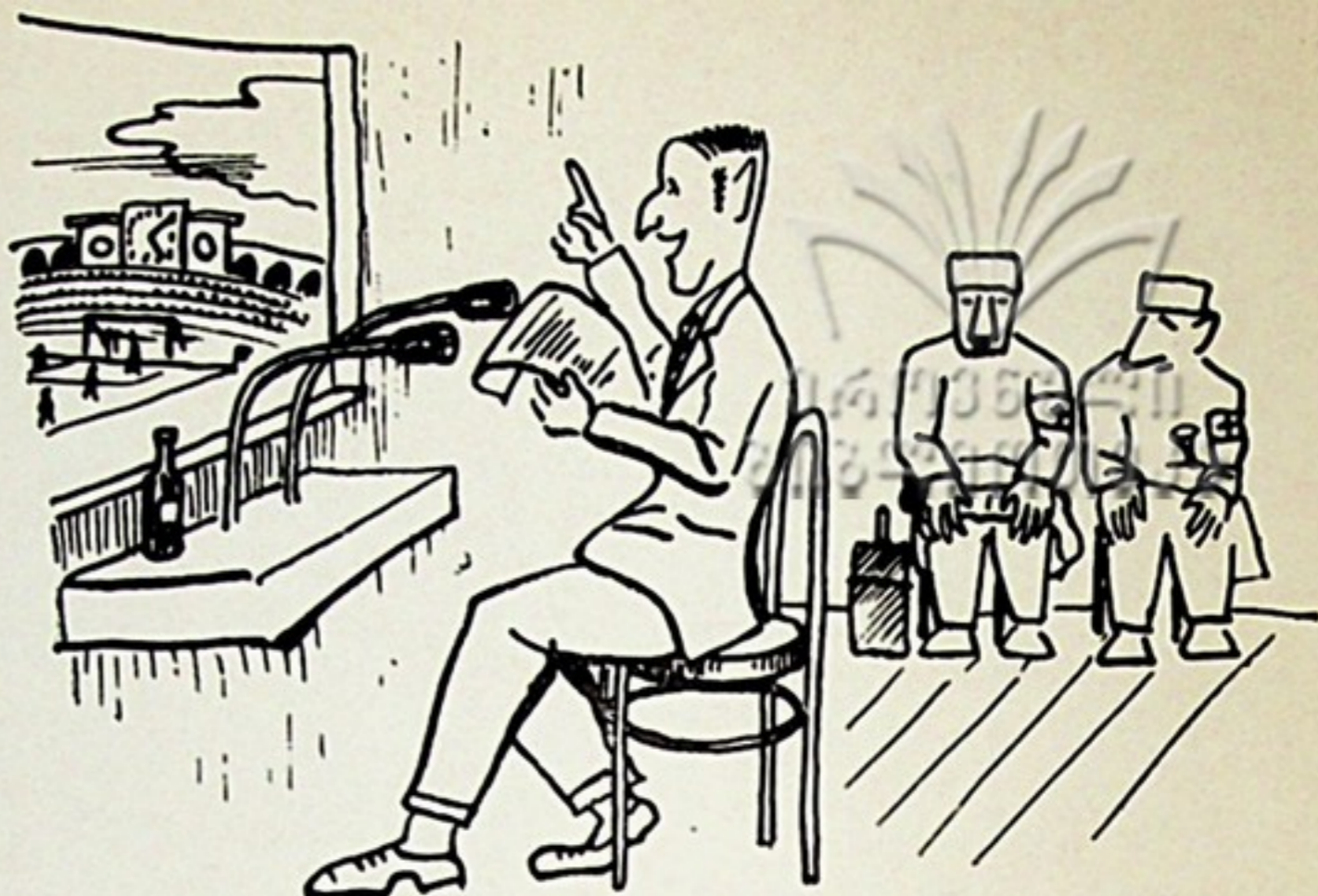
После войны Крейтан едет редактировать республиканскую газету во Фрунзе, потом его назначают редактором в Калининград, тогда еще полуразрушенный, дымившийся остатками войны.

В 1949 году, уже больной, он возвращается на родину, в Тбилиси. В стихах его, всегда таких искренних, звучит мотив грусти. Но и в этих элегиях нет ни ущербности, ни пессимизма; в них просветленная, я бы сказал, пушкинская просветленная печаль, в них осенняя зрелость, в них все та же неистраченная любовь.

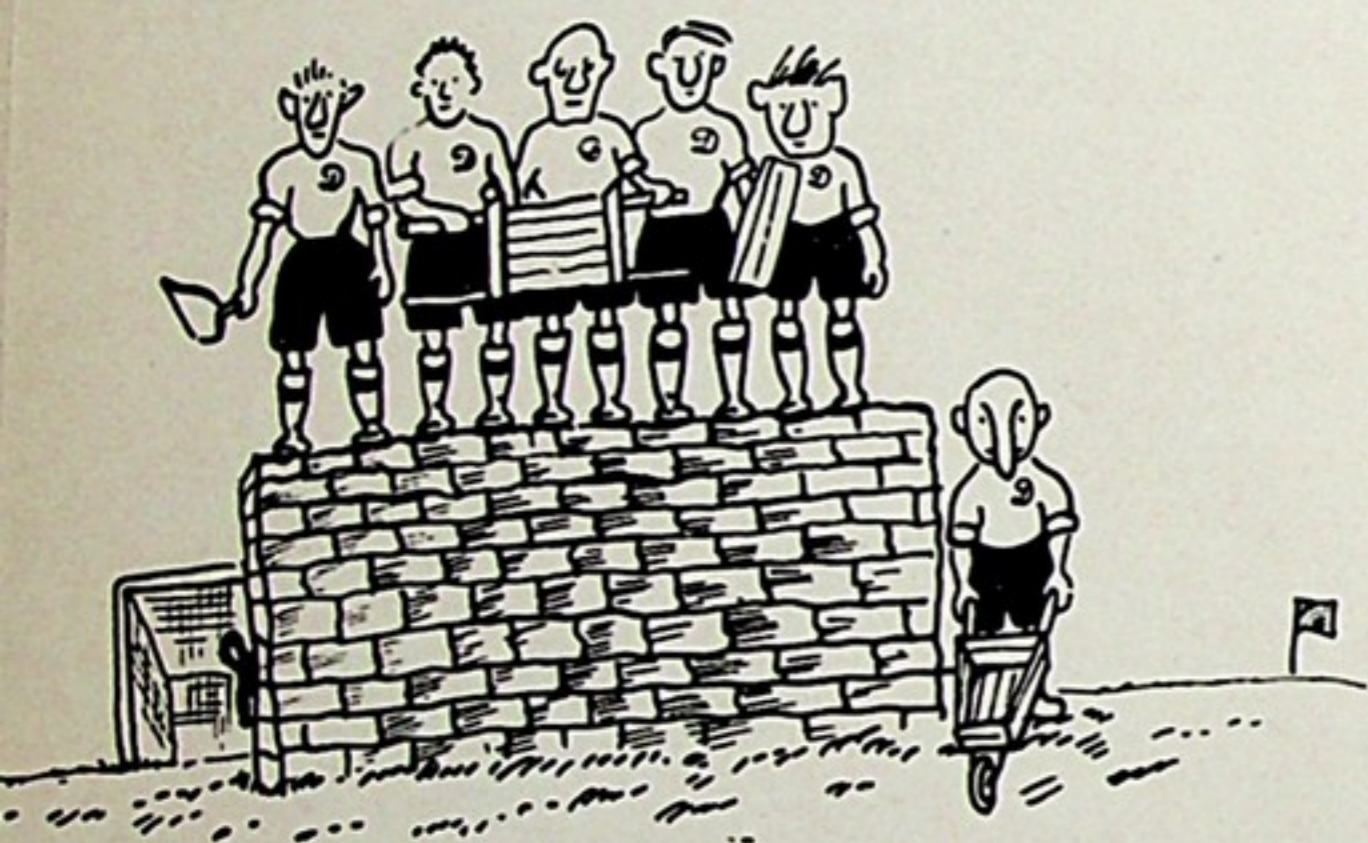
...И лета уходящего не жалко.
Не страшен волн вскипающий накат.
И мы с тобой взбираемся на камень,
Рука к руке, прижавшись к другу друг.
Глядим, как море ходит беляками,
Как тучи собираются вокруг.
И вдруг, невыразимой тайны полный,
Под темно-фиолетовым шатром

Все дороги ведут на футбол.

Начинаем нашу передачу...

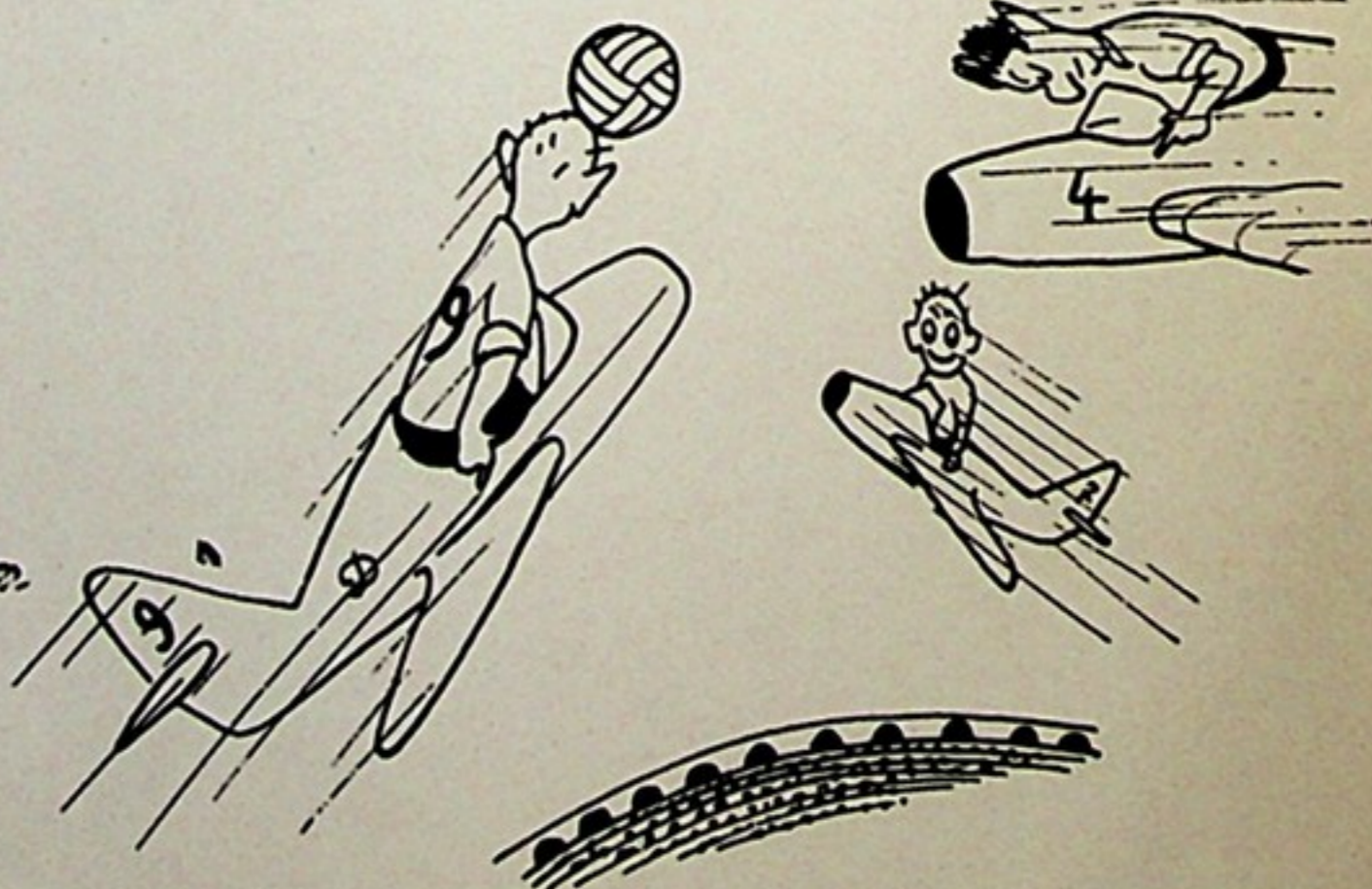
Защитники воздвигли стенку...

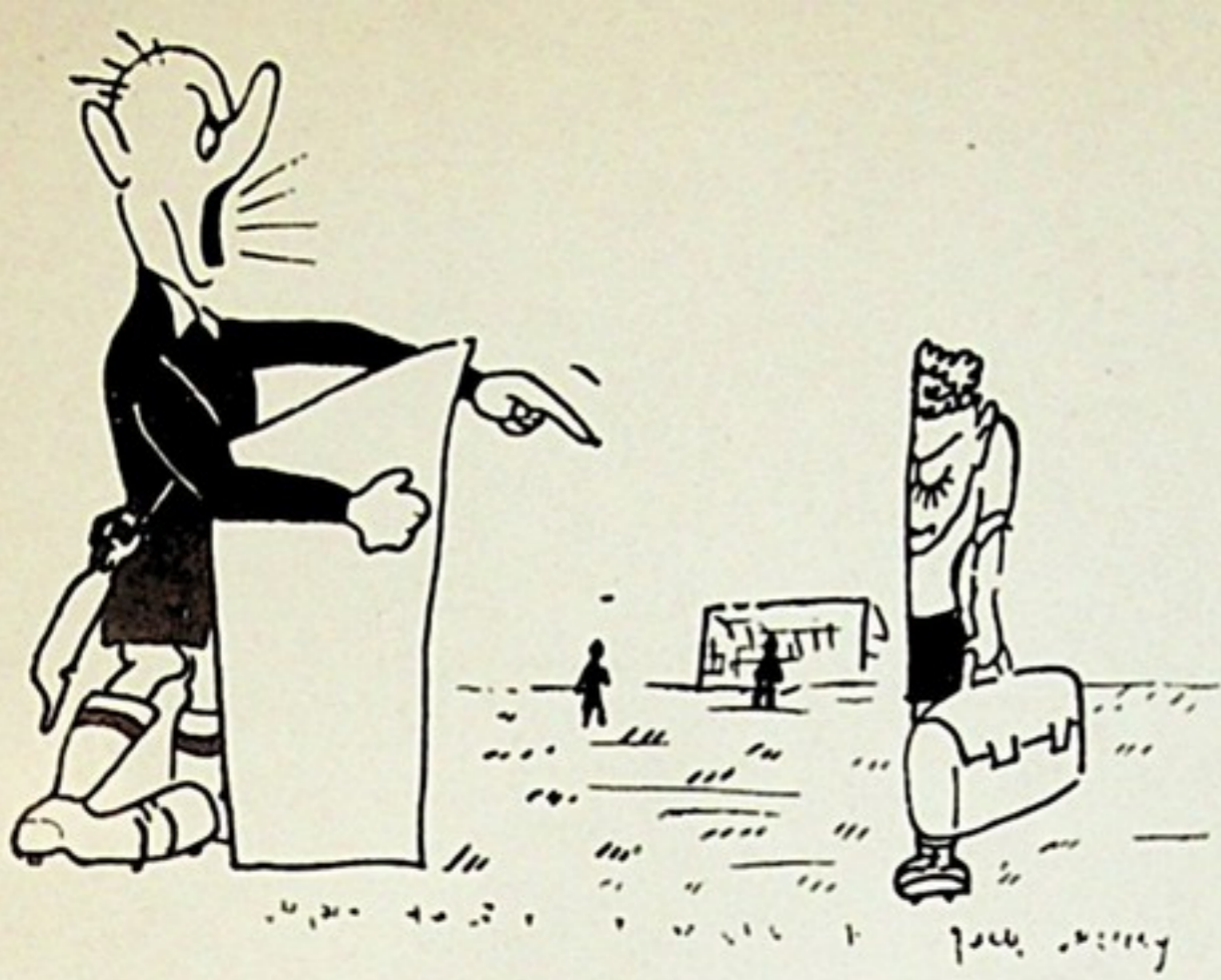
Мяч на левом крыле.

Удар! Еще удар!..

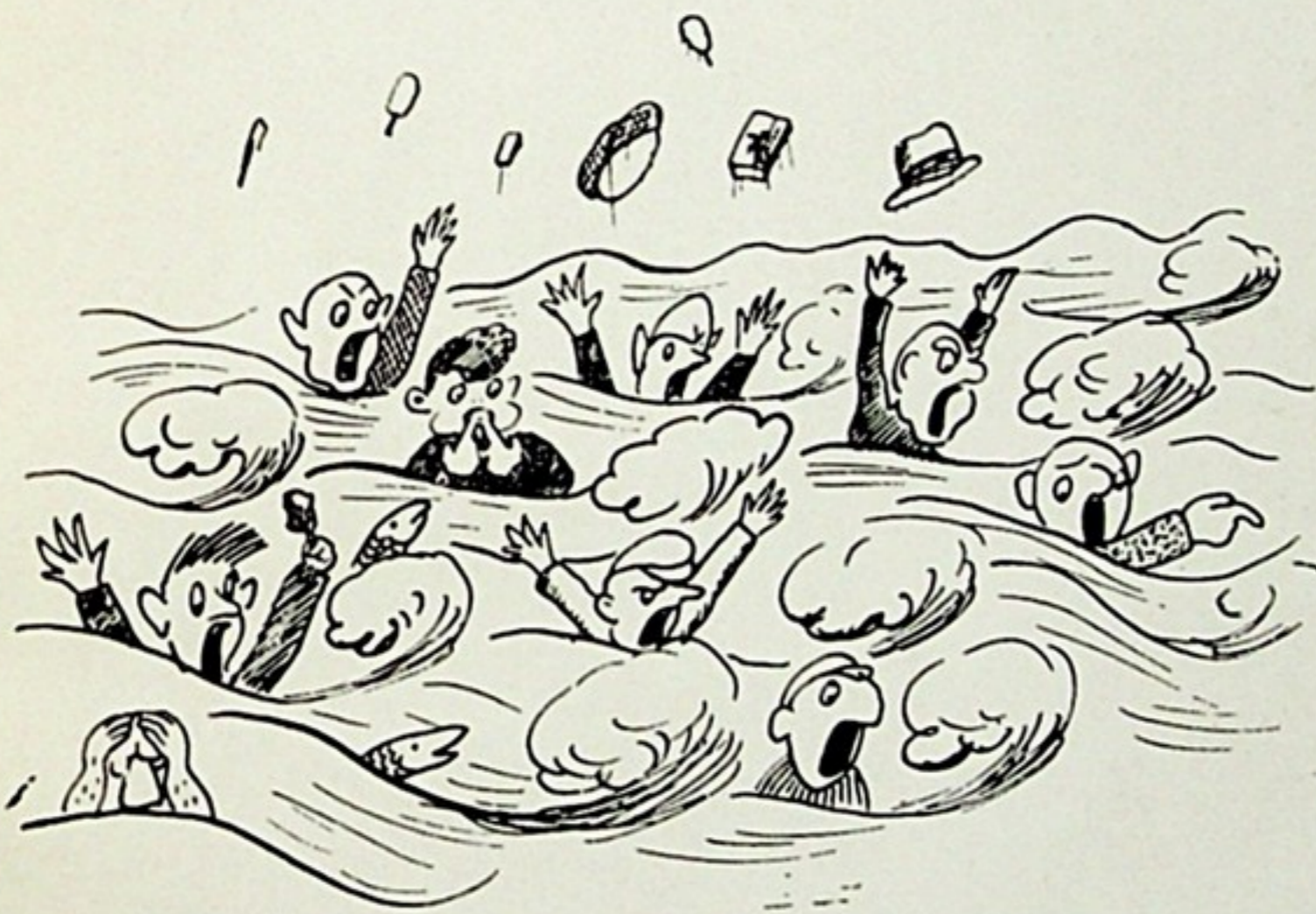
Разгорелся воздушный бой!

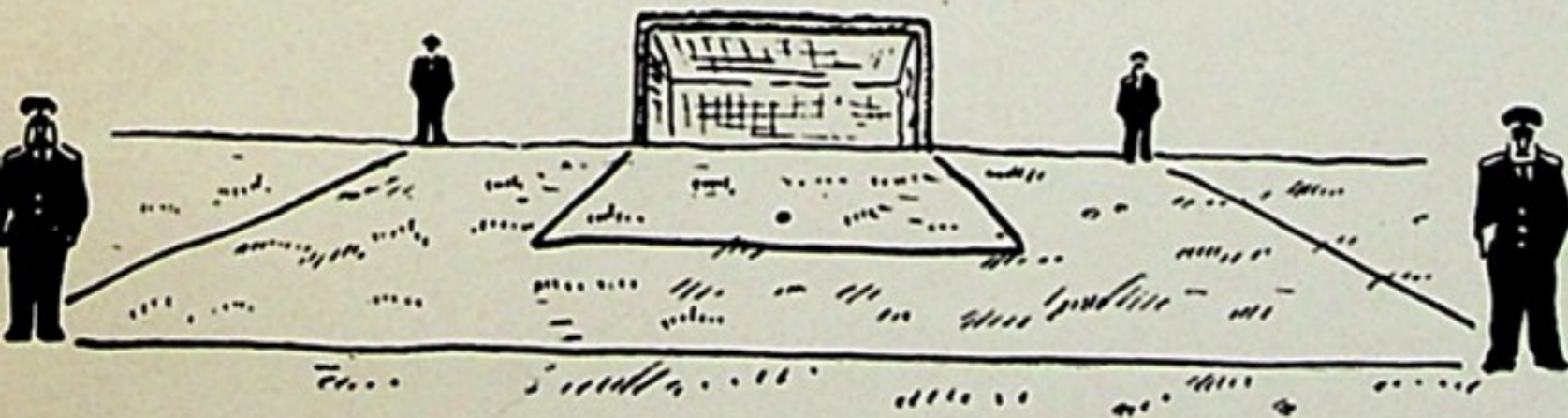
Судья оштрафовал полузащитника...

Игроки висят на воротах противника...

На трибунах — волнение.

Штрафная площадка.

Но... Матч окончен. Передача была организована редакцией журнала «Литературная Грузия». Вел передачу Тенгиз Гоголадзе

Взлетает свет еще безмолвных молий,
И лишь потом прокатывает гром...

Это стихи 1950 года, конца жизни Георгия Владимировича Крейтана. Поэт по-прежнему работал в газете, занимался с литературной молодежью, жадно читал сотни страниц в день (это было его свойством — «глотать» книги), вел большую общественную работу — жил на предельной отдаче.

Тбилиси для русского поэта Крейтана был не просто местом постоянного жительства. Он любил свой город, он был его частицей, он был настоящий тбилисец по многим чертам своего душевного облика — ведь есть же такие характерные черты, по которым вы всегда узнаете земляка!

В стихах его много от Грузии, от грузинской поэзии, которую он хорошо знал и с любовью переводил.

Для организации русской литературной жизни в Тбилиси Георгий Владимирович сделал очень много. Еще до войны он предпринял опыт издания альманаха русской прозы и поэзии в Тбилиси. Вышел один номер; началась война. Он заботливо собирал вокруг себя молодых литераторов, пишущих на русском языке; в его заботе о каждом, в его безотказной готовности помочь, посоветовать, проговорить с человеком день, вечер, ночь, была настоящая самоотверженность, — он и тут тратил себя без остатка.

«Академия»... Кто придумал это слово, вернее, кто наградил этим именем молодых людей, собиравшихся по субботам в «Заре Востока», в комнате на втором этаже? По-моему, сам Георгий Крейтан. Году в 39-м в Союзе писателей Грузии собиралось под его руководством русское литературное объединение. Потом, помнится, наступил какой-то перерыв, потом собрания продолжались, но уже в редакционном кабинете Крейтана, на сугубо общественных и даже не совсем официальных началах. Со свойственным ему серьезным юмором Георгий Владимирович произносил одну и ту же фразу: «Прошу садиться, академики». «Академики», старшему из которых было лет 25, а младшему 18. степенно рассаживались вдоль стен, потом луч настольной лампы направлялся на «именинника» и... начинались стихи или рассказы, или критическая статья, в зависимости от принятого на сегодня распорядка.

Сколько было прочитано за эти вечера, сколько было говорено о поэзии, о судьбах литературы.. Георгий Владимирович с его огромной эрудицией, безу-

печным вкусом, бескомпромиссной принципиальностью во всем, что касалось искусства, был руководителем, организатором, душой этих собраний. Это была настоящая школа. Те, кто прошел ее, благодарны ей на всю жизнь.

Я пишу эту статью с думой о том, что жизнь, прожитая не экономно, талант, растрачивающий себя не только для книг, но и просто для людей, не исчезают бесследно. Две книжицы... Разве только они итог жизни Георгия Крейтана? А мысли, которые он дарил окружающим? А самый пример, который он являл своими поступками? А след, который он оставил в памяти, в трудах, в жизни других людей?..

А. ГРЕБНЕВ

«ЗЕМЛЯ БОЛЬШАЯ»

Маленькая, тоненькая книжка. На желтой обложке — горы, дороги, мосты. Это сборник стихов Нодара Гурешидзе «Земля большая». Так называется и заключительное стихотворение сборника. С него и хочется начать разговор. И не только потому, что это произведение — лучшее в сборнике, но и потому, что в нем поэт как бы суммировал свои переживания, объединил несколько тем, которые затронуты и в других его стихотворениях.

Любовь к родной Грузии, гордость за свою необъятную великую Родину, гнев против злой силы, «размежевавшей мир границами», стремление к миру и братству с людьми всех стран — эти мотивы отчетливо звучат в хорошем, взволнованном стихотворении «Земля большая».

Поэт много ездил по родной стране. И в его сердце зреют «строк наливающиеся колосья». Он воспекает просторы Шираки, картлийское небо, прелесть ра-

Н. Гурешидзе. «Земля большая». Перевод с грузинского. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1960

чинских гор и низин, величавый Кавкасиони. Но «влюбленный в Москву, Ленинград и Минск», влюбленный в родную Советскую страну, он не может оставаться равнодушным к судьбам народов мира. Он мечтает пересечь суровые и тесные границы, разделяющие страны и людей. Он хочет видеть всех братьями в единой семье «большой земли». Взволнованно звучат строки:

Но этим мечтам не осуществиться,
пока на земле
границ преграды.
О, как я завидую вольным птицам
и солнцу,
которому границ не надо!
Я верю в день прозрачный и мирный,
в который бы люди
границ не знали!
Пусть мир
безграничный,
гостеприимный
Все двери свои распахнет
и дали!

Тема мира и дружбы народов занимает значительное место в творчестве Н. Гурешидзе («Моих друзей по пальцам не сочтешь», «На улице мира», «На путях иноземных»). Привлекает внимание небольшой цикл стихотворений «На путях иноземных», в котором поэт выразил свои чувства в связи с поездкой за границу. Каждое из четырех стихотворений цикла написано в своеобразной манере, передает различные настроения автора. Поэт видит все глазами советского человека, человека объективного, умеющего правильно анализировать и оценивать все факты, все, с чем он сталкивается. В маленьком, незначительном, на первый взгляд, эпизоде Н. Гурешидзе умеет подметить большое, волнующее, сделать из него обобщающие выводы (стихотворения «Чай», «Кабаре»). Интересно по замыслу включенное в этот цикл стихотворение «Шахматы», в котором автор, проводя аналогию с игрой в шахматы, раскрывает волчьи принципы борьбы за место в капиталистическом мире:

Здесь главное — время!
И совершенно излишни здесь
Уступки и щедрость,
жалеть здесь
не нужно и глупо.
Здесь грозная битва!
И ты превращаешься весь
В жестокость и злобу,
идушие твердо по трупам.

В своих лирических стихотворениях Н. Гурешидзе воспевают любимые сердцу каждого грузина горы. Характерно,

что даже в стихотворениях, посвященных любимой, Н. Гурешидзе воспевают природу, которая органически входит в ткань стиха, помогает поэту полнее выразить свои чувства.

С удовольствием читаются такие задушевные лирические стихи, как «Ты виновата», «Листопад», «У рыбаков», живая жанровая картинка «Сын», в которых автор нашел очень удачные поэтические образы. И тем более обидно, что наряду с ними в сборнике встречаются такие бледные стихи, как, например, «Цветы», напоминающие запись в старинных девичьих альбомах: «Цветы — они твое дыханье, цветы — они твой звонкий смех» (Перевод Р. Сокола). Или стихотворение «Дети», в котором как-то не вяжется грозное предупреждение об атомной бомбе с сентиментальными излияниями о детях, бегущих, «как звонкие, святые роднички» (Перевод Р. Сокола).

В целом сборник оставляет хорошее впечатление. Он является плодом пережитого, прочувствованного поэтом, свидетельствует о творческих способностях Н. Гурешидзе.

Но нельзя забывать, что сборник-то переводный. А как предстал Гурешидзе перед русским читателем? Надо сказать, что чувство проникновения в сущность и смысл произведения часто изменяет переводчикам. Большинство переводов осуществлено Р. Соколом. Наряду с хорошими, встречаются переводы, выполненные небрежно, наспех, с примитивными, невыразительными рифмами: дня—меня, меня—огня, моя—края, манят—сулят («Она мне что-то сказала...», перевод Р. Сокола) и др. Досадны и некоторые странные, маловыразительные поэтические образы, как, например: «И эти горы, слившись с небесами, в душе моей стоят горящими кострами» («В горах Бакуриани», перевод Р. Сокола).

Переводчик позволяет себе вольно обращаться и с самим русским языком. Коробят подобные слова: тыщи, ветра, неводá. Просто неграмотны выражения: «там бывало куда человеку легко», («Кабаре», перевод Р. Сокола), вместо «легче»; «снежки», вместо «снежинки» («Первый снег», перевод Г. Мазурина).

К наиболее удачным относятся переводы, выполненные Л. Магистровой — «Земля большая» и «Ты виновата». По ним чувствуется, что переводчица не только «угадала» замысел автора, но и смогла донести его до читателей.

В заключение хочется пожелать молодому поэту больше разнообразить тематику своих стихотворений, добиться большей четкости и ясности художественного замысла, меньшего увлечения

традиционными поэтическими приемами. И тогда можно будет надеяться, что Н. Гурешидзе сумеет идти верным путем по «земле большой» поэзии.

И. КАРАШВИЛИ

ГОРЕНИЕ ПОЭЗИИ

В самом начале нашей рецензии хочется обратиться к читателю, который впервые возьмет в руки изданную «Зарей Востока» книжку стихов Медеи Кахидзе, с предупреждением: не верьте, читатель! Не верьте невыразительной, скучной обложке, «одевающей» книгу, не верьте мрач-

но - зеленому тону суперобложки. Лучше сами почитайте стихи, и вы убедитесь, что наиболее точными словами для характеристики этих стихов будут такие, как яркость, красочность, многоцветность...

Медея Кахидзе — поэтесса молодая. Это видно из каждой строчки, выходящей из-под ее пера. Это видно по той щедрости, которая свойственна молодому таланту, не опасющемуся растратить свои «поэтические кладовые». Это видно по смелым и иногда даже по молодому дерзким поэтическим образам.

Хочется напомнить маленькое, на мой взгляд, особенно светлое, прозрачное стихотворение:

Светлячок, ты с рожденья пылаешь
огнем,
Долго длится скупое горенье...
А по мне — лучше сразу сгореть,
чтоб, как днем
Стало ночью, — хотя б на мгновенье.
Сделай, боже, чтоб свет мой
прохожим помог
Подойти к дорогому порогу.
Для себя, для одной, как скупой
светлячок, —
Не хочу освещать я дорогу!

Эта лирическая миниатюра может сказать о многом для характеристики

М. Кахидзе. «Родник ли я?» Стихи. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1960

особенностей поэтического почерка М. Кахидзе: о преемственности великих традиций грузинской поэзии и о смелости в преобладании старых, традиционных образов («далекый, нежный свет» светлячка превращается в «скупое горенье»); о глубине и серьезности понимания назначения поэзии и о увлекательном, юном темпераменте лирического героя. Можно заметить, кстати, что тема «дороги», «пути к родному порогу» — одна из основных в настоящем сборнике.

«Родной порог» — образ, который в творчестве М. Кахидзе, разрастаясь, становится символом Родины. Ей посвящает поэтесса наиболее проникновенные строки: стихотворения «Если жизнь за тебя не отдам», «Не имеешь права», «Небо — как Рица, чистое, светлое» и много других.

В каждой строчке, в каждом образе поэтессы виден художник, творящий в Грузии. Прочная связь с живыми традициями прошлого и народность, национальность поэзии — вот наиболее характерные черты творчества М. Кахидзе. Приведу несколько примеров на удачу:

Что случилось? Чинарам больно?
Ветви сложены на груди...
Волна, как шаль, ложится мне на плечи...
И луна форестью золоченой
В руки мне плыла издалека.
Небо, словно ребенок — сливы,
Прячет за пазухой звезды в тумане...

В этих строчках поражает графическая точность рисунка. И в то же время удивительно и непонятно возникает чувство: так, такими словами мог написать только наш соотечественник и наш современник.

Точно обозначенные «обстоятельства места и времени» характеризуют даже сугубо личные стихи на, так называемые, «вечные» темы. Как будто по всем давним «канонам» интимной лирики созданы стихотворения «Вдруг море — на дыбы», «Когда я люблю», «Ты ушел. Свернул за дом угловой». Но перечитайте их еще раз, и убедитесь: вечны любовь и дружба, во все времена создавались о них стихи и песни, но «всевременность» этих тем не обозначает вневременность.

Вечер в город сгоняет мглу.
По асфальту снежинки крутя.
А я в твоём сердце, в дальнем углу,
Стою, как наказанное дитя...

Мне кажется, что эти строки накрепко привязаны к нашему времени.

И это ощущение вызывается не только асфальтом и другими «приметами дня», а строем чувств, выраженных в них. В лучших своих стихах М. Кахидзе поднимается до того высочайшего требования к лирике, которое ею самой сформулировано так:

Не проходи, мой век, спокойно мимо,
Будь до конца большой любви
предчувствием...

Однако не во всех стихотворениях этот уровень оказывается сохраненным. В творческой практике поэта это явление естественное и объяснимое: как не бывает хребта, состоящего сплошь из вершин, так не бывает и художника, создающего одни шедевры. Но не лучше ли было строже подойти к отбору стихов для сборника (первого сборника М. Кахидзе на русском языке!) и отказаться от печатания ряда слабых произведений (пожалуй, стоило бы посоветовать автору поступиться такими неудачными, «романсными», в худшем смысле, стихотворениями, как «Ласточка Хатуна», «Снежный, окутанный туманами пик», «Ходит-бродит бедный, осунувшись», «Я тебе доверяюсь», «Два дерева возле дороги», «Тебя не встревожу упреком и жалобой» и некоторыми другими).

Думается, что если бы книжка была меньше и строже, не создавалось бы и того впечатления тематического и интонационного однообразия, которое остается у читателя. Именно поэтому, на фоне книги, очень приятной выглядит чудесная маленькая поэма для детей «Дятел-строитель» с ее теплым юмором и ненавязчивой моралью.

Несколько слов в заключение о переводах и переводчиках.

М. Кахидзе переводили Б. Окуджава, В. Соколов, Д. Голубков, С. Ломинадзе, Ю. Вронский и другие. Все они в общем добросовестно подошли к делу и дали читателю прекрасные переводы, органично звучащие на русском языке. Можно указать только на отдельные огрехи.

В стихотворении «Мальчику с глазами теленка», например, образ довольно неудачный: «Уж нет у удушенных — длинных сосулук». Не вполне точно сказано: «Прохожу, не меняя лица». Очевидно, речь идет о выражении лица.

Во всяком случае, следует отметить, что, благодаря стараниям всех, кто имел отношение к изданию книги стихов Медеи Кахидзе «Родник ли я?», русский читатель получил возможность познакомиться с творчеством талантливой

и своеобразной грузинской поэтессы. Думается, что знакомство это будет приятным.

М. ЭСАКИЯ

О ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

На современном историческом этапе, в условиях интенсивного развития художественного перевода, разработка теоретических его основ приобретает первостепенное значение.

Этой важной задаче посвящено монографическое исследование Г. Гачечиладзе «Вопросы теории художественного перевода. (Проблема реалистического перевода)».

Исходный вопрос — что такое художественный перевод, каковы его границы и методы его выполнения — ставился в каждую эпоху, и каждая эпоха давала на него свой исторически обусловленный ответ.

Особо ценной, принципиальной стороной труда Г. Гачечиладзе является тот факт, что важнейшая проблема методологии реалистического художественного перевода ставится и разрешается им на базе марксистско-ленинской теории отражения. Основываясь на этой теории, автор определяет границы и специфику перевода как составной части художественной литературы:

«Перевод есть форма художественного творчества, в котором подлинник играет ту же роль, что в оригинальном творчестве живая действительность».

Проводя в творческом плане аналогию между оригинальной литературой и переводом, Г. Гачечиладзе здесь же определяет и специфику искусства перевода:

«Отличие переводчика от автора оригинала в том и заключается, что его творчество не только обусловлено действительностью современной ему жизни, но ограничено художественной действительностью оригинала. Последнее обстоятельство и обуславливает специфику искусства перевода».

Г. Гачечиладзе. «Вопросы теории художественного перевода. На грузинском языке. Издательство «Сабчота мцэрალი».

Но художественный перевод не может подразумевать абсолютно полного повторения оригинала в переводе, поскольку два различных языка пользуются совершенно различными средствами для выражения одной и той же мысли.

Опираясь на ленинскую теорию отражения, Г. Гачечиладзе дает предельно точную формулировку понятия реалистического перевода:

«В свете марксистско-ленинской теории отражения реалистический перевод представляется нам вечным, бесконечным приближением мышления переводчика к оригиналу. Но так же, как картина художника не полностью исчерпывает предмет отражения, и познавательный образ переводчика не исчерпывает оригинала. Между переводом и оригиналом создается приблизительное совпадение или соответствие в пределах реалистического искусства, со всеми характерными для него признаками».

Что же это за «соответствие в пределах реалистического искусства», и в чем заключаются «характерные для него признаки»?

Базируясь на диалектическом принципе единства содержания и формы в реалистическом искусстве, автор утверждает, что перевод не повторяет содержания оригинала в новой национальной форме, а создает аналогичное подлиннику единство содержания и формы.

Точно так же, как произведение искусства не является копией, отраженной в нем реальности, а содержит в себе некоторые условия изменения, отклонения от этой реальности, и художественный перевод несет в себе условные изменения по сравнению с оригиналом. Преимущество реалистического перевода в том и заключается, что творчески воссоздавая оригинал в единстве содержания и формы, он содержит в себе минимум таких изменений, в то время как дословный или вольный переводы дают всевозможные отклонения — вплоть до создания совершенно нового произведения. Этот момент и подразумевался выше, когда шла речь о «соответствии перевода с оригиналом в пределах реалистического искусства».

Итак, реалистический перевод дает диалектическое разрешение исторически сложившегося противоречия между двумя крайними тенденциями — дословного и вольного перевода. Автор детально рассматривает процесс создания реалистического перевода. Реалистический метод подразумевает прежде всего изучение художественной действительности оригинала и отраженной в нем исторической действительности, а также национальных особенностей произведения. Переводчик должен правильно понять и осмыслить мировоззрение и твор-

ческий метод автора, его стилистическую манеру и уже после этого, путем отбора типических черт оригинала как в отношении содержания, так и стиля, создать новую, аналогичную оригиналу художественную действительность перевода.

Чрезвычайно важной в системе реалистического перевода является проблема передачи в новой языковой среде национальной специфики подлинника. Исследователь ставит вопрос: какому из двух элементов отдается предпочтение в процессе перевода — национальной форме литературного языка оригинала или языка перевода? Вопрос разрешается опять-таки в сфере диалектического единства, путем органического синтеза этих двух начал. Реалистический перевод, творчески воссоздавая художественную действительность оригинала, передает и основные стороны его национальной специфики. Но при этом проявляется национальная специфика творчества переводчика — в его умении использовать образные ресурсы родного языка для воссоздания в переводе художественной системы оригинала. Стало быть, реалистический перевод практически разрешает труднейшую проблему художественного перевода: сохраняя в себе национальные особенности оригинала, он в то же самое время является полноценным художественным произведением языка, на который сделан перевод, со всеми характерными для последнего национальными признаками.

Исходя из творческой основы перевода как формы художественного отражения, Г. Гачечиладзе уделяет большое внимание и взаимоотношению эстетической и лингвистической сторон художественного перевода. Автор убедительно показывает, что проблема перевода решается не в области языковых соответствий, а в области художественного творчества, то есть соответствий эстетических. С этих позиций в разбираемом труде оспаривается положение лингвистической концепции перевода, представленной в труде А. В. Федорова «Введение в теорию перевода».

По мнению исследователя, область художественного перевода начинается там, где кончается область языковых сопоставлений, а языковый элемент играет в нем лишь вспомогательную, подчиненную роль.

Правильно ставится и разрешается автором и важнейшая проблема индивидуальности переводчика, взаимосвязь его метода с мировоззрением.

«Художественное произведение, — говорит Г. Гачечиладзе, — воздействует на переводчика, который с своей стороны проявляет к нему определенное идейно-эмоциональное отношение; в результате взаимодействия двух факто-

ров — объективного и субъективного — в сознании переводчика оформляется то или иное восприятие данного произведения, в соответствии с которым создается перевод». Отсюда вывод — «художественный перевод есть творческий синтез своеобразий автора оригинала и переводчика».

В активном идейно-эмоциональном отношении переводчика к оригиналу выражается его мировоззрение, а в способе воссоздания подлинника в новой языковой среде — творческий метод, соответствующий этому мировоззрению.

Общеизвестно, что художественный перевод так же, как и оригинальная литература, являлся на протяжении веков орудием идеологической борьбы. В нашу эпоху художественный перевод — составная часть литературы социалистического реализма — служит идеологическим орудием в борьбе за построение коммунизма.

Подводя итог методологическому обоснованию проблемы реалистического перевода в его важнейших аспектах, автор книги приходит к выводу:

«Согласно такому пониманию, реалистический метод перевода представляется нам высшим достижением искусства перевода. В прошлом он соответствовал прогрессивному мировоззрению, а то и народности искусства. Советский метод перевода представляется нам последовательным реалистическим методом, который соответствует преемственной народности нашего мировоззрения».

Вслед за главой, посвященной общим проблемам теории перевода, Г. Гачечиладзе переходит к рассмотрению принципов перевода основных жанров литературы — прозы и поэзии, так как «проблема художественного перевода решается только в конкретном плане». Отсюда и возникает необходимость построения, помимо общей, еще и жанровых теорий перевода. Вообще тесная связь теории художественного перевода с практикой четко определяется в ряде основных установок рецензируемого труда и в самом его практическом назначении — способствовать развитию искусства перевода.

Поэтому нам тем более трудно согласиться с положением автора о том, что «общее теоретическое решение проблемы не может существенно повлиять на практику перевода, поскольку имеется возможность разнообразных интерпретаций каждого общего принципа».

Г. Гачечиладзе характеризует принципы реалистического перевода двух основных родов литературы — прозы и поэзии, — исходя из особенностей речевой организации каждого рода — как это диктуется самой спецификой худо-

жественного перевода. Автор труда последовательно разбирает составные компоненты как прозаической, так и поэтической речи в их соотношении с целым — творческим объектом перевода. На основе характерных признаков каждого жанра в книге конкретно разбираются принципы перевода различных видов прозаических и поэтических произведений.

Основной методологической задачей в процессе перевода как поэзии, так и прозы Г. Гачечиладзе считает нахождение «стилистического ключа» к переводимому произведению. Найти такой стилистический ключ — это значит, прежде всего, определить соответствие мировоззрения и стиля автора. Такой методологический принцип дает возможность передать в переводе все основное и характерное, что в оригинале служит этому соответствию.

В этой части труда Г. Гачечиладзе имеются единичные положения и формулировки, требующие, на наш взгляд, дальнейшего уточнения и углубления.

Например, определяя компоненты художественной речи, автор говорит:

«Последовательность компонентов художественной речи мы представляем следующим образом: мысль, в которой выражается мировоззрение автора и соответствующая эмоциональная реакция на какое-нибудь конкретное явление, вызывает определенную интонацию и ритмический строй речи, и все это проявляется в национальном синтаксическом строе».

В данной формулировке отсутствует два существенных элемента художественной речи — образный строй и лексика. Правда, разъясняя далее это положение, автор уделяет должное внимание принципу передачи в новой языковой среде образной стороны оригинала (главным образом идиом и пословиц), но в указанной формулировке этот момент отсутствует. К тому же, мы имеем в виду образный строй более широкого плана, чем идиомы и поговорки, а именно, совокупность всех образных элементов как системы авторского или национального творчества.

Таков основной круг вопросов художественного перевода, разобранных и освещенных в рецензируемой книге.

В подкрепление своих теоретических положений автор привлекает обильный фактический материал как грузинской и русской, так и западно-европейской (английской, немецкой, французской) литератур. Немаловажен и тот факт, что Г. Гачечиладзе сам является мастером поэтического перевода. Его перу принадлежат переводы на грузинский язык трагедий и сонетов Шекспира, «Песни о Гайавате» Лонгфелло, произведений

Байрона, Бернса и других английских авторов.

Совершенно очевидно, что подобный обобщающий труд мог быть построен лишь на базе изучения исторического опыта перевода, а также освоения имеющейся в этой области научной литературы и обобщений теоретической переводческой мысли. Сюда в первую очередь относятся основополагающие высказывания об искусстве перевода классиков марксизма-ленинизма и их собственная переводческая практика. Решающее значение в формировании взглядов и положений автора имеют также традиции реалистического художественного перевода, существовавшие в России и в Грузии, а в нашу эпоху — значительный вклад, внесенный в разработку теоретических основ перевода советскими писателями и литературоведами.

Книге в качестве вводной части предпосылается обзор истории пробле-

мы художественного перевода в Грузии.

Весьма ценным является тот факт, что наряду с разработкой общих проблем искусства перевода автор уделяет большое внимание вопросам перевода с грузинского и на грузинский язык. Здесь в первую очередь прослеживаются имеющие исторические корни взаимоотношения грузинского и русского языков. Поскольку эта традиция в той или иной мере присуща культурному развитию всех народов нашей страны, то труд Г. Гачечиладзе, помимо своей общей научно-литературной значимости, приобретает особый интерес в плане изучения мало освещенных вопросов перевода на русский язык с языков народов СССР.

Исследование Г. Гачечиладзе является значительным вкладом в советскую переводческую науку. Поэтому нам представляется весьма целесообразным издание этой книги на русском языке.

Нат. ЧХЕИДЗЕ

Подписано в печати 17 августа 1961 г. 6 печ. листов + 3 вкл.

Заказ № 808

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Тираж 2.500

У8-04958

Цена 40 коп.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწიგნობრობის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

ЦЕНА 40 КОП.

Handwritten mark

Handwritten mark